

Маргарет Митчелл

Унесенные ветром. Том 2

Перевод с английского
Татьяны Кудрявцевой

ФТМ

Унесенные ветром

Маргарет Митчелл

Унесенные ветром. Том 2

«ФТМ»

1936

Митчелл М.

Унесенные ветром. Том 2 / М. Митчелл — «ФТМ»,
1936 — (Унесенные ветром)

ISBN 978-5-44-671288-5

Первый и единственный роман американской писательницы Маргарет Митчелл «Унесенные ветром» с первой своей публикации вошел в золотой фонд мировой классической литературы, а его главной героине – сильной маленькой женщине Скарлетт О'Хара и ее истории суждено было жить вечно. Это книга о любви и войне, о предательстве и верности, о жестокости и умении продолжать жить вопреки всему, даже когда привычный благоустроенный мир полностью разрушен в гражданской войне Севера и Юга. Во второй том входят IV и V части романа.

ISBN 978-5-44-671288-5

© Митчелл М., 1936

© ФТМ, 1936

Содержание

Часть четвертая	6
Глава 31	6
Глава 32	18
Глава 33	28
Глава 34	38
Глава 35	53
Глава 36	69
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Маргарет Митчелл

Унесенные ветром

Том 2

© Перевод. Т. Кудрявцева, наследники, 2020

© Агентство ФТМ, Лтд., 2020

Часть четвертая

Глава 31

Холодным январским днем 1866 года Скарлетт сидела в своем кабинете и писала письмо тете Питти, в котором подробнейшим образом в десятый раз объясняла, почему ни она, ни Мелани, ни Эшли не могут приехать в Атланту и поселиться с ней. Писала она быстро, стремительно, ибо знала: тетя Питти, не успев прочесть начало, тотчас примется за ответ, и письмо будет заканчиваться жалобным всхлипом: «Я боюсь жить одна!» Руки у Скарлетт застыли, и, отложив в сторону перо, она потерла их, чтобы согреть, а ноги глубже засунула под старое одеяло. Подметки на ее туфлях прохудились, и она вложила в них стельки, выстриженные из ковра. Ковровая ткань предохраняла, конечно, ноги от соприкосновения с полом, но не давала тепла. Утром Уилл повел в Джонсборо лошадь, чтобы подковать, и Скарлетт мрачно подумала, что, видно, совсем уж худо стало дело, раз о ногах лошадей заботятся, а люди, как дворовые псы, ходят босые.

Она только было снова взялась за гусиное перо, но тут же его опустила, услышав шаги Уилла у черного хода. Вот его деревянная нога застучала в холле и он остановился у двери в ее кабинет. Скарлетт подождала немного, но он не входил, и тогда она окликнула его. Уилл переступил через порог – уши у него покраснели от холода, рыжие волосы были растрепаны; он стоял и смотрел на нее сверху вниз с легкой кривой усмешкой.

– Мисс Скарлетт, – обратился он к ней, – сколько у вас по правде живых денег?

– Ты что, решил жениться на мне, Уилл, и уже считаешь приданое? – не без раздражения спросила она.

– Нет, мэм. Просто захотелось узнать.

Она внимательно посмотрела на него. Нельзя сказать, чтобы Уилл выглядел озабоченным – впрочем, озабоченным он никогда не бывал. И тем не менее она почувствовала: что-то неладно.

– У меня есть десять долларов золотом, – сказала она. – Это все, что осталось от денег того янки.

– Так вот, мэм, этого мало.

– Мало – для чего?

– Мало, чтобы заплатить налог, – сказал он, проковылял к камину и, нагнувшись, протянул к огню свои покрасневшие от холода руки.

– Налог? – повторила она. – Да что ты, Уилл! Мы ведь уже заплатили налог.

– Да, мэм. Только говорят, недостаточно заплатили. Я слышал об этом сегодня в Джонсборо.

– Ничего не понимаю, Уилл. Что ты такое говоришь?

– Мисс Скарлетт, мне, конечно, неприятно вас тревожить, когда на вас и без того столько всего свалилось, а все-таки сказать нужно. Говорят, вы должны заплатить куда больше. Тару оценили ужас как дорого – разрази меня гром, дороже всех поместий в округе.

– Но ведь не могут же заставить нас еще раз платить налог, если мы его уже заплатили.

– Мисс Скарлетт, вы ездите в Джонсборо не часто, и я этому только рад. В нынешние времена это место не для леди. Но если б вы туда чаще ездили, тогда б знали, что сейчас там верховодят крутые ребята – республиканцы, подлипалы и «саквояжники»¹. Они бы вас

¹ Так называли северян, добившихся влияния и богатства на юге страны после Войны за независимость.

довели до белого каления. Ниггеры там расхаживают по тротуарам, а белых господ на мостовую сталкивают, и еще...

– Да при чем тут это – речь же о налоге!

– Сейчас, сейчас, мисс Скарлетт. Эти мерзавцы по какой-то там причине решили поднять налог на Тару, точно она у нас дает доход в тысячу тюков. Когда я об этом услышал, пошел в обход по салунам, чтобы поднабраться сплетен, и вот узнал: кто-то хочет купить Тару по дешевке с шерифских торгов, ежели вы налог сполна не заплатите. А все прекрасно понимают, что заплатить вы не можете. Кто этот человек, который хочет купить Тару, я еще не знаю. Этого я разнюхать не сумел. Правда, думаю, этот трус Хилтон, что женился на мисс Кэтлин, знает, так как очень уж нахально он скланился, когда я его выпрашивал.

Уилл опустился на диван и принялся потирать свою культю. Она начинала ныть у него в холодную погоду: деревяшка, на которую она опиралась, была плохо обита, да и неудобна. Скарлетт в ярости смотрела на него. Да как он может говорить таким небрежным тоном, когда каждое его слово – все равно что похоронный звон по Таре! Продадут с шерифских торгов?! А куда они все денутся? И Тара перейдет к другим владельцам! Нет, даже мысли такой допустить нельзя!

Стремление сделать Тару доходной настолько поглотило Скарлетт, что она совсем не думала о том, что происходит за пределами поместья. Если возникали дела, требовавшие поездки в Джонсборо или в Фейетвилл, она посылала туда Уилла или Эшли, а сама почти не покидала плантации. И подобно тому как раньше она никогда не прислушивалась к разговорам отца о войне, пока война не началась, так и теперь едва ли вникала в долгие беседы, которые вели за столом после ужина Уилл и Эшли по поводу Реконструкции Юга.

Да, конечно, она слышала про подлипал – южан, с выгодой для себя переметнувшихся на сторону республиканцев, и про «саквояжников» – этих янки, которые после поражения южан, словно саранча, ринулись в Южные штаты с одним лишь саквояжем в руке, вмещавшим все их достояние. Было у нее и несколько неприятных стычек с Бюро вольных людей. Слышала она и о том, что какие-то освобожденные негры нахально себя ведут, но этому трудно было поверить, ибо она в жизни еще не встречала нахального негра.

Однако Уилл с Эшли многое намеренно скрывали от нее. Вслед за тяжелыми испытаниями войны для Юга наступила еще более тяжкая пора – Реконструкция, но мужчины условились не говорить дома о некоторых моментах, вызывавших у них наибольшую тревогу. А Скарлетт если и прислушивалась к их беседе, то в одно ухо впускала услышанное, в другое выпускала.

Она, например, слышала, как Эшли говорил, что победители относятся к Югу словно к завоеванной провинции и главным образом занимаются мщением. Но Скарлетт решила, что к ней это никакого отношения не имеет. Политика – мужское дело. Она слышала и то, как Уилл сказал однажды, что, похоже, Север ни за что не даст Югу снова подняться. «О господи, – подумала Скарлетт, – мужчины вечно выдумывают причины для беспокойства». Ее, к примеру, ни один янки и пальцем тронуть не посмел, да и не посмеет. Главное – работать не покладая рук и перестать изводить себя из-за того, что правят у них теперь янки. Война-то все-таки кончилась.

Скарлетт не понимала, что за это время изменились правила игры и далеко не все зависит от того, насколько честно ты будешь трудиться. Джорджия, по сути дела, находилась на военном положении. Всем командовали солдаты-северяне, расквартированные по всей округе, а также Бюро вольных людей, и они устанавливали правила, какие хотели.

Бюро вольных людей, созданное федеральным правительством, чтобы заботиться о бывших рабах, получивших свободу и еще не очень понимавших, что с ней делать, тысячами переселяло негров с плантаций в поселки и города. Бюро обязано было кормить их, пока они не найдут себе работу, а они не слишком спешили, желая сначала свести счеты с бывшими хозяевами.

Местное Бюро возглавлял Джонас Уилкерсон, бывший управляющий Джералда, а помощником у него был Хилтон, муж Кэтлин Калверт. Эта парочка усиленно распространяла слухи о том, что южане и демократы только и ждут случая, чтобы снова закабалить негров, и лишь Бюро вольных людей и республиканская партия способны помочь им избежать этой участи.

Уилкерсон с Хилтоном внушали также неграм, что они нисколько не хуже белых и что скоро будут разрешены смешанные браки, а поместья у бывших хозяев отберут и каждому негру дадут по сорок акров земли и мула в придачу. Они распаляли негров рассказами о жестокостях, чинимых белыми, и в краю, издавна славившемся патриархальными отношениями между рабами и рабовладельцами, вспыхнула ненависть, зародились подозрения.

Бюро в своей деятельности опиралось на солдатские штыки, а военные власти издали немало вызывавших возмущение циркуляров по поводу того, как должны вести себя побежденные. Можно было угодить в тюрьму даже за непочтение к чиновнику Бюро. Циркуляры издавались по любому поводу – об обучении в школах, о поддержании чистоты, о том, какие пуговицы следует носить на сюртуке, какими товарами торговать, – словом, на все случаи жизни. Уилкерсон с Хилтоном имели право вмешаться в любое начинание Скарлетт и заставить ее продавать или менять товары по той цене, какую они установят.

К счастью, Скарлетт почти не соприкасалась с этой парочкой, ибо Уилл убедил ее предоставить это ему, а самой заниматься только плантацией. Мягкий и сговорчивый, Уилл с честью вышел из многих подобного рода трудностей, а ей и словом не обмолвился о них. Да Уилл справился бы и с «саквояжниками», и с янки, если бы пришлось. Но теперь возникла проблема, с которой справиться он не мог. О новом дополнительном налоге на Тару, грозившем потерей поместья, Скарлетт уже не могла не знать, и поставить ее в известность следовало немедленно.

Глаза Скарлетт вспыхнули.

– Черт бы побрал этих янки! – воскликнула она. – Сожрали нас с потрохами, обообрали до нитки – и все им мало, надо еще спустить на нас свору этих мерзавцев!

Война кончилась, заключили мир, а янки по-прежнему могут грабить ее, заставить голодать, выгнать из собственного дома. А она-то, дурочка, считала, что, как бы тяжело ни было, если она продержится до весны – пусть измотается, пусть устанет, – зато все наладится. Сокрушительная весть, которую сообщил ей Уилл, была последней каплей, переполнившей чашу ее страданий: ведь она целый год работала, не разгибая спины, и все надеялась, ждала.

– Ах, Уилл, а я-то думала, что война кончилась и наши беды остались позади!

– Нет, мэм. – Уилл поднял свое простоватое, деревенское с квадратной челюстью лицо и в упор посмотрел на нее. – Беды наши только начинаются.

– И сколько же с нас хотят еще налога?

– Триста долларов.

На мгновение она лишилась дара речи. Триста долларов! Триста долларов для нее сейчас все равно что три миллиона – такой суммы у нее нет.

– Что ж, – раздумчиво произнесла она, – что ж... что ж, значит, придется где-то добывать триста долларов.

– Конечно, мэм. И еще радугу и луну в придачу.

– Но, Уилл, не могут же они продать с молотка Тару! Ведь это...

В обычно мягком взгляде его светлых глаз появилась такая ненависть, такая горечь – никогда бы она не подумала, что он способен на подобные чувства.

– Не могут продать Тару? Очень даже могут – и продадут, и с превеликим удовольствием! Мисс Скарлетт, вы уж меня простите, но нашему краю теперь пришла крышка. Эти «саквояжники» и подлипали – они ведь голосовать могут, а из нас, демократов, мало кто такое право имеет. Ежели за каким демократом в шестьдесят пятом году в налоговых книгах штата больше двух тысяч долларов было записано, такой демократ не может голосовать. Значит, и ваш папаша, и мистер Тарлтон, и Макра, и Фонтейны – все вылетают из списков. Потом, ежели

ты был полковником и воевал, ты тоже не можешь голосовать, а ей-же-богу, мисс Скарлетт, у нас куда больше полковников, чем в любом другом штате Конфедерации. И ежели ты служил правительству конфедератов, ты тоже не можешь голосовать; значит, все вылетают из списков – от нотариусов до судей, и таких людей сейчас в лесах полным-полно. Словом, лихо янки подловили нас с этой своей присягой на верность: выходит, ежели ты был кем-то до войны, значит, голосовать не можешь. Люди умные, люди достойные, люди богатые – все лишены права голоса.

Ну, я-то, конечно, мог бы голосовать, ежели б принял эту их чертову присягу. У меня ведь никаких денег в шестьдесят пятом не было и полковником я не был, да и вообще никем. Только дудки – никакой их присяги я принимать не стану. Даже не взгляну на нее! Если б янки почестному себя вели, я бы принял их присягу, а сейчас не стану. К Союзу можете присоединить меня, пожалуйста, а какая тут может быть Реконструкция – в толк не возьму. Ни за что не приму их присяги – пусть даже никогда больше не буду голосовать... А вот такой подонок, как этот Хилтон, – он голосовать может, и мерзавцы вроде Джонаса Уилкерсона, и всякие белые голодранцы вроде Слэттери, и никчемные людишки вроде Макинтошей – они все могут голосовать. И они теперь правят всем. И ежели вздумают двадцать раз взыскать с вас налог, то и взыщут. Теперь ведь ниггер убьет белого – и никто его за это не повесит. Или, скажем... – Он умолк, погрузившись в свои мысли, и оба одновременно вспомнили про белую женщину на уединенной ферме близ Лавджоя... – Эти ниггеры могут как угодно нам гадить: Бюро вольных людей все равно их выгородит, и солдаты поддержат винтовками, а мы даже голосовать не можем и вообще не можем ничего.

– Голосовать, голосовать! – воскликнула Скарлетт. – Да какое отношение имеет голосование к тому, о чем мы говорим, Уилл?! Мы же говорим о налогах... Послушай, Уилл, ведь все знают, что Тара – хорошая плантация. В крайнем случае можно заложить ее за приличную сумму, чтоб заплатить налог.

– Мисс Скарлетт, вы же не дурочка, а иной раз так говорите, что можно подумать – глупее вас на свете нет. Да у кого сейчас есть деньги, чтобы дать вам под вашу собственность? У кого, кроме «саквояжников», а они-то как раз и хотят отобрать у вас Тару! У всех есть земля. Всем земля чего-то приносит. Нельзя отдавать землю.

– У меня есть бриллиантовые сережки, которые я отобрала у того янки. Мы могли бы их продать.

– Мисс Скарлетт, ну у кого есть деньги, чтоб сережки покупать? Да у людей на мясную грудинку денег нет, где там на мишуру! Вот у вас есть десятка золотом, а у многих, могу поклясться, и того нет.

Они снова замолчали; Скарлетт казалось, что она бьется головой о каменную стену. Сколько же было за прошлый год таких стен, о которые ей пришлось биться головой!

– Что же делать-то будем, мисс Скарлетт?

– Не знаю, – сказала она уныло и вдруг почувствовала, что не только не знает, но и не хочет знать. Нет у нее сил, чтобы пробивать еще и эту стену, – она так устала, у нее даже кости ноют. К чему работать не покладая рук, бороться, истязать себя, когда в конце каждого испытания тебя с ехидной усмешкой ждет поражение? – Не знаю, – повторила она. – Только ничего не говори папе. Он может встревожиться.

– Не скажу.

– А кому-нибудь уже сказал?

– Нет, я пришел прямо к вам.

Да, подумала она, с плохими вестями все приходят всегда прямо к ней, и она устала от этого.

– А где мистер Уилкс? Может быть, он что-то придумает?

Уилл посмотрел на нее своими добрыми глазами, и она поняла – как в тот день, когда Эшли вернулся домой, – что Уилл все знает.

– Он во фруктовом саду – обтесывает колья для ограды. Я, когда ставил в конюшню лошадь, слышал, как он орудует топором. Но у него ведь тоже нет денег, как и у нас.

– Я, что же, уж и поговорить с ним не могу, да? – резко парировала она, поднимаясь и движением ноги отбрасывая старое одеяло.

Уилл не обиделся – он продолжал стоять, грея руки у огня.

– Взяли бы вы шаль, мисс Скарлетт. На улице-то сыро.

Но она вышла без шали, ибо за шалью надо было подняться наверх, а ей не терпелось поскорее увидеть Эшли и излить ему свои тревоги.

Хоть бы застать его одного – вот было бы счастье! Ни разу с тех пор, как он вернулся домой, она не имела возможности перемолвиться с ним хоть словом наедине. Вечно вокруг вертелся кто-то из домашних, вечно рядом была Мелани – она то и дело протягивала руку и дотрагивалась до его рукава, словно хотела лишний раз убедиться, что он действительно тут. Этот жест счастливой собственницы неизменно вызывал у Скарлетт взрыв ревности и злости, которые притупились было за те месяцы, когда она считала, что Эшли уже мертв. Сейчас же она твердо решила, что должна видеть его наедине. Она не допустит, чтоб ей помешали говорить с ним с глазу на глаз.

Она шла по фруктовому саду под голыми деревьями – трава была сырая, и ноги у нее промокли. Она слышала вдали звонкие удары топора – это Эшли обтесывал вытащенные из болота стволы. Не скоро это и не просто – восстановить изгородь, которую янки с таким упорением тогда сожгли. Все дается не скоро и не просто, устало подумала она, и как же все ей надоело, надоело и опротивело до тошноты. Вот если бы Эшли был ее мужем, а не мужем Мелани, какое это было бы счастье – прийти к нему, уткнуться головой ему в плечо, расплакаться, переложить на него все свои тяготы и беды, пусть бы он все распутывал.

Она обошла гранатовую рощицу – голые ветви деревьев трепал холодный ветер – и увидела Эшли: он стоял, опершись на топор, вытирая лоб тыльной стороной ладони. На нем были старые домотканые брюки и рубашка Джералда – из тех, что в лучшие времена надевали только в суд или на пикники, – рубашка с кружевными, рюшами, слишком короткая для ее нынешнего владельца. Сюртук Эшли повесил на сучок, ибо работать в нем было жарко, и сейчас отдыхал.

Глядя на Эшли – оборванного, с топором в руке, Скарлетт почувствовала, как сердце у нее защемило от любви к нему и ярости на то, что все так складывается. Просто невыносимо было видеть некогда беспечного, безукоризненно элегантного Эшли за тяжелой работой, в рубашке с чужого плеча. Руки его не созданы для физического труда, а тело – для грубой одежды; он должен ходить в шелковистом льне и тонком сукне. Бог предназначил ему жить в большом доме, беседовать с приятными людьми, играть на рояле, писать стихи, такие красивые, хоть и непонятные.

Ее не корбило, когда она видела собственное дитя в переднике из мешковины, а своих сестер – в грязных старых ситцах; она спокойно переносила то, что Уилл работает больше, чем иной раб на плантации, – но не могла стерпеть, чтоб так работал Эшли. Эта работа не для него, да и слишком он ей дорог. Нет, лучше самой обтесывать колья, чем допустить, чтоб это делал он.

– Говорят, Эйби Линкольн начинал свою карьеру тоже так – обтесывал колья, – заметил Эшли, когда она подошла к нему совсем близко. – Подумать только, каких высот я могу достичь!

Она нахмурилась. Вечно он шутит по поводу их невзгод. Она же воспринимала все очень серьезно, и его шуточки порой раздражали ее.

Она выложила ему новость, привезенную Уиллом, – сухо, без лишних слов, чувствуя облегчение уже оттого, что говорит с ним. Конечно же, он что-то придумает, чем-то поможет. А он молчал; однако, заметив, что она дрожит, снял с сучка сюртук и накинул ей на плечи.

– Так вот, – нарушила она наконец молчание, – не кажется ли вам, что нам придется добывать где-то деньги?

– Да, конечно, – сказал он. – Но где?

– Вот я вас об этом и спрашиваю, – раздраженно сказала она. Чувство облегчения исчезло. Пусть он не в состоянии помочь, но почему он молчит, почему не утешит ее, ну хоть сказал бы: «Ах, как мне вас жаль».

Он усмехнулся.

– С тех пор как я вернулся домой, я слышал, что только у одного человека есть деньги: у Ретта Батлера, – сказал он.

Тетушка Питтипэт написала Мелани неделю тому назад, что Ретт снова появился в Атланте: разъезжает в коляске, запряженной двумя отличными лошадьми, и карманы у него набиты зелеными бумажками. Она, конечно, не преминула добавить, что добыл он эти бумажки уж наверняка нечестным путем. А тетя Питти, как и многие в Атланте, верила слухам о том, что Ретту удалось завладеть мифическими миллионами конфедератской казны.

– О нем и речи не может быть, – отрезала Скарлетт. – Он мерзавец, каких свет не видывал. Но что же с нами-то со всеми станет?

Эшли опустил топор и посмотрел в сторону – казалось, взгляд его блуждал в каком-то далеком-далеком краю, куда она не могла за ним последовать.

– Не знаю, – сказал он. – Я не только не знаю, что станет с нами, живущими в Таре, но не знаю, что станет с южанами вообще.

Ей захотелось крикнуть ему: «Плевала я на южан! Что будет с нами?» Но она промолчала, потому что усталость вдруг снова навалилась на нее. Нет, помощи от Эшли ждать нечего.

– В конце концов с нами произойдет, видимо, то, что происходит всегда, когда рушится цивилизация. Люди, обладающие умом и мужеством, выплывают, а те, кто не обладает этими качествами, идут ко дну. По крайней мере, мы хоть видели *Götterdämmerung* – любопытно, хотя и не очень приятно.

– Видели – что?

– Сумерки богов. К несчастью, мы – южане – считали ведь себя богами.

– Ради всего святого, Эшли Уилкс! Не стойте и не болтайте чепухи – ведь это мы же вот-вот пойдем ко дну!

Ее страстное отчаяние, казалось, проникло в его сознание, вернуло мысль из тех далеких краев, где она блуждала, ибо он нежно взял Скарлетт за руки и, повернув их ладонями вверх, посмотрел на мозоли.

– Самые красивые руки, которые я когда-либо видел, – сказал он и легонько по очереди поцеловал обе ладони. – Они красивые, потому что сильные, и каждая мозоль на них – это медаль, Скарлетт, каждая ссадина – награда за мужество и бескорыстие. И загубели они потому, что трудились за нас всех – и за вашего отца, и за девочек, и за Мелани, и за малыша, и за негров, и за меня. Хорошая моя, я знаю, о чем вы сейчас думаете. Вы думаете: «Какой же он непрактичный дурак и болтун, несет всякую чушь про мертвых богов, в то время как живые люди – в опасности». Ведь правда, вы так думаете?

Она кивнула, от души желая, чтобы он всю жизнь держал ее руки, но он выпустил их.

– И вы пришли ко мне в надежде, что я помогу. Ну, а я не в состоянии помочь. – Он с невыразимой горечью посмотрел на топор и на груды кольев. – Дома моего не стало, как не стало и денег, которые у меня были и обладание которыми я считал само собой разумеющимся. Я не приспособлен жить в этом мире, а мир, к которому я принадлежал, – исчез. Я ничем не могу помочь вам, Скарлетт, могу лишь попытаться стать захудалым фермером. А этим я вам Тары не сохраняю. Неужели, вы думаете, я не понимаю всей горечи нашего положения: ведь я, по сути дела, давно живу вашими щедротами... О да, Скарлетт, именно так: вашими щедротами. И я никогда не смогу расплатиться с вами за то, что вы по доброте душевной сделали для

меня и для моих близких. С каждым днем я все острее это сознаю. И с каждым днем все яснее вижу, сколь я беспомощен, сколь не способен справиться с тем, что обрушилось на всех нас... С каждым днем моя проклятая боязнь действительности все больше осложняет мне жизнь, не позволяя взглянуть в лицо тому новому, что в нашей действительности появилось. Вы понимаете, о чем я говорю?

Она кивнула. Ей было не очень ясно, что он имел в виду, но она, затаив дыхание, впитывала его слова. Впервые он делился с ней своими мыслями – он, который всегда был так от нее далек. И вся она пылала от волнения, словно ей вот-вот должно было открыться что-то.

– Это проклятие, когда человек не хочет смотреть в лицо реальности. До войны жизнь казалась мне не более реальной, чем игра теней на занавеси. И меня это устраивало. Я не люблю слишком резких очертаний. Я люблю размытые, слегка затуманенные контуры. – Он помолчал, легкая улыбка тронула его губы; внезапно он вздрогнул, почувствовав сквозь тонкую рубашку прикосновение холодного ветра. – Иными словами, Скарлетт, я – трус.

Она слушала его рассуждения насчет теней и размытых контуров и ничего не понимала, но его последние слова уже были на языке ей доступном. Она знала, что это – неправда; трусость – не в его натуре. Его стройное тело свидетельствовало о поколениях храбрых, мужественных людей, да к тому же Скарлетт знала и об его ратных подвигах.

– Но это же не так! Разве трус мог бы вскочить на пушку под Геттисбергом и сплотить солдат вокруг себя?! Разве стал бы сам генерал писать Мелани письмо про труса? И потом...

– Это не храбрость, – устало произнес он. – Обстановка боя действует как шампанское. Ударяет в голову равно трусам и героям. Любой дурак может быть храбрым на поле брани, потому что, если не будешь храбрым, тебя убьют. Я говорю сейчас о другом. Моя трусость бесконечно хуже того чувства, которое побуждает человека бежать при первом пушечном выстреле.

Он говорил медленно, с трудом произнося слова, точно ему было больно, точно он как бы издала с грустью смотрел на картину, которую сам нарисовал. Скарлетт с презрением отнеслась бы к такой исповеди со стороны кого угодно другого, усмотрев в этом проявление нарочитой скромности и желание услышать похвалу. Но Эшли, очевидно, действительно так думал, и во взгляде его было что-то такое, чего она не могла понять, – не трусость и не сожаление, а покорность силе, неизбежной и всесокрушающей. Зимний ветер холодом хлестнул ее по мокрым ногам, и она вздрогнула – впрочем, не столько от холода, сколько от страха, вызванного его словами и леденившего ей душу.

– Но, Эшли, чего же вы боитесь?

– О, это не поддается определению. Бывают вещи, которые звучат очень глупо, если их облечь в слова. Главное в том, что жизнь стала вдруг слишком реальной, что ты соприкоснулся, сам соприкоснулся с простейшими ее фактами. И дело не в том, что меня огорчает необходимость обтесывать колья, стоя в грязи, – меня огорчает то, что эту необходимость породило. И меня огорчает – очень огорчает – утрата красоты, которой полна была прежняя, любимая мною жизнь. А ведь какая, Скарлетт, красивая была жизнь до войны. В ней было все – и прелесть, и совершенство, и идеал, и симметрия, как в греческом искусстве. Возможно, она не была такой для всех. Теперь я даже твердо знаю, что не была. Но мне, когда я жил в Двенадцати Дубах, жизнь казалась поистине прекрасной. И я был частью этой жизни. Я составлял с ней единое целое. А теперь ее не стало, и мне нет места в новой жизни, и я боюсь. Теперь я знаю, что раньше я видел не жизнь, а лишь игру теней. Я избегал всего, что не было призрачно, – избегал обстоятельств и людей, слишком живых, слишком реальных. Я злился, когда они вторгались в мою жизнь. Я старался избегать и вас, Скарлетт. В вас жизнь была ключом, вы были слишком реальны, а я трусливо предпочитал тени и мечты.

– А... а... Мелли?

– Мелани – самая нежная из моих грез, она всегда присутствовала в моих мечтаниях. И не случись войны, я бы так и прожил в счастливом уединении Двенадцати Дубов, наблюдая за тем, как жизнь течет мимо, однако не участвуя в ней. Но вот началась война, и жизнь подлинная, реальная обрушилась на меня. В первом же сражении – а было это, вы помните, у Булл-Рэна – я увидел, как друзей моего детства разрывало на куски снарядами, я слышал ржание гибнущих лошадей, познал мерзкую тошноту, которая подкатывает к горлу, когда у тебя на глазах вдруг сгибается пополам и харкает кровью человек, в которого ты всадил пулю. Но не это самое страшное на войне, Скарлетт. Для меня самым страшным были люди, с которыми приходилось жить.

Я всю жизнь отгораживался от людей и своих немногих друзей выбирал очень тщательно. И вот на войне я узнал, что создал себе мир, населенный выдуманными людьми. Война открыла мне, каковы люди на самом деле, но не научила меня жить с ними. И боюсь, никогда этому не научусь. Что ж, я понимаю, что должен кормить жену и ребенка и мне придется для этого прокладывать себе путь в мире людей, с которыми у меня нет ничего общего. Вы, Скарлетт, хватаете жизнь за рога и поворачиваете ее туда, куда хотите. А мое место в жизни – где оно теперь? Говорю вам: я боюсь.

Тихий голос его звенел от напряжения, а Скарлетт, ничего не понимая, в отчаянии пыталась зацепиться хотя бы за отдельные слова и составить из них какой-то смысл. Но слова ускользали, разлетались, как дикие птицы. Что-то терзало Эшли, жестоко терзало, но она не могла понять, что именно.

– Я и сам не знаю, Скарлетт, когда я толком понял, что моему театру теней пришел конец. Возможно, в первые пять минут у Булл-Рэна, когда я увидел, как упал первый простреленный мною солдат. Но я знал, что все кончено и я больше не могу быть просто зрителем. И я вдруг обнаружил, что нахожусь на сцене, что я – актер, гримасничающий и попусту жестикулирующий. Мой внутренний мирок рухнул, в него ворвались люди, чьих взглядов я не разделял, чьи поступки были мне столь же чужды, как поступки готтентотов. Они грязными башмаками прошли по моему миру, и не осталось ни единого уголка, где я мог бы укрыться, когда мне становилось невыносимо тяжело. Сидя в тюрьме, я думал: «Вот кончится война, и я вернусь к прежней жизни, к моим старым мечтам, в свой театр теней». Но, Скарлетт, возврата к прошлому нет. И то, с чем столкнулись мы сейчас, – хуже войны и хуже тюрьмы, а для меня и хуже смерти... Так что, как видите, Скарлетт, я несу наказание за свой страх.

– Но, Эшли, – начала она, все глубже увязая в трясине непонимания, – если вы боитесь, что мы умрем с голоду, так почему же... почему... Ах, Эшли, не волнуйтесь: мы как-нибудь справимся! Я знаю, что справимся.

На секунду взгляд его вновь обратился на нее, и в серых глазах, широко раскрытых и ясных, было восхищение. А потом они снова стали отчужденными, далекими, и сердце у Скарлетт упало – она поняла: он думал не о том, что они могут умереть с голоду. Вечно они говорят на разных языках. Но она так любила его, что, когда он замыкался в себе, как сейчас, ей казалось, будто теплое солнце ушло с небосклона и она осталась в холодном сыром полумраке. Ей хотелось схватить его за плечи, привлечь к себе, заставить наконец осознать, что она живая, а не вычитанная им или вымечтанная. Вот если бы вновь почувствовать, что они – одно целое, как в тот давний день, когда он вернулся домой из Европы, стоял на ступеньках Тары и улыбался ей.

– Голодать – не очень-то приятно, – сказал он. – Я это знаю, потому что голодал, но я не боюсь голода. Я боюсь жизни, лишенной неспешной красоты нашего мира, которого уже нет.

Скарлетт в отчаянии подумала, что Мелани поняла бы его. Эшли с Мелани вечно болтают о всяких глупостях – стихи, книги, мечты, лунный свет, звездная пыль... Ему не страшно то, что страшит ее, Скарлетт, – не страшны режущие боли в голодном желудке, пронизывающий зимний ветер, выселение из Тары. Его терзает какой-то иной страх, которого она никогда не

знала и не может вообразить. Честное слово, ну чего в этом мире еще бояться, если не голода, холода и возможности лишиться крова?

А ведь ей казалось, что если она будет внимательно слушать Эшли, то поймет его.

– Вот как?! – произнесла она, и в голосе ее прозвучало разочарование ребенка, который, развернув яркую бумажную обертку, обнаружил, что внутри ничего нет.

При этом возгласе Эшли печально улыбнулся, как бы прося у нее прощения.

– Извините меня, Скарлетт, за все, что я тут наговорил. Вы не можете меня понять, потому что не знаете страха. У вас сердце льва, вы начисто лишены воображения, и я вам завидую. Вас не страшит встреча с действительностью, и вы не станете бежать от нее, как я.

– Бежать!

Казалось, из всего им сказанного это было единственное слово, которое она поняла. Значит, Эшли, как и она, устал от борьбы и хочет бежать. Она чуть не задохнулась.

– Ох, Эшли, – вырвалось у нее, – как вы не правы! Я тоже хочу бежать. Я тоже от всего этого устала!

Он в изумлении поднял брови; в эту минуту она своей горячей рукой схватила его за плечо.

– Послушайте меня, – быстро заговорила она; слова полились неудержимым потоком, подгоняя друг друга. – Я же говорю вам: я тоже от всего этого устала. До смерти устала и не желаю больше так жить. Я боролась за каждый кусок хлеба, за каждую лишнюю монету, я полола и рыхлила мотыгой, и собирала хлопок, я даже пахала, а потом вдруг поняла, что не желаю больше так жить – ни минуты. Говорю вам, Эшли: Юг умер! Умер! Янки, вольные негры и «саквояжники» стали здесь хозяевами, и для нас ничего не осталось. Эшли, бежим отсюда!

Он наклонился к ней и впился взглядом в ее пылающее лицо.

– Да, давайте убежим – бросим их всех! Устала я гнуть спину на других. Кто-нибудь о них позаботится. Когда люди сами не могут заботиться о себе, всегда ведь находится кто-то, кто берет на себя заботу о них. Ах, Эшли, давайте убежим, убежим вдвоем – вы и я. Мы могли бы уехать в Мексику – мексиканской армии нужны офицеры, и мы могли бы быть так счастливы там. Я буду работать на вас, Эшли. Я для вас горы сверну. В глубине души вы сами знаете, что не любите Мелани...

На лице его отразился испуг, изумление, он хотел что-то сказать, но она не дала ему и рта раскрыть, обрушив на него поток слов.

– Вы же сами сказали мне в тот день, – помните тот день? – что любите меня больше! И я знаю, что вы не изменились с тех пор! Я же вижу, что не изменились! Вот только сейчас вы говорили, что она для вас как сон, как мечта... Ох, Эшли, давайте уедем! Я могла бы сделать вас таким счастливым. Ведь Мелани, – с жестокой откровенностью добавила она, – Мелани больше не сможет... Доктор Фонтейн сказал, что у нее никогда уже не будет детей, а я могла бы родить вам...

Он сжал ее плечи так крепко, что ей стало больно и она, задохнувшись, умолкла.

– Мы должны забыть тот день в Двенадцати Дубах.

– Да неужели вы думаете, что я могу его забыть?! Разве вы его забыли? Можете, положив руку на сердце, сказать, что вы меня не любите?

Он глубоко вобрал в себя воздух и быстро произнес:

– Да, могу. Я не люблю вас.

– Это ложь.

– Даже если и ложь, – сказал Эшли мертвенно-ровным, спокойным голосом, – обсуждать это мы не станем.

– Вы хотите сказать...

– Да неужели вы думаете, что я мог бы уехать и бросить Мелани с нашим ребенком на произвол судьбы, даже если бы я их ненавидел? Мог бы разбить Мелани сердце? Оставить

их обоих на милость друзей? Скарлетт, вы что, с ума сошли? Да неужели у вас нет ни капли порядочности? Вы ведь тоже не могли бы бросить отца и девочек. Вы обязаны о них заботиться, как я обязан заботиться о Мелани и Бо, и устали вы или нет, у вас есть обязательства, и вы должны их выполнять.

– Я могла бы бросить отца и девочек... они мне надоели... я устала от них...

Он склонился к ней, и с замирающим сердцем она подумала, что он сейчас обнимет ее, прижмет к себе. Но он лишь похлопал ее по плечу и заговорил, словно обращаясь к обиженному ребенку:

– Я знаю, что вы устали и все вам надоело. Поэтому вы так и говорите. Вы тянете воз, который и трем мужчинам не под силу. Но я стану вам помогать... я не всегда буду таким никчемным...

– Вы можете помочь мне только одним, – хмуро произнесла она, – увезите меня отсюда и давайте начнем новую жизнь в другом месте, где, может быть, нам больше повезет. Ведь нас же ничто здесь не держит.

– Ничто, – ровным голосом повторил он, – ничто, кроме чести.

Она с глубокой нежностью смотрела на него и словно впервые увидела, какие золотые, цвета спелой ржи, у него ресницы, как гордо сидит голова на обнаженной шее, какого благородства и достоинства исполнена его стройная фигура, несмотря на лохмотья, в которые он одет. Взгляды их встретились – в ее глазах была неприкрытая мольба, его же глаза, как горные озера под серым небом, не отражали ничего.

И, глядя в эти пустые глаза, она поняла, что ее отчаянные мечты, ее безумные желания потерпели крах.

Разочарование и усталость сделали свое дело: Скарлетт уткнулась лицом в ладони и заплакала. Еще ни разу в жизни Эшли не видел, чтобы она так плакала. Он никогда не думал, что такие сильные женщины, как Скарлетт, вообще способны плакать, и волна нежности и раскаяния затопила его. Он порывисто шагнул к ней и через минуту уже держал ее в объятиях, нежно баюкая, прижав ее черную головку к своей груди.

– Милая! – шептал он. – Мужественная моя девочка... Не надо! Ты не должна плакать!

Он почувствовал, как она меняется от его прикосновения, стройное тело, которое он держал в объятиях, запылало, околдовывая; зеленые глаза, обращенные на него, зажглись, засияли. И вдруг угрюмой зимы не стало. В сердце Эшли возродилась весна – почти забытая, напоенная ароматом цветов, вся в зеленых шорохах и приглушенных звуках, – бездумная праздная весна и беззаботные дни, когда им владели желания юности. Тяжелых лет, выпавших за это время на его долю, словно и не бывало – он увидел совсем близко алые губы Скарлетт и, нагнувшись, поцеловал ее.

В ушах ее стоял приглушенный грохот прибоя – так гудит раковина, приложенная к уху, – а в груди глухо отдавались удары сердца. Их тела слились, и время, казалось, перестало существовать – Эшли жадно, неутолимо прильнул к ее губам.

Когда же он наконец разжал объятия, Скарлетт почувствовала, что колени у нее подгибаются, и вынуждена была ухватиться за ограду. Она подняла на него взгляд, исполненный любви и сознания своей победы.

– Ведь ты же любишь меня! Любишь! Скажи это, скажи!

Он все еще продолжал держать ее за плечи, и она почувствовала, как дрожат его руки, и еще больше полюбила его за это. Она снова пылко прильнула к нему, но он отстранился, и взгляд его уже не был отрешенным – в нем читались борьба и отчаяние.

– Не надо! – сказал он. – Не надо! Перестань, иначе я овладею тобой прямо здесь, сейчас.

Она только улыбнулась в ответ – бездумно, жадно: не все ли равно, когда и где, – важно, что он целовал ее, целовал.

Внезапно он встряхнул ее, встряхнул так сильно, что ее черные волосы рассыпались по плечам, и продолжал трясти, точно вдруг обезумел от ярости на нее – и на себя.

– Не будет этого! – сказал он. – Слышишь: этого не будет!

Ей казалось, что голова у нее сейчас оторвется, если он еще раз так ее встряхнет. Ничего не видя из-за упавших на лицо волос, оглушенная этим внезапным взрывом, она наконец вырвалась из рук Эшли и в испуге уставилась на него. На лбу его блестели капельки пота, руки были сжаты в кулаки, словно от невыносимой боли. Он смотрел на нее в упор и будто пронизывал насквозь своими серыми глазами.

– В том, что случилось, виноват я – и только я один, и этого никогда больше не повторится: я забираю Мелани с ребенком и уезжаю.

– Уезжаешь? – в ужасе воскликнула она. – Ох, нет!

– Клянусь богом, да! Неужели ты думаешь, что я останусь здесь после того, что произошло? Ведь это может произойти опять...

– Но, Эшли, ты же не можешь так вот взять и уехать. И зачем тебе уезжать? Ты же любишь меня...

– Ты хочешь, чтобы я тебе сказал? Хорошо, скажу. Я люблю тебя. – Он резко наклонился к ней; в его лице появилось такое исступление, что она невольно прижалась к ограде. – Да, я люблю тебя, люблю твою храбрость и твое упрямство, твою пылкость и твою безграничную беспринципность. Сильно ли я тебя люблю? Так люблю, что минуту назад чуть не поправил законы гостеприимства, чуть не забыл, что в этом доме приютили меня и мою семью и что у меня есть жена, лучше которой не может быть на свете... я готов был овладеть тобой прямо здесь, в грязи, как последний...

Она пыталась разобраться в хаосе мыслей и чувств, обуревавших ее, а сердце холодело и ныло, словно пронзенное острой ледышкой. И она неуверенно пробормотала:

– Если ты так желал меня... и не овладел мною... значит, ты не любишь меня.

– Никогда ты ничего не поймешь.

Они стояли и молча смотрели друг на друга. И вдруг Скарлетт вздрогнула и, словно возвращаясь из далекого путешествия, увидела, что на дворе зима, голые поля оцетинились жнивьем; она почувствовала, что ей очень холодно. Увидела она и то, что лицо Эшли снова приняло обычное отчужденное выражение, которое она так хорошо знала, что и ему тоже холодно, и больно, и совестно.

Ей бы повернуться, оставить его, укрыться в доме, но на нее вдруг навалилась такая усталость, что она просто не могла сдвинуться с места. Даже слово сказать было тяжело и неохота.

– Ничего не осталось, – произнесла она наконец. – У меня ничего не осталось. Нечего любить. Не за что бороться. Ты уходишь, и Тара уходит.

Эшли долго смотрел на нее, потом нагнулся и взял пригоршню красной глины.

– Нет, кое-что осталось, – сказал он, и на губах его промелькнуло что-то похожее на прежнюю улыбку, но только с иронией, которая относилась и к ней, и к нему самому. – Осталось то, что ты любишь больше меня, хотя, возможно, и не отдаешь себе в этом отчета. У тебя есть Тара.

Он взял ее безвольно повисшую руку, вложил в ладонь комок влажной глины и сжал пальцы. Руки его уже лихорадочно не горели, да и у нее руки тоже были холодные. Она смотрела с минуту на комок красной земли, но эта земля ничего сейчас для нее не значила. Потом посмотрела на Эшли и вдруг впервые поняла, какой это цельный человек – ни ее страсть, ни чья-либо еще не заставит его раздвоиться.

Он никогда – даже ради спасения своей жизни – не покинет Мелани. И никогда не сделает ее, Скарлетт, своей – хуже того: будет держать ее на расстоянии, какое бы пылкое чувство ни

снесало его. Эту броню ей никогда уже не пробить. Слова «гостеприимство», «порядочность», «честь» значат для него куда больше, чем она сама.

Глина холодила руку Скарлетт, и она снова взглянула на зажатый в пальцах комок.

– Да, – сказала она, – это у меня пока еще есть.

Сначала это были просто слова, а комок в руке был просто красной глиной. Но внезапно она подумала о море красной земли, окружающем Тару, о том, как это ей дорого, и как она боролась за то, чтобы это сохранить, и какая ей еще предстоит борьба, если она хочет, чтобы Тара осталась у нее. Скарлетт снова посмотрела на Эшли, удивляясь, как вдруг исчезли бушевавшие в ней чувства. Мысли были, а чувств не было, словно ее выпотрошили: ей безразличен был и он, и Тара.

– Тебе нет нужды уезжать, – отчетливо произнесла она. – Я не допущу, чтобы вы голодали из-за того, что я повисла у тебя на шее. Больше этого не повторится.

Она повернулась и пошла к дому прямо по неровному полю, на ходу скручивая в узел волосы на затылке. Эшли стоял и смотрел ей вслед. Внезапно он увидел, как она распрямила свои худенькие плечи. И этот жест сказал ему больше, чем любые слова.

Глава 32

Все еще сжимая в руке комок красной глины, Скарлетт поднялась по ступеням крыльца. Она намеренно не пошла черным ходом, ибо острые глаза Мамушки наверняка заметили бы – что-то неладно.

А Скарлетт не хотела видеть ни Мамушку, ни вообще кого бы то ни было. Она не в силах была видеть людей, разговаривать. Ее уже не мучил стыд, разочарование или горечь – лишь была какая-то слабость в коленях да огромная пустота в душе. Крепко сжав глину, так что она просочилась между пальцев, Скарлетт все повторяла и повторяла, точно попугай:

– Это у меня пока еще есть. Да, это у меня пока еще есть.

А больше у нее уже ничего не было – ничего, кроме этой красной земли, которую несколько минут назад она готова была выбросить, как рванный носовой платок. Сейчас же земля эта снова стала ей дорога, и Скарлетт лишь тупо подивилась собственному безумию: как могла она с таким небрежением отнестись к земле. Уступи Эшли ее напору – и она уехала бы с ним, даже не обернувшись, чтобы бросить последний взгляд на свою семью и друзей, тем не менее даже сейчас, несмотря на пустоту в душе, она понимала, что ей было бы тяжело покинуть столь дорогие сердцу красные холмы, и узкие сырые овраги, и эти темные призрачные сосны. Она бы снова и снова с жадностью вызывала их в памяти до самого своего смертного дня. Если бы она вырвала из сердца Тару, даже Эшли не смог бы заполнить образовавшуюся в нем пустоту. Какой же Эшли все-таки умный и как хорошо он ее знает! Вложил в ее руку комок влажной земли – и она пришла в себя.

Войдя в холл и уже прикрывая за собой дверь, Скарлетт вдруг услышала стук копыт и обернулась, чтобы посмотреть, кто едет. Принимать сейчас гостей, – нет, это уж слишком! Скорее наверх к себе, и сослаться на головную боль.

Однако при виде подъезжавшей коляски Скарлетт в изумлении остановилась. Коляска была новая, лакированная, и у лошади была новая сбруя, на которой тут и там поблескивали начищенные медные бляшки. Кто-то чужой. Ни у кого из ее знакомых не было денег на такой великолепный новый выезд.

Она стояла в двери и смотрела на приближавшуюся коляску, а холодный ветер, приподнимая юбки, обдувал ее мокрые ноги. Наконец коляска остановилась перед домом, и из нее выскочил Джонас Уилкерсон. Потрясенная Скарлетт не могла поверить своим глазам: перед ней был их бывший управляющий в роскошном пальто, прикативший к тому же в отличном экипаже. Уилл говорил ей, что Джонас стал явно процветать с тех пор, как получил эту новую работу в Бюро вольных людей. Нахватал кучу денег, сказал Уилл, облапошивая то нигтеров, то правительство, а то и тех и других: к примеру, отбирал у людей хлопок, а потом клялся, что это был хлопок Конфедерации. Конечно, никогда бы ему не заработать честным путем столько денег в такое тяжелое для всех время.

И вот он перед ней – вышел из элегантной коляски и помогает выйти какой-то женщине, разодетой в пух и прах. Скарлетт с одного взгляда увидела, что платье на женщине – яркое до вульгарности, и все же глаза ее жадно вбирали в себя мельчайшие детали туалета незнакомки: она ведь давно не видела новых модных нарядов. Та-ак! Значит, юбки в этом году носят не такие широкие, подытожила она, оглядывая красную клетчатую юбку. Потом взгляд ее скользнул вверх, по черному бархатному жакету – вот какие нынче их носят короткие! А до чего же смешная шляпка! Чепцы, должно быть, уже вышли из моды, ибо на макушке у незнакомки лежал нелепый плоский блин из красного бархата. И ленты завязаны не под подбородком, как у чепцов, а сзади, под тяжелой волной локонов, ниспадавших на шею из-под шляпки, – локонов, которые, как тотчас заметила Скарлетт, отличались от остальных волос и цветом, и шелкови-

стостью. Женщина сошла на землю и повернулась к дому, и тут кроличье лицо, густо обсыпанное пудрой, почему-то показалось Скарлетт знакомым.

– Да ведь это же Эмми Слэттери! – от изумления произнесла она вслух.

– Да, мэм, она самая, – отозвалась Эмми и, вздернув голову, широко осклабившись, направилась к крыльцу.

Эмми Слэттери! Грязная, несчастная потаскушка, незаконнорожденного ребенка которой крестила Эллин, – Эмми, заразившая Эллин тифом! И эта разряженная, вульгарная, мерзкая девка, белая рвань, поднимается сейчас по ступеням Тары с таким видом и с такой улыбочкой, точно тут ей и место... Скарлетт вспомнила Эллин, и чувства нахлынули, затопив пустоту, образовавшуюся было в ее душе, – ею овладела такая смертоносная ярость, что она затряслась, как в приступе малярии.

– Сойди сейчас же со ступеней, ты, дрянь! – закричала она. – Убирайся с нашей земли! Вон отсюда!

У Эмми отвисла челюсть, и она взглянула на Джонаса. Тот шагнул, насупившись, стараясь держаться с достоинством, несмотря на закипавший гнев.

– Вы не должны так говорить с моей женой, – сказал он.

– Женой?! – повторила Скарлетт и разразилась презрительным смехом, резавшим точно нож. – Тебе давно пора было на ней жениться. А кто крестил остальных твоих вырожденков после того, как ты убила мою мать?

– О! – воскликнула Эмми, повернулась и, сбегав со ступеней, кинулась к коляске, но Джонас резко схватил ее за руку и задержал.

– Мы сюда приехали с визитом – с дружеским визитом, – прошипел он. – А также потолковать об одном небольшом дельце со старыми друзьями...

– Друзьями? – Это прозвучало как удар хлыста. – Да разве мы когда-нибудь дружили с такими, как ты? Слэттери жили нашими благоденствиями и отблагодарили нас за это, убив мою мать, а ты... ты... папа выгнал тебя потому, что ты сделал Эмми ребенка, ты прекрасно это знаешь. Друзья?! Убирайся отсюда, пока я не позвала мистера Бентина и мистера Уилкса.

Тут Эмми вырвалась из рук мужа, кинулась к коляске и мигом залезла в нее – мелькнули лишь лакированные сапожки с ярко-красной оторочкой и красными штрипками.

Теперь и Джонас, подобно Скарлетт, весь затрясся от ярости, и его желтоватое лицо побагровело, как зоб у рассерженного индюка.

– Все важничаете, все зазнаетесь, да? Только я ведь все про вас знаю. Знаю, что у вас и башмаков-то крепких нет. Знаю, что отец ваш спятил...

– Убирайся вон!

– Ничего, долго вы так не почете. Я же знаю, что вы на мели. Вы и налог-то заплатить не можете. Я приехал с предложением купить ваше поместье – с хорошим предложением. Уж больно Эмми охота поселиться тут. А теперь – черта с два: я вам цента за него не дам! И кичитесь своими ирландскими кровями сколько хотите – все равно узнаете, кто нынче правит, когда продадут вас с молотка за неуплату налогов. А я куплю это поместье со всеми причиндалами – со всей мебелью и всем, что в доме есть, – и буду тут жить.

Так, значит, это Джонас Уилкерсон зарится на Тару – Джонас и Эмми, которые, видно, решили, что поквитаются за прошлые обиды, поселившись в том доме, где эти обиды были им нанесены. От ярости нервы Скарлетт напряглись, словно натянутая струна, – как в тот день, когда она нацелилась из пистолета в бородатое лицо янки и выстрелила. Вот сейчас бы ей этот пистолет в руки.

– Я разберу дом по камешку, все сожгу, а землю – акр за акром – засыплю солью, прежде чем вы переступите этот порог! – выкрикнула она. – Вы слышали: убирайтесь вон! Убирайтесь!

Джонас ненавидящими глазами смотрел на нее, хотел было что-то сказать, затем повернулся и направился к коляске. Он сел рядом со своей всхлипывающей женой и стегнул лошадь.

Скарлетт неудержимо захотелось плюнуть им вслед. И она плюнула. Она понимала, что это вульгарная, детская выходка, зато ей стало легче. Жаль, что она не плюнула раньше, чтоб они видели.

Эти проклятые вырожденки, подпевающие неграм, смеют приезжать сюда и издеваться над ее бедностью! Да ведь этот пес вовсе и не собирался предлагать ей деньги за Тару. Это был только предлог, чтобы покрасоваться перед ней вместе со своей Эмми. Грязные подлипалы, вшивая белая голытьба, а еще смеют бахвалиться, что будут жить в Таре!

И тут вдруг ужас обуял ее, и всю ярость как рукой сняло.

Мать пресвятая богородица! Конечно же, они приедут и поселятся здесь. И ей не помешать им: они купят Тару, приобретут с аукциона и зеркала, и столы, и кровати, всю мебель красного и розового дерева – приданое Эллин, все, что так бесконечно дорого ей, Скарлетт, хотя и поцарапано грабителями-янки. Не отстоять ей и робийяровского серебра. «Не допущу я этого! – с новым приливом ярости подумала Скарлетт. – Нет, пусть даже мне придется сжечь поместье! Нога Эмми Слэттери никогда не ступит на пол, по которому ходила мама!»

Скарлетт закрыла входную дверь и прислонилась к ней, вся во власти несказанного ужаса. Куда более сильного, чем в тот день, когда солдаты Шермана явились к ним. В тот день она могла опасаться лишь того, что Тару сожгут у нее на глазах. Сейчас же было много хуже: вульгарные, премерзкие людишки вознамерились поселиться в их доме, чтобы потом хвастаться своим вульгарным, премерзким дружкам, как они выставили отсюда высокородных О'Хара. С них ведь станет и негров сюда приглашать – угощать их здесь, даже оставлять на ночь. Уилл рассказывал ей: Джонас всюду, где может, показывает, что он с неграми на равных – и ест с ними, и в гости к ним ходит, и раскатывает с ними в своей коляске, и разгуливает в обнимку.

При одной мысли о таком надругательстве над Тарой у Скарлетт бешено заколотилось сердце и даже стало трудно дышать. Она пыталась сосредоточиться, пыталась найти какой-то выход, но не успевала собраться с мыслями, как новый приступ ярости и страха заглушал все. Однако должен же быть какой-то выход, должен же найтись человек, у которого есть деньги и который мог бы ей их ссудить. Не может так быть, чтобы деньги, точно сухие листья, вдруг как ветром сдуло. Есть же люди, у которых они должны быть. И тут она вдруг вспомнила фразу, которую с усмешкой произнес Эшли:

«Только у одного человека есть деньги. У Ретта Батлера».

Ретт Батлер... Скарлетт быстро вошла в гостиную и закрыла за собой дверь. Она очутилась в полумраке, так как ставни были закрыты и к тому же на дворе стоял серый зимний день. Никому и в голову не придет искать ее здесь, а ей нужно время, чтобы спокойно все обдумать. Мысль, пришедшая ей в голову, была столь проста, что Скарлетт могла лишь удивляться, как она об этом раньше не подумала.

«Я добуду деньги у Ретта. Продам ему бриллиантовые сережки. Или возьму под сережки займы – пусть хранит их, пока я не расплачусь».

На секунду она почувствовала такое облегчение, что у нее от слабости закружилась голова. Она заплатит налог и уж как посмеется над Джонасом Уилкерсоном. Однако не успела Скарлетт порадоваться этой мысли, как неумолимая правда снова всплыла в сознании.

«Но ведь налоги мне придется платить не только в этом году. И в будущем, и через год, и каждый год, пока жива буду. Заплачу на этот раз – они еще повысят налог и будут повышать, пока не выкурят меня отсюда. Если я выращу хороший урожай хлопка, они обложат его, таким налогом, что мне самой ничего не останется, а то и просто конфискуют – скажут, что это хлопок Конфедерации. Эти янки и мерзавцы, которые спелись с ними, будут держать меня на крючке. И всю жизнь я буду жить в страхе, что рано или поздно они прикончат меня. Всю жизнь буду трястись, и бороться за каждый пенни, и работать не покладая рук – и все ни к чему: вечно меня будут обворовывать, а хлопок отберут, и все... Эти триста долларов, которые я одолжу сейчас, чтоб заплатить налог, – только временная оттяжка. Я же хочу избавиться от этого ужаса

раз и навсегда – чтобы спокойно спать ночью и не думать о том, что ждет меня утром, и в будущем месяце, и на будущий год».

Мозг ее работал, как часы. Холодный расчет сам собой подсказывал выход. Она вспомнила Ретта – его ослепительную белозубую улыбку, смуглое лицо, насмешливые черные глаза, бесстыдно раздевающие ее, ласкающие. Ей вспомнилась душная ночь в Атланте в конце осады, когда они сидели на крыльце у тети Питти, укрытые летней тьмой, и она снова почувствовала его горячую руку на своем локте, снова услышала его голос: «Никогда еще ни одна женщина не была мне так желанна, и никогда еще ни одной женщины я не добивался так долго, как вас».

«Я выйду за него замуж, – холодно решила она. – И тогда мне уже больше не придется думать о деньгах».

О, благословенная мысль, более сладостная, чем надежда на вечное спасение: никогда больше не тревожиться о деньгах, знать, что с Тарой ничего не случится, что ее близкие будут сыты и одеты и что ей самой никогда не придется больше биться головой о каменную стену!

Она вдруг показалась сама себе древней старухой. События этого дня вконец опустошили ее: сначала страшная весть о налоге, потом – Эшли и, наконец, эта ненависть, которую вызвал в ней Джонас Уилкерсон. А теперь все чувства в ней притупились. Если же она еще была бы способна чувствовать, что-то в ней наверняка воспротивилось бы плану, который складывался у нее в голове, ибо Ретта она ненавидела больше всех на свете. Но Скарлетт ничего не чувствовала. Она могла лишь думать, и притом думать расчетливо.

«Я наговорила ему уйму гадостей в ту ночь, когда он бросил нас на дороге, но я сумею заставить его забыть об этом, – думала она, исполненная презрения к этому человеку и уверенная в своей власти над ним. – Прикинусь такой простодушной дурочкой. Внушу ему, что всю жизнь любила его, а в ту ночь была просто расстроена и напугана. О, эти мужчины – они такие самовлюбленные, чему угодно поверят, если им это льстит... Ну, а я, пока его не заарканю, конечно же, и виду не подам, в каких мы стесненных обстоятельствах. Нет, он не должен этого знать! Если он хотя бы заподозрит, какие мы бедные, то сразу поймет, что мне нужны его деньги, а не он сам. Но и общем-то, откуда ему узнать, – ведь даже тетя Питти не знает, до чего все плохо. А когда я женю его на себе, он вынужден будит нам помочь. Не допустит же он, чтоб семья его жены погибала от голода».

Его жены. Миссис Ретт Батлер. Что-то возмутилось в ней, шевельнулось, нарушив было холодный ход размышлений, и – улеглось. Ей припомнился короткий медовый месяц с Чарльзом, гадливость и стыд, его руки, неумело шарившие по ее телу, его непонятный экстаз, а потом – извольте: Уэйд Хэмптон.

«Не стану сейчас об этом думать. Волноваться будем после свадьбы...» После свадьбы. Память тотчас откликнулась. И по спине Скарлетт пробежал холодок. Ей снова вспомнилась та ночь на крыльце у тети Питти, вспомнилось, как она спросила Ретта, следует ли ей понимать, что он делает ей предложение, вспомнилось, как он гадко рассмеялся и сказал: «Моя дорогая, я не из тех, кто женится».

А что, если он до сих пор не из тех, кто женится? А что, если, несмотря на все ее чары и ухищрения, он не захочет на ней жениться? А что, если – боже, какая страшная мысль – что, если он и думать забыл о ней и увлечен сейчас другой женщиной?

«Никогда еще ни одна женщина не была мне так желанна...» Скарлетт с такой силой сжала кулаки, что ногти вонзились в ладони.

«Если он забыл меня, я заставлю его вспомнить. Я сделаю так, что он снова будет желать меня».

А если он все же не захочет на ней жениться, но она по-прежнему будет желанна ему, что ж, можно и на это пойти – лишь бы добыть денег. Ведь предлагал же он ей стать его любовницей.

В сером полумраке гостиной она быстро, решительно вступила в борьбу с тенью, властвовавшими над ней: тенью Эллин, заповедями своей веры и любовью к Эшли. Скарлетт сознавала, что самый ход ее мыслей показался бы омерзительным Эллин, даже там, где она теперь пребывает – в этом далеком и теплом раю. Сознавала Скарлетт и то, что прелюбодеяние – это смертный грех. Сознавала, что, любя Эшли, предает не только свое тело, но и любовь.

Но все эти соображения отступали перед безжалостной холодностью разума и безысходностью ее отчаяния. Эллин мертва, и, возможно, смерть заставляет смотреть на все по-иному. Религия запрещает прелюбодеяние под угрозой вечных мук в аду, но если церковь полагает, что она, Скарлетт, не испробует все на свете, чтобы спасти Тару и спасти своих близких от голода, – что ж, пусть это и волнует церковь. А ее, Скарлетт, не волнует ничего. По крайней мере – сейчас. Эшли же... Эшли она не нужна. Нет, нужна. Воспоминание о его горячих губах подсказывало ей, что это так. Но он никогда с ней не уедет. Как странно, убеги она с Эшли, это не казалось бы ей грехом, а вот с Реттом...

В унылых сумерках угасавшего зимнего дня Скарлетт подошла к концу того длинного пути, на который ступила в ночь падения Атланты. Тогда она была избалованной, эгоистичной, неопытной девушкой, юной, пылкой, исполненной изумления перед жизнью. Сейчас, в конце пути, от этой девушки не осталось ничего. Голод и тяжелый труд, страх и постоянное напряжение всех сил, ужасы войны и ужасы Реконструкции отняли у нее теплоту души, и юность, и мягкость. Душа ее затвердела и словно покрылась корой, которая постепенно, из месяца в месяц, слой за слоем все утолщалась.

Но до нынешнего дня две надежды жили в сердце Скарлетт и поддерживали ее. Она надеялась, что с окончанием войны жизнь постепенно войдет в прежнюю колею. Она надеялась, что с возвращением Эшли жизнь вновь обретет какой-то смысл. Сейчас от обеих этих надежд ничего не осталось. Появление Джонаса Уилкерсона на подъездной аллее Тары заставило Скарлетт понять, что для нее, как и для всего Юга, война никогда не кончится. Самые ожесточенные бои, самые жестокие схватки еще впереди. А Эшли – навеки узник тех слов, что прочнее прутьев любой темницы.

Надежда на мирную жизнь не сбылась, как не сбылась и надежда на Эшли, – о том и о другом она узнала в один и тот же день, и края последней щелочки в покрывавшей ее душу коре окончательно сомкнулись, верхний слой затвердел. С ней произошло то, против чего предостерегала ее бабуля Фонтейн: она стала женщиной, которая видела самое страшное и теперь уже ничего не боится. Не боится жизни, не боится матери, не боится потерять любовь или пасть в глазах общества. Сейчас испугать ее может лишь голод – реальный или увиденный во сне.

Какое-то удивительное чувство легкости и свободы овладело Скарлетт теперь, когда она закрыла свое сердце всему, что привязывало ее к тем былым дням и к той былой Скарлетт. Она приняла решение и, слава богу, нисколько не боится. Ей нечего терять, она все обдумала.

Если только ей удастся заманить Ретта в ловушку и женить на себе, все будет прекрасно. Ну а если не удастся, – что ж, деньги она все равно добудет. На секунду Скарлетт задумалась, с отстраненным любопытством спрашивая себя: а что, интересно, требуется от любовницы? Будет ли Ретт настаивать на том, чтобы она жила в Атланте, где, судя по слухам, живет эта его Уотлинг? Если он заставит ее жить в Атланте, ему придется хорошо за это заплатить – заплатить столько, чтобы Тара не пострадала от ее отсутствия. Скарлетт понятия не имела, из чего складывается интимная жизнь мужчины, и потому не представляла себе, каковы могут быть условия договора. А что, если у нее появится ребенок? Это будет просто ужасно.

«Сейчас не стану об этом думать. Подумаю потом». И она отодвинула неприятную мысль подальше в глубь сознания, чтобы не поколебать своей решимости. Сегодня вечером она скажет родным, что едет в Атланту занять денег и в крайнем случае попытается заложить плантацию. Больше они ничего не должны знать – до того страшного дня, когда так или эдак все узнается.

Как только она приняла этот план действий, голова ее невольно вскинулась, плечи распрямились. Она понимала, что ей предстоит нелегкое испытание. Раньше Ретт искал ее расположения, а решала она. Сейчас она становилась просительницей, просительница же диктовать условия не может.

«Нет, не желаю я ехать к нему просительницей. Я поеду как королева, раздающая милости. Он никогда не узнает правды».

Она подошла к высокому трюмо и, горделиво вздернув голову, взглянула на себя. Из зеркала в потрескавшейся золоченой раме на нее смотрела незнакомка. У Скарлетт было такое ощущение, словно она целый год себя не видела. А ведь она смотрелась в зеркало каждое утро, проверяя, хорошо ли вымыто лицо и тщательно ли причесаны волосы, но при этом всегда была чем-то озабочена и потому толком не видела себя. И теперь на нее смотрела незнакомка! Конечно же, эта тощая женщина с запавшими щеками – кто угодно, но не Скарлетт О'Хара! У Скарлетт О'Хара прелестное, кокетливое, задорное личико! А это лицо никак не назовешь прелестным, в нем нет и следа того обаяния, которое всегда отличало Скарлетт. На нее смотрело бледное, напряженное лицо, черные брови над миндалевидными зелеными глазами резкой линией уходили вверх, словно крылья испуганной птицы. В этом лице было что-то жесткое и затравленное.

«Я же уродина – мне ни за что не зацепить его! – с новым приливом отчаяния подумала она. – И я такая тощая... ох, ужас какая тощая!» Она похлопала себя по щекам, быстро ощупала торчавшие под платьем острые ключицы. Грудь у нее стала совсем плоская – почти как у Мелани. Придется подшить к лифу рюшей, а ведь она всегда презирала девушек, которые прибегали к подобным уловкам. Рюши! Это заставило ее вспомнить еще кое о чем. Ей же нечего надеть. Она опустила взгляд на свое платье, расправила фалды залатанной юбки. Ретту нравились женщины хорошо одетые, модные. Она с грустью вспомнила пышное зеленое платье, которое надела впервые после траура, – платье и шляпку с зеленым пером, которую Ретт привез ей в подарок, и какие комплименты он ей тогда расточал. Вспомнила и красное клетчатое платье Эмми Слэттери, ее отороченные красным сапожки с красными штрипками и плоскую шляпку – и от зависти еще больше возненавидела ее. Все это было безвкусно кричащее, но новенькое, модное и, уж конечно, привлекало взгляд. А ей так хотелось сейчас снова привлекать к себе все взгляды! Особенно Ретта Батлера! Ведь если он увидит ее в этом старье, то сразу поймет, что дела в Таре плохи. А этого он не должен знать.

Идиотка, да как она могла подумать, что достаточно ей поехать в Атланту, чтобы он тут же пал к ее ногам – при ее-то тощей шее и глазах как у голодной кошки, да еще в этом тряпье! Уж если она не могла заставить его сделать предложение, когда была действительно хороша и разодета как картинка, – на что же надеяться теперь, когда она так страшна и плохо одета?! Ведь если мисс Питти писала правду, то он самый богатый человек в Атланте и, конечно же, может выбрать себе любую красавицу, как добропорядочную, так и не очень. «Ну, что ж, – не без горечи подумала она, – зато у меня есть кое-что, чего у большинства красавиц и в помине нет: я умею принять решение и добиваться своего. И будь у меня хоть одно приличное платье...» Но в Таре не было приличных платьев – ни одного, которое не было бы перелицовано и залатано.

«И ничего тут не попишешь», – подумала она, с безнадежностью уставясь в пол. Под ногами ее лежал бархатный ковер Эллин, некогда цвета зеленого мха, а теперь выцветший, потертый, заляпанный, – ведь столько народу за это время спало на нем! – и вид его поверг Скарлетт в еще большее отчаяние, ибо она поняла, что Тара – такая же нищенка, как она сама. Вообще вся эта тонушая в полумраке комната нагнала на Скарлетт уныние, и, подойдя к окну, она подняла раму, распахнула ставни и пустила последние лучи заходящего зимнего солнца. Затем снова закрыла окно, прижалась головой к бархатным портьерам, и взгляд ее затерялся в темных кедрах, окружавших там вдали, за выгоном, их семейное кладбище.

Зеленый, как мох, бархат портьер ласкал и чуть покалывал ей щеку, и она, как кошка, блаженно потерлась о материю. И вдруг уставилась на портьеры.

Минуту спустя она уже волокла по полу тяжелый стол с мраморной крышкой. Его заржавевшие колесики протестующе скрипели. Она подкатила стол к окну, подобрала юбки, залезла на стол и встала на цыпочки, чтобы дотянуться до массивного карниза. До него было слишком высоко – она резко дернула портьеру, так что вылетели гвозди, и портьера с карнизом рухнула на пол.

Словно по мановению волшебной палочки дверь в гостиную приоткрылась, и в просвете появилось черное лицо Мамушки, каждой своей морщинкой источавшее неумное любопытство и величайшую подозрительность. Она осуждающе посмотрела на Скарлетт, все еще стоявшую на столе, задрав юбки выше колен, чтобы удобнее было спрыгнуть на пол. Скарлетт была так возбуждена и с таким торжествующим видом взглянула на Мамушку, что та сразу забеспокоилась.

– Что это вы задумали делать с портьерами мисс Эллин? – спросила она.

– А ты что подсматриваешь в дверную щелку? – огрызнулась Скарлетт, соскочила на пол и потянула на себя пыльный тяжелый бархат.

– Чего же тут подсматривать-то, – ответствовала Мамушка, готовясь к бою. – Нечего вам распоряжаться портьерами мисс Эллин – что это вы надумали: и карниз сорвали, и портьеры в пыли валяются. Мисс Эллин ох как их берегла, эти портьеры-то, и я не позволю вам такое с ними вытворять.

Скарлетт обратила на Мамушку взгляд своих зеленых глаз, глаз, искрившихся весельем, совсем как в те далекие дни, когда она была капризной маленькой девчушкой, о чем частенько со вздохом вспоминала Мамушка.

– А ну-ка, Мамушка, бегом на чердак, принеси мне оттуда ящик с выкройками! – крикнула Скарлетт, подскочив к Мамушке и подталкивая ее к двери. – Я буду шить себе платье!

Мамушка чуть не задохнулась от возмущения при одной мысли о том, что ее двухсотфунтовую тушу заставляют куда-то подниматься, а тем более на чердак, но одновременно в ней зародилось страшное подозрение. Она выхватила портьеру из рук Скарлетт и, словно священную реликвию, прижала к своей монументальной отвислой груди.

– Уж не из портьер ли мисс Эллин собрались вы шить себе платье? Нет, тому не бывать, пока я хоть капельку жива.

На лице молодой хозяйки появилось выражение, которое Мамушка описала бы так: «Уперлась как бык». Но оно тут же сменилось улыбкой, а этому Мамушке трудно было противостоять. Однако на сей раз старуха не попала на удочку. Она смекнула, что мисс Скарлетт заулыбалась лишь затем, чтобы обвести ее вокруг пальца, и преисполнилась решимости не отступать.

– Не надо быть такой скупердйкой, Мамушка. Я собираюсь в Атланту подзаныть денег, и мне для этого нужно новое платье.

– Не нужно вам никаких новых платьев. Нет сейчас таких леди, которые в новых платьях ходят. Они носят старые и очень даже этим гордятся. С чего бы это дочке мисс Эллин одеваться иначе – даже когда она в старом ходит, все должны ее уважать, точно она в шелках.

Упрямое выражение вновь появилось на лице Скарлетт. «Господи Иисусе, вот чудно-то: чем старше мисс Скарлетт становится, тем больше на мистера Джералда походит, а на мисс Эллин – меньше и меньше!»

– Вот что, Мамушка, ты, конечно, знаешь про письмо тети Питти. А она пишет, что мисс Фэнни Элсинг выходит замуж в эту субботу, и я, конечно, хочу поехать на свадьбу. А для этого мне нужно новое платье.

– Да это платье, которое на вас сейчас, нисколько не подвенечному платью мисс Фэнни не уступит. Мисс Питти писала, что Эллинги совсем обеднели.

– Но мне необходимо новое платье! Мамушка, ты же не знаешь, как нам нужны деньги. Налоги...

– Все я про налоги знаю, мэм, да только...

– Знаешь?

– Так ведь Господь Бог наделил меня ушами, чтоб слышать, верно? Ну а мистер Уилл двери-то никогда не закрывает.

И как это Мамушка умудряется всегда все слышать? Просто удивительно, подумала Скарлетт: этакая грузная туша, топает так, что пол трясется, а когда хочет подслушать, подкрадывается тихо, как дикая кошка.

– Ну, раз ты все слышала, значит, слышала и то, как Джонас Уилкерсон и эта его Эмми...

– Да уж, мэм, слышала, – сказала Мамушка, сверкнув глазами.

– Так не будь упрямой, как мул, Мамушка. Неужели ты не понимаешь, что мне необходимо поехать в Атланту и добыть денег, чтоб заплатить налог? И денег надо немало. Я должна это сделать! – И она ударила кулачком о кулачок. – Ей-богу, Мамушка, они выкинут всех нас на улицу, а куда мы тогда пойдем? Неужели ты станешь препираться со мной из-за каких-то маминых портьер, когда эта дрянь Эмми Слэттери, которая убила маму, строит планы, как бы переехать в наш дом и спать на маминой постели?!

Мамушка перенесла тяжесть своего могучего тела с одной ноги на другую, точно слон на отдыхе. Она смутно чувствовала, что ее хотят провестить.

– Да нет, мэм, не хочу я видеть эту дрянь в доме мисс Эллин или чтоб всех нас выставили на улицу, да ведь только... – И она вдруг впилась в Скарлетт осуждающим взглядом: – От кого это вы деньги-то получать собираетесь, что вам вдруг понадобилось новое платье?

– А это, – сказала несколько ошарашенная Скарлетт, – это уж мое дело.

Мамушка пронзительно посмотрела на нее – как в прежние времена, когда Скарлетт была маленькая и тщетно пыталась оправдать свои проступки. Казалось, Мамушка без труда читала в ее мыслях, и Скарлетт невольно опустила глаза, впервые почувствовав укол совести из-за своей затеи.

– Так, значит, вам понадобилось новое распрекрасное платье, чтобы денег занять. Что-то тут не то. Да и почему-то вы не хотите сказать, откуда деньги-то брать задумали.

– Я вообще не желаю ничего об этом говорить, – возмутилась Скарлетт. – Это мое дело. Отдашь ты мне портьеру и поможешь сшить платье?

– Да, мэм, – еле слышно произнесла Мамушка, сдаваясь столь внезапно, что Скарлетт сразу заподозрила неладное. – Я помогу вам сшить платье, а из атласной подкладки, должно, сделаем вам нижнюю юбочку и панталоны кружевом обошьем. – И с ехидной улыбочкой она протянула портьеру Скарлетт. – А мисс Мелли тоже едет с вами в Тланту, мисс Скарлетт?

– Нет, – отрезала Скарлетт, начиная понимать, что ее ждет. – Я еду одна.

– Это вы так думаете, – решительно заявила Мамушка, – да только никуда вы в таком новом платье одна не поедете. Я с вами поеду. Да уж, мэм, и не отстану от вас ни на шаг.

На мгновение Скарлетт представила себе, как она поедет в Атланту и станет разговаривать с Регтом в присутствии насуспенной Мамушки, которая как огромный черный страж будет неотступно следовать за ней. Она снова улыбнулась и положила руку Мамушке на плечо.

– Мамушка, милая. Какая ты хорошая, что хочешь поехать со мной и помочь мне. Но как же наши-то здесь без тебя обойдутся? Ведь ты у нас в Таре сейчас самая главная.

– Ну уж! – промолвила Мамушка. – Не заговаривайте мне зубы-то, мисс Скарлетт. Я ведь знаю вас с той поры, как первую пеленку под вас подложила. Раз я сказала, что поеду с вами в Тланту, значит, поеду, и дело с концом. Да мисс Эллин в гробу перевернется, ежели вы одна-то поедете: ведь в городе-то полным-полно янки и этих вольных ниггеров, да и вообще кого там только нет.

– Но я же остановлюсь у тети Питтипэт, – теряя терпение, сказала Скарлетт.

– Мисс Питти очень даже хорошая женщина, и она, конечно, думает, что все-то видит, но дальше своего носа не видит ничего, – заявила Мамушка, повернувшись с величественным видом, как бы ставя на этом точку, и вышла в холл. А через минуту стены задрожали от ее крика: – Присси, лапочка! Сбегай-ка наверх и принеси сюда с чердака швейный ящичек мисс Скарлетт с выкройками. Да прихвати пару острых ножниц – и побыстрее, чтоб нам не ждать тут всю ночь.

«Ну и попала я в историю! – подумала удрученная Скарлетт. – Ведь это все равно что взять с собой сторожевого пса, а то и похуже».

После ужина Скарлетт и Мамушка разложили выкройки на столе, в то время как Сьюлин и Кэррин быстро содрали с портьер атласную подкладку, а Мелани, вымыв щетку для волос, принялась чистить бархат. Джералд, Уилл и Эшли сидели, курили и с улыбкой глядели на эту женскую возню. Радостное возбуждение, исходившее от Скарлетт, овладело всеми, – возбуждение, природу которого никто из них не мог бы объяснить. Щеки у Скарлетт покраснелись, глаза жестко поблескивали, она то и дело смеялась. И все радовались ее смеху – ведь уже сколько месяцев никто не слышал его. А особенно приятно это было Джералду. Помолодевшими глазами он следил за ее передвижениями по комнате, и всякий раз, как она проходила мимо, ласково похлопывал ее по боку. Девушки разволновались, точно готовились на бал: отдирали подкладку и резали бархат с таким рвением, словно собирались шить себе бальные платья.

Скарлетт едет в Атланту, чтобы занять денег или в крайнем случае заложить Тару. Ну, и что тут такого страшного, если даже придется заложить? Скарлетт сказала, что они без труда выкупят Тару из урожая будущего года – продадут хлопок, расплатятся, и у них еще деньги останутся; она сказала это так уверенно, что никому и в голову не пришло спорить с ней. А когда ее спросили, у кого она собирается брать в долг, она ответила: «Любопытному нос прищемили», – ответила так игриво, что все рассмеялись и принялись подшучивать и дразнить ее: завела-де себе дружка-миллионера.

– Не иначе как у Ретта Батлера, – лукаво заметила Мелани, и все рассмеялись еще громче, настолько нелепым показалось им это предположение, ибо все знали, что Скарлетт ненавидит Ретта и если вспоминает о нем, то не иначе как об «этом подлеце Ретте Батлере».

Но Скарлетт не рассмеялась, и Эшли, засмеявшийся было, умолк, заметив, какой настроенный взгляд бросила на Скарлетт Мамушка.

Сьюлин, заразившись царившим в комнате единодушием, расщедрилась и принесла свой воротничок из ирландских кружев, хотя и несколько поношенный, но все еще прелестный, а Кэррин стала уговаривать Скарлетт надеть в Атланту ее туфли – это была лучшая пара обуви во всей Таре. Мелани упросила Мамушку не выкидывать бархатные обрезки – она обтянет ими каркас прохудившейся шляпки, и все так и покатались со смеху, когда она заявила, что старому петуху придется, видно, расстаться со своими роскошными, черно-зелеными с золотом перьями, если он не удерет на болото.

Скарлетт смотрела на стремительно двигавшиеся пальцы, слышала взрывы смеха и со скрытой горечью и презрением поглядывала на окружающих.

«Ничего они не понимают – ни что происходит со мной, ни с ними самими, ни со всем Югом. Они все еще думают, будто ничего страшного не может с ними случиться, потому что они – это они: О’Хара, Уилксы, Гамильтоны. Даже черномазые – и те так думают. Какие же они все идиоты! Никогда ничего не поймут. Будут думать и жить, как думали и жили всегда, и ничто не способно их изменить. Пусть Мелли ходит в лохмотьях, собирает хлопок и даже помогла мне убить человека – ничто не в силах ее изменить. Такой она навеки останется – застенчивой, благовоспитанной миссис Уилкс, идеальной леди! И пусть Эшли видел смерть, и воевал, и был ранен, и сидел в тюрьме, и вернулся в разоренный дом – он останется тем

же джентльменом, каким был, когда владел Двенадцатью Дубами. Вот Уилл – тот другой. Он знает, что такое жизнь на самом деле, но Уиллу и терять-то было особенно нечего. Ну, я что до Сюлин и Кэррин – они считают, что все это временно. Они не меняются, не приспосабливаются к новым условиям жизни, потому что думают: это скоро пройдет. Они считают, что Господь Бог сотворит чудо – для их и только их блага. Ну а никаких чудес не будет. Если кто и сотворит здесь чудо, так это я, когда окручу Ретта Батлера... А они не изменятся. Возможно, они и не могут измениться. Я – единственная, кто здесь изменился... да и не изменилась бы, если б жизнь не заставила».

Наконец Мамушка выставила мужчин из столовой и закрыла за ними дверь, чтобы можно было начать примерку. Порк повел Джералда наверх спать, а Эшли с Уиллом остались одни при свете ламп в парадной гостиной. Некоторое время оба молчали – Уилл лишь безмятежно жевал табак, словно животное – жвачку. Однако лицо его было отнюдь не безмятежным.

– Эта поездка в Атланту, – негромко произнес он наконец, – не нравится мне она. Совсем не нравится.

Эшли бросил на него быстрый взгляд и тут же отвел глаза; он ничего не сказал – лишь подумал, не возникло ли у Уилла того же страшного подозрения, какое мучило его. Да нет, не может быть. Уилл же не знает, что произошло днем во фруктовом саду и до какого отчаяния дошла Скарлетт. Не мог Уилл заметить и того, как изменилось лицо Мамушки при упоминании о Ретте Батлере, да и вообще Уилл ничего не знает ни про деньги Ретта, ни про то, какая у него скверная репутация. Во всяком случае, Эшли казалось, что Уилл не может этого знать; правда, с тех пор как Эшли поселился в Таре, он заметил, что и Уилл и Мамушка знают много такого, о чем никто им не говорил, – они просто чувствуют, когда и что происходит. А в воздухе сейчас было что-то зловещее – какая именно беда нависла над ними, Эшли не знал, но понимал, что спасти от нее Скарлетт он не в силах. Взгляды их за весь этот вечер ни разу не встретились, однако ее жесткая бурлящая веселость пугала его. Терзавшее его подозрение было слишком ужасно – он не мог даже высказать его вслух. Не имеет он права так ее оскорбить – спросив напрямик. Он крепко сжал кулаки. Нет у него такого права: сегодня днем он утратил все права на нее, навсегда. И теперь уже не в состоянии ей помочь. Да и никто не в состоянии. Тут он подумал о Мамушке, о том, с какой мрачной решимостью она резала бархатные портьеры, и на душе у него стало чуть легче. Мамушка уж позаботится о Скарлетт, независимо от того, хочет этого Скарлетт или нет.

«А виноват во всем я, – в отчаянии подумал он. – Я толкнул ее на это».

Он вспомнил, как она, распрямив плечи, уходила от него из фруктового сада, вспомнил, как упрямо была вскинута ее голова. И всем сердцем потянулся к ней, раздираемый сознанием своей беспомощности, снедаемый восхищением перед нею. Он знал, что в ее словаре нет такого выражения: «бесстрашный воитель», – знал, что она непонимающе посмотрела бы на него, если бы он сказал, что не встречал более бесстрашного воителя. Знал Эшли и то, что, скажи он ей, как много в ее поступках истинного бесстрашия, она бы его не поняла. Он знал, что она умеет смотреть жизни в лицо, упорно борется, преодолевая встающие на пути препятствия, штурмует их решительно, не думая о возможности поражения, и продолжает бороться, даже когда поражения не избежать.

Но за эти четыре года он встречал и других людей, которые отказывались признать поражение, – людей, весело шедших навстречу собственной гибели, ибо это были бесстрашные люди. И однако они тоже терпели поражение.

И сейчас, глядя на Уилла, сидевшего напротив него в полутемной гостиной, Эшли думал, что действительно никогда еще не встречал человека более отважного, чем Скарлетт О'Хара, решившая завоевать мир с помощью платья из бархатных портьер своей матери и перьев, выданных из петушиного хвоста.

Глава 33

Холодный ветер дул не переставая, над головой неслись черно-серые, как сланец, облака, когда Скарлетт и Мамушка сошли на следующий день с поезда в Атланте. Со времени пожара вокзал так еще и не отстроили, и они шагали по золе и грязи, покрывавшей обгорелые развалины. По привычке Скарлетт окинула взглядом площадь, выискивая коляску тети Питти с дядюшкой Питером на козлах, ибо они всегда встречали ее, когда она в войну приезжала в Атланту из Тары. Но она тут же спохватилась и презрительно фыркнула, поражаясь собственной рассеянностью. Как же мог Питер ее встречать, когда она не предупредила тетю Питти о своем приезде, а кроме того, Скарлетт вспомнила, что в одном из своих писем старушка сетовала на то, что пала их лошадка, которую Питер «приобрел» в Мейконе, когда они по окончании войны возвращались в Атланту.

Скарлетт внимательно оглядывала вытопанную, изрытую колеями площадку перед вокзалом, выискивая, нет ли экипажа кого-нибудь из друзей или знакомых, кто мог бы подвезти ее до дома тети Питти, но на нее смотрели чужие черные и белые лица. Наверное, ни у кого из ее старых друзей и не осталось теперь колясок, если то, что писала тетя Питти, – правда. Времена настали такие тяжелые, что даже челядь трудно было держать и кормить, не говоря уже о животных. Большинство друзей тети Питти, как и она сама, ходили теперь пешком.

Два-три фургона грузились у товарных вагонов; кроме них, стояло несколько забрызганных грязью бричек с какими-то отпетыми парнями на козлах, да еще карета и коляска, в которой сидела хорошо одетая женщина и офицер-янки. При виде его мундира Скарлетт чуть не задохнулась: хотя тетя Питти писала, что в Атланте стоит гарнизон и на улицах полно солдат, вид синего мундира несказанно поразил и испугал Скарлетт. Ей вдруг показалось, что все еще идет война и что этот человек сейчас накинется на нее, ограбит, оскорбит.

Народу на платформе почти не было, и Скарлетт вспоминалось то утро в 1862 году, когда она, юная вдова, приехала в Атланту, вся в черном крепе, злясь на себя за нудный траур. Перед ней словно ожил тот день: шумная толпа, фургоны, коляски, санитарные повозки, кучера ругаются, кричат, знакомые окликают друг друга. Она вздохнула с тоской: где оно, то веселое возбуждение, которое царило в первые дни войны; подумала о том, какой путь предстоит ей проделать до дома тети Питти пешком, и снова вздохнула. Правда, она надеялась, что на Персиковой улице встретит кого-нибудь из знакомых, кто подвезет их с Мамушкой.

Пока она стояла так, озираясь по сторонам, светлокожий негр средних лет, сидевший на козлах кареты, подъехал к ней и, перегнувшись, спросил:

– Коляску, леди? Два куска – отвезу куда хотите в Тланте.

Мамушка бросила на него испепеляющий взгляд.

– Наемный экипаж?! – возмутилась она. – Да ты что, ниггер, не видишь, кто мы?

Мамушка, конечно, была из деревни, но, во-первых, она не всегда жила в деревне, а во-вторых, знала, что ни одна добродетельная женщина никогда не поедет в наемном экипаже, тем более в карете без сопровождающего родственника-мужчины. Даже присутствие прислуги-негритянки не могло спасти положения. И Мамушка свирепо посмотрела на Скарлетт, которая явно колебалась, с вожделением глядя на карету.

– Пошли отсюда, мисс Скарлетт! Наемный экипаж, да еще вольный ниггер! Нечего сказать, – хорошо мы будем выглядеть.

– Никакой я не вольный ниггер, – возмутился кучер. – Я человек старой мисс Тэлбет, и карета эта ее, а езжу я в ней, чтоб для нас заработать.

– Это что еще за мисс Тэлбет?

– Мисс Сьюзен Тэлбет из Милледжвилла. Мы все сюда перебрались, как старого хозяина убили.

– Вы ее знаете, мисс Скарлетт?

– Нет, – с сожалением отозвалась Скарлетт. – Я очень мало кого знаю из Милледжвилла.

– Тогда мы пойдем пешком, – решительно заявила Мамушка, – Езжай, ниггер, езжай.

Она подхватила саквояж, в котором хранилось новое бархатное платье Скарлетт, ее чепец и ночная рубашка, сунула под мышку аккуратный узелок с собственными пожитками и повела Скарлетт по мокрой угольной пыли, устилавшей площадь. Скарлетт, хоть и предпочла бы ехать в экипаже, не стала спорить с Мамушкой, так как не хотела вызывать ее недовольства. Со вчерашнего дня, когда Мамушка застала свою любимицу в гостинной с бархатными портьерами в руках, из глаз ее не исчезало настороженное выражение, которое было совсем не по душе Скарлетт. Нелегко будет укрыться от ее бдительного ока, и Скарлетт решила до поры до времени без крайней надобности не подогревать боевого духа Мамушки.

Они шли по узкому тротуару в направлении Персиковой улицы, и Скарлетт с грустью и болью в душе видела, как изменилась, опустела Атланта – она помнила совсем другой городок. Они прошли мимо того места, где раньше стояла гостиница «Атланта», в которой, бывало, жили Ретт и дядя Генри, – от элегантного дома остался лишь почерневший остов. Склады, тянувшиеся прежде вдоль железнодорожных путей на добрые четверть мили и хранившие тонны военного снаряжения, так и не были восстановлены – лишь прямоугольники фундаментов уныло чернели под сумрачным небом. Железнодорожная колея без этих зданий и без сгоревшего депо, скрывавших ее от глаз, выглядела голой и беззащитной. Где-то среди этих развалин, неразличимые в общем хаосе, лежали остатки ее склада, унаследованного от Чарльза вместе с землей. Налог за участок в прошлом году заплатил дядя Генри. Со временем деньги придется ему вернуть. Об этом тоже надо помнить.

Но вот они свернули на Персиковую улицу, Скарлетт посмотрела в направлении Пяти Углов и даже вскрикнула от ужаса. Хотя Фрэнк и говорил ей, что город сожжен, она не представляла себе такого полного опустошения. В ее памяти любимый город по-прежнему был густо застроен красивыми элегантными домами и общественными зданиями. А сейчас Персиковая улица лежала перед ней такая пустынная, настолько лишенная знакомых примет, что Скарлетт казалось – она видит ее впервые. Эта грязная улица, по которой она тысячу раз проезжала во время войны, вдоль которой, вобрав голову в плечи, бежала, гонимая страхом, во время осады, когда вокруг рвались снаряды, эта улица, которую она в последний раз видела в спешке, в волнении и лихорадке отступления, – эта улица выглядела сейчас настолько чужой, что слезы подступили к глазам Скарлетт.

Хотя немало новых зданий выросло за год, истекший с той поры, как солдаты Шермана покинули горящий город, а конфедераты вернулись, у Пяти Углов все еще были пустые участки, где среди мусора, сухостоя и сорняков высились горы битого, опаленного огнем кирпича. Кое-где, правда, сохранились остатки домов, которые она помнила, – кирпичные стены без крыш, зияющие пустотой оконные проемы, сквозь которые глядел серый свет дня, одиноко торчащие трубы. Время от времени взгляд Скарлетт с удовольствием обнаруживал знакомый магазинчик, более или менее уцелевший от снарядов и огня и теперь восстановленный, – новая кирпичная кладка ярко-красным пятном выделялась на почерневших старых стенах. С фасадов новых магазинов, из окон новых контор ее приветствовали имена людей, которых она знала, но куда чаще встречались имена незнакомые – десятки неизвестных врачей, адвокатов, торговцев хлопком. Когда-то она знала почти всех в Атланте, и вид такого множества неизвестных имен нагнал на нее уныние. Но она тут же воспряла духом при виде новых зданий, выросших вдоль улицы.

Десятки новых зданий, и среди них – даже трехэтажные! Повсюду шло строительство: глядя вдоль улицы и пытаясь привыкнуть к виду новой Атланты, Скарлетт слышала столь приятный уху стук молотков и визг пил, видела леса и людей, карабкавшихся вверх по лестницам с грузом кирпича на плечах. Она смотрела на любимую улицу, и глаза ее наполнялись слезами.

«Они сожгли тебя, – думала она, – и ты лежала в развалинах. Но стереть тебя с лица земли они не смогли. Нет, не смогли. И ты вновь поднимешься, такая же широкая и нарядная, как была когда-то!»

Шагая по Персиковой улице в сопровождении Мамушки, семенившей рядом вперевалку, Скарлетт обнаружила, что народу на тротуарах ничуть не меньше, чем во время войны, что жизнь кипит и бурлит в этом возрождающемся городе, и кровь закипела в ее жилах – как тогда, давно, когда она впервые приехала к тете Питти. Казалось, ничуть не меньше повозок подскакивало и подпрыгивало на грязных рытвинах и ухабах – только не было среди них санитарных фургонов с конфедератами, – и ничуть не меньше лошадей и мулов было привязано к столбам у деревянных навесов над входом в магазины. Однако лица людей, заполнявших тротуары, были столь же непривычны для Скарлетт, как и большинство фамилий на вывесках, – это были люди новые: неотесанные грубые мужчины, безвкусно одетые женщины. И черным-черно от негров – они стояли без дела, подпирая стены, или сидели на краю тротуара, глядя на проезжавшие мимо коляски с наивным любопытством детей, впервые попавших в цирк.

– Вот они, наши вольные нигеры, – фыркнула Мамушка. – Понаехали из деревень – должно, в жизни и коляски-то не видали. А уж до чего рожи нахальные.

И в самом деле нахальные, подумала Скарлетт, ибо они беззастенчиво разглядывали ее; впрочем, она тотчас забыла о них, вновь потрясенная обилием синих мундиров. Город был полон солдат-янки: пешие, верхами, в армейских фургонах, они были всюду – слонялись без дела по улицам, выходили пошатываясь из салунов. «Никогда я не привыкну к их виду, – подумала Скарлетт, сжимая кулаки. – Никогда!» И бросила через плечо:

– Поторопись-ка, Мамушка, давай выбираться из толпы.

– Вот только уберу с дороги это черное отродье, – громко заявила Мамушка и так замахнулась саквояжем на чернокожего паренька, лениво вышагивавшего перед ней, что он отскочил в сторону. – Не нравится мне этот город, мисс Скарлетт. Слишком в нем много янки и всякой вольной шушеры.

– Конечно, приятнее, где нет такой толпы. Вот пройдем Пять Углов, сразу лучше станет.

Они осторожно перебрались по скользким камням, специально брошенным для пешеходов, через грязную Декейтерскую улицу и двинулись дальше по Персиковой – здесь народу было уже гораздо меньше. Вот они поравнялись с часовней Уэсли, возле которой Скарлетт, задыхаясь, остановилась в тот день в 1864 году, когда бежала за доктором Мидом, – она взглянула на часовню и рассмеялась, громко, отрывисто, невесело. Острые, много повидавшие глаза Мамушки вопросительно, с подозрением посмотрели на нее, но старуха так и не сумела удовлетворить свое любопытство. А Скарлетт вспомнила, как она боялась, и презирала себя сейчас за это. Страх прижимал ее тогда к земле, он разъедал ей внутренности: она была в ужасе от этих янки, в ужасе от предстоящего рождения Бо. Сейчас она лишь дивилась тому, что была до такой степени напугана – напугана, как дитя громким шумом. Каким же она была младенцем, если думала, что янки, пожар, разгром Юга – самое страшное, что ей придется пережить! Какая это чепуха по сравнению со смертью Эллин и провалами в памяти Джералда, по сравнению с голодом и холодом, с тяжелой работой и вечным кошмаром неуверенности в завтрашнем дне. Как просто казалось ей сейчас проявить мужество перед лицом армии завоевателей и как трудно противостоять опасности, угрожающей Таре! Нет, ничто ей больше не страшно – ничто, кроме нищеты.

На Персиковой улице появилась закрытая карета, и Скарлетт стремительно шагнула к краю тротуара, чтобы взглянуть, кто едет, ибо до дома тети Питти все еще оставалось несколько кварталов. Карета поравнялась с ними, и они с Мамушкой уже наклонились вперед, а Скарлетт, изобразив на лице улыбку, готова была окликнуть возницу, как вдруг в окне показалась голова – огненно-рыжая голова в прелестной меховой шапочке. Обе женщины мгновенно узнали друг друга, и Скарлетт поспешно шагнула назад. Она успела заметить, как, раздув ноздри, презри-

тельно фыркнула Красотка Уотлинг, прежде чем исчезнуть за занавесками. Любопытно, что первым знакомым лицом, которое увидела Скарлетт, было лицо Красотки.

– Это еще кто такая? – подозрительно спросила Мамушка. – Она вас знает, а не поклонилась. Вот уж отродясь не видела, чтоб у человека были такие волосы. Даже у Тарлтонов и то не такие. Похоже... ну прямо будто крашенные!

– Они и есть крашенные, – отрезала Скарлетт и пошла быстрее.

– И вы знаете с крашеной женщиной? Да кто она такая, спрашиваю я вас.

– Падшая женщина, – коротко пояснила Скарлетт, – и я даю тебе слово, что не знакома с ней, так что перестань мне докучать.

– Господи Иисусе! – ахнула Мамушка и, разинув рот, с жадным любопытством уставилась вслед карете. Она не видела падшей женщины с тех пор, как уехала с Эллин из Саванны, – а было это более двадцати лет назад, – и сейчас очень жалела, что не пригляделась повнимательнее к Красотке.

– Ишь ведь как хорошо одета-то, и карета-то какая хорошая, и кучер есть, – пробормотала Мамушка. – О чем это Господь-то наш думает: всякие дурные женщины живут себе припеваючи, а мы, люди праведные, ходим голодные да босые.

– Господь давно уже перестал о нас думать, – резко бросила Скарлетт. – И не смей говорить мне, что мама переворачивается от этих моих слов в гробу.

Скарлетт очень хотелось чувствовать, что она и добродетельнее Красотки, и в других отношениях превосходит ее, но ничего не получалось. Ведь если ее затея увенчается успехом, она может оказаться в одном положении с Красоткой и на содержании у одного и того же человека. И хотя она ничуть не жалела о своем решении, однако была несколько обескуражена, ибо теперь оно предстало перед ней в истинном свете. «Сейчас не стану об этом думать», – сказала она себе и ускорила шаг.

Они прошли то место, где был раньше дом доктора Мида, – от него осталась лишь пара каменных ступенек да дорожка, бегущая в никуда. Да и там, где прежде стоял дом Уайтингов, была лишь голая земля. Исчезли даже камни фундамента и кирпичные трубы, зато остались следы от колес фургонов, в которых все это увезли. А вот кирпичный дом Элсингов продолжал стоять – под новой крышей и с новым вторым этажом. Дом Боннеллов, неуклюже подлатанный, с дощатой крышей вместо черепичной, выглядел все же обитаемым, несмотря на свой жалкий вид. Но и в том и в другом – ни лица в окне, ни человека на крыльце, и Скарлетт даже обрадовалась этому. Ей сейчас ни с кем не хотелось говорить.

А вот показался и дом тети Питти с новой шиферной крышей и ярко-красными кирпичными стенами, и сердце Скарлетт забилось живее. Какое счастье, что Господь не сровнял этот дом с землей – тогда его бы уже не отстроить. Со двора выходил дядюшка Питер с корзиной для покупок в руке, и, когда увидел Скарлетт с Мамушкой, спешивших по тротуару, широкая удивленная улыбка расплзлась по его черному лицу.

«Так бы и расцеловала сейчас этого старого дурака – до чего ж я рада его видеть», – подумала Скарлетт обрадованно и крикнула:

– Скорей беги искать тетину «обморочную бутылочку», Питер! Это и вправду я!

В тот вечер на ужин у тети Питти были неизбежная мамалыга и сушеный горох, и Скарлетт дала себе слово, что эти два блюда исчезнут с ее стола, лишь только у нее заведутся деньги. А деньги у нее будут, какой бы они ни достались ей ценой, – причем столько, чтобы их с лихвой хватало платить налоги за Тару. Так или иначе, рано или поздно, но у нее будет много денег – она добудет их, даже если пришлось бы пойти на убийство.

Сидя в столовой при желтом свете лампы, она осторожно принялась выпрашивать тетю Питти, как обстоят у нее дела с деньгами: а вдруг семья Чарльза сумеет одолжить ей нужную сумму. Выпрашивала она без околичностей, напрямик, но Питти, радуясь возможности пого-

ворить с родным человеком, даже не замечала, что подвергается допросу. И со слезами, во всех подробностях рассказывала о своих бедах. Она просто понять не может, говорила тетя Питти, куда девались деньги, и фермы, и участки в городе, но, так или иначе, все куда-то исчезло. Во всяком случае, так сказал ей братец Генри. Он не смог заплатить налог на землю, и все, чем она владела, за исключением этого дома, – все пропало. А ведь дом-то этот – Питти все время об этом помнила – вовсе и не ее, он – собственность Мелани и Скарлетт. Братец Генри еле наскреб денег, чтобы заплатить за него налог. Он, правда, каждый месяц дает ей немного – этим она и живет, и хотя очень унижительно брать у него деньги, но ничего не поделаешь – приходится.

– Братец Генри говорит, что и сам не знает, как сведет концы с концами – такой он тащит воз, да и налоги такие высокие, но, конечно же, он привирает: у него куча денег, просто мне не хочет много давать.

Но Скарлетт знала, что дядя Генри не привирает. Те несколько писем, которые она получила от него по поводу собственности Чарльза, доказывали это. Старый юрист мужественно боролся за то, чтобы спасти хотя бы дом и участок, где раньше стоял склад, с тем чтобы у Скарлетт и Уэйда хоть что-то осталось. Скарлетт понимала, что он ценой больших лишений платит за нее налог. «Конечно, никаких денег у него нет, – мрачно раздумывала Скарлетт. – Значит, придется вычеркнуть его и тетушку Питти из моего списка. Остается один только Ретт. Придется мне на это пойти. Надо. Но сейчас не нужно об этом думать... Нужно завести с тетушкой разговор про Ретта и тогда как бы между прочим намекнуть, чтоб она пригласила его к себе на завтрак».

Скарлетт улыбнулась и сжала в ладонях пухлые ручки тети Питти.

– Дорогая тетушка, – сказала она, – не будем больше говорить о таких огорчительных вещах, как деньги. Давайте забудем о них и поговорим о чем-нибудь более приятном. Расскажите-ка мне лучше о наших старых друзьях. Как поживают миссис Мерриуэзер и Мейбелл? Я слышала, ее креол благополучно вернулся домой. А как поживают Элсинги и доктор Мид с супругой?

Питтипэт сразу оживилась, детское личико ее разгладилось, слезы перестали капать из глаз. И она дала подробнейший отчет о своих бывших соседях: что они делают, что носят, что едят и что думают. С ужасом рассказала о том, как миссис Мерриуэзер и Мейбелл, чтобы свести концы с концами, – это до того, как Рене Пикар вернулся с войны, – пекли пироги и продавали их солдатам-янки. Подумать только! Случалось, что человек до двадцати стояло на заднем дворе у Мерриуэзеров, дожидаясь, пока испекутся пироги. А теперь, когда Рене вернулся домой, он каждый день ездит со своим старым фургоном в лагерь янки и продает солдатам кексы, пироги и воздушные бисквиты. Миссис Мерриуэзер говорит, что когда она немножко поднакопит денег, то откроет в городе булочную. Питти вовсе не осуждает ее, но вообще-то... Что до нее самой, сказала Питти, то она лучше умрет с голоду, чем станет продавать что-либо янки. Она взяла себе за правило презрительно смотреть на каждого солдата, которого встречает на улице, и с вызывающим видом переходить на другую сторону, хотя иной раз, добавила она, в дождливую погоду на другой тротуар не очень-то и перейдешь. Скарлетт поняла, что мисс Питтипэт ни перед какой жертвой не остановится и даже туфли готова в грязи выпачкать, лишь бы доказать свою преданность Конфедерации.

Что же до миссис Мид и доктора, то они лишились дома, когда янки подожгли город, и теперь у них нет ни сил, ни денег, чтобы отстроиться, тем более что Фил и Дарси – оба погибли. Миссис Мид так и сказала: не нужен ей дом, – к чему ей дом без детей и внуков? Остались они совсем одни и живут теперь с Элсингами, которые восстановили поврежденную часть своего дома. У мистера и миссис Уайтинг там тоже есть комната, да и миссис Боннелл поговаривает о том, чтобы туда переехать, если ей удастся сдать свой дом в аренду одному офицеру-янки с семьей.

– Да как же они там все помещаются? – воскликнула Скарлетт. – Ведь у миссис Элсинг есть Фэнни и Хью.

– Миссис Элсинг с Фэнни спят в гостиной, а Хью – на чердаке, – пояснила Питти, которая знала обо всем, что происходит у ее друзей. – Милочка, очень мне неприятно говорить тебе это, но... миссис Элсинг называет их «платными гостями», а на самом деле, – и тетя Питти тут понизила голос, – они всего-навсего постояльцы. Миссис Элсинг содержит пансион! Ужас какой, верно?

– А по-моему, это даже очень здорово, – отрезала Скарлетт. – Я была бы только рада, если бы у нас в Таре в прошлом году были «платные гости» вместо бесплатных. Возможно, теперь мы не были бы такие бедные.

– Скарлетт, как ты можешь говорить подобные вещи?! Да твоя бедная матушка в гробу бы перевернулась при одной мысли о том, что в Таре берут деньги за гостеприимство! Конечно, миссис Элсинг просто вынуждена была пойти на такое, потому что, хоть она и шила, а Фэнни расписывала фарфор, а Хью немножко подрабатывал, продавая дрова, они все равно не могли свести концы с концами. Можешь себе представить, наш дорогой Хью вынужден торговать дровами! А ведь он без пяти минут адвокат! Нет, просто плакать хочется, как подумаешь о том, чем вынуждены заниматься наши мальчики!

А Скарлетт видела ряды хлопка под добела раскаленным небом Тары и вспоминала, как ломило у нее спину, когда она нагибалась, собирая его. Она вспомнила, какими тяжелыми казались ручки плуга в ее не привыкших к труду, натертых до мозолей ладонях, и подумала, что Хью Элсинг не заслуживает особого сочувствия. А тетя Питти – какая же она наивная старая дура: вокруг нее одни развалины, а она – до чего беспечна!

– Если ему не нравится торговать дровами, так почему же он не займется юриспруденцией? Или, может быть, в Атланте не стало дел для юристов?

– Что ты, милочка! В Атланте сколько угодно дел для юристов. Да нынче почти все друг с другом судятся. Ведь все вокруг сожжено, разграничительные столбы уничтожены, и никто не знает, где чья земля начинается и где кончается. Только денег за ведение дел ни с кого не получишь, потому что ни у кого их нет. Вот Хью и торгует дровами... Ах, чуть не забыла! Я не писала тебе? Завтра вечером у Фэнни Элсинг свадьба, ну и, конечно, ты должна пойти. Миссис Элсинг будет очень рада, если ты придешь, раз ты в городе. Надеюсь, у тебя есть какое-нибудь платье, кроме этого? Это платьице, конечно, тоже очень славное, милочка, но... просто оно слишком уж поношенное. Ах, у тебя есть красивое платье? Ну, прекрасно, ведь это будет первая настоящая свадьба у нас в Атланте с тех пор, как сдали город. И торт будет, и вино, и танцы потом, хотя, право, не пойму, как Элсинги все это осият: ведь они такие бедные.

– А за кого выходит Фэнни замуж? Мне казалось, после того как Далласа Маклюра убили под Геттисбергом...

– Милочка, не надо осуждать Фэнни. Не все же так чтят память усопших, как ты – память бедного Чарли. Постой-ка... как же его зовут? Никогда не помню имен... какой-то Том, кажется. Я хорошо знала его матушку – мы вместе посещали институт для девиц в Ла-Грейндже. Она была из ла-грейнджских Томлинсонов, а ее матушка... постой-ка... Перкинс? Паркинс? Паркинсон! Вот именно. Из Спарты. Прекрасная семья, и все же... я знаю, что не должна такое говорить, но, право, не понимаю, как Фэнни может идти за него замуж.

– Он что, пьет или...

– О господи, нет, конечно! Он прекрасный человек, но, видишь ли, его ранило в бедро разорвавшимся снарядом и что-то такое случилось с его ногами... они у него... они у него, ну, мне не хочется такое слово произносить, но он ходит как бы враскорячку. У него такой вульгарный вид, когда он ходит... словом, не очень это красиво. Просто не понимаю, зачем она его выбрала.

– Надо же девушкам за кого-то выходить замуж.

– Да ничего подобного, – раздраженно возразила тетя Питти. – Я вот не вышла же.

– Милая тетушка, я вовсе не имела в виду вас! Все знают, каким вы пользовались успехом, да и до сих пор еще пользуетесь! Взять хотя бы судью Карлтона – какие умильные взгляды он на вас бросал, пока я...

– Ах, замолчи ты, Скарлетт! Вспомнила про старого дурака! – взвизгнула Питти, и хорошее настроение снова вернулось к ней. – Но ведь Фэнни пользовалась таким успехом, она могла бы найти себе и получше пару, а мне что-то не верится, чтобы она любила этого Тома – как бишь его. Не верю я, чтоб она оправилась после смерти Далласа Маклюра, но она, конечно, не ты, милочка! Ты вот осталась верна нашему дорогому Чарли, а ведь могла бы выйти замуж десятки раз. Мы с Мелли часто говорим, как ты чтишь его память, а все вокруг считают тебя бессердечной кокеткой.

Скарлетт пропустила мимо ушей это бестактное утверждение и весьма умело повела разговор дальше, расспрашивая Питти то об одном знакомом, то о другом, хоть сама и сгорала от нетерпения побыстрее добраться до Ретта. Спросить же о нем сразу, едва успев приехать, было бы не умно. Это значило бы дать пищу уму старушки – и тогда он мигом заработает в нежелательном направлении. Подозрения у Питти успеют еще созреть, если Ретт откажется жениться.

А тетя Питти весело болтала, довольная, как ребенок, что у нее есть слушательница. В Атланте творится что-то ужасное, сообщила она, а все из-за безобразий, чинимых республиканцами. Нет конца их бесчинствам, а самое скверное – они забивают голову этим бедным черномазым всякими вредными мыслями.

– Ты представляешь, милочка, они хотят, чтобы черномазые голосовали! Ты когда-нибудь слышала большую глупость? Правда... не знаю, конечно... но если взять, к примеру, дядюшку Питера, так у него куда больше разума, чем у любого республиканца, да и манеры лучше, но дядюшка Питер, конечно же, слишком хорошо воспитан, чтобы стремиться голосовать. А вот другие черномазые пришли в великое возбуждение – у них прямо мозги помутились. Некоторые совсем обнаглели. Теперь после темна по улицам стало небезопасно ходить, и даже днем они, случается, сталкивают леди с тротуара прямо в грязь. А если какой-нибудь джентльмен вздумает заступиться, они его тут же арестуют и... Милочка моя, а я тебе говорила, что капитан Батлер в тюрьме?

– Ретт Батлер?

Хотя новость была поистине сногшибательной, тем не менее Скарлетт обрадовалась тому, что тетя Питти избавила ее от необходимости самой заговорить о Ретте.

– Ну конечно же! – От волнения щечки тети Питти порозовели и она даже выпрямилась на стуле. – В эту самую минуту он сидит в тюрьме за то, что убил негра, и его могут повесить! Представляешь такое-чтоб повесили капитана Батлера?

Скарлетт так охнула, что у нее закололо в груди; широко раскрыв глаза, она уставилась на старушку, а та была просто в восторге от впечатления, которое произвели ее слова.

– Пока еще ничего не доказано, но кто-то убил черномазого за то, что он оскорбил белую женщину. А янки очень злятся, потому что в последнее время убили не одного черномазого нахала. Вина капитана Батлера не доказана, но янки хотят, чтобы это послужило уроком для других – так говорит доктор Мид. Он говорит, что, если капитана Батлера повесят, это будет первый справедливый поступок, который совершат янки, ну а я, право, не знаю... Подумать только, что капитан Батлер был у нас здесь неделю назад, и принес мне в подарок роскошнейшую куропатку, и спрашивал про тебя – он сказал, что боится, не обидел ли тебя тогда, во время осады, а если так, теперь ты никогда уже его не простишь.

– И сколько же они будут держать его в тюрьме?

– Этого никто не знает. Наверное, пока не повесят, но, может, они еще не сумеют доказать, что это он убил. Хотя вообще-то янки, похоже, не слишком заботятся о том, виновен человек или невиновен, – им лишь бы кого-нибудь повесить. Они так встревожены... – тетя

Питти с таинственным видом понизила голос, – так встревожены появлением ку-клукс-клана. А у вас в деревне он есть? Милочка, я уверена, что есть – просто Эшли не говорит вам, дамам. Члены ку-клукс-клана вроде бы не имеют права рассказывать об этом. Они разъезжают по ночам в этих балахонах, точно приведения, и совершают набеги на «саквояжников», разжиревших на чужом добре, являются к нахальным неграм. Иной раз они просто поугаю и предупредят, чтоб убрались из Атланты, ну а если их не послушают, они могут и выпороть, а то, – продолжала шепотом Питти, – даже и убить, а труп бросят на виду и приколют к нему бумажку с надписью «ку-клукс-клан»... Янки, само собой, страшно обозлены и хотят для острастки хоть с кем-нибудь разделаться... Хью Элсинг, правда, сказал мне, что он думает – не повесят они капитана Батлера, потому как янки считают, что он знает, где находятся деньги, только не говорит. Вот они и хотят заставить его заговорить.

– Деньги?

– Ты разве не знаешь? Я не писала тебе? Дорогая моя, ты просто совсем замуровала себя в этой Таре! У нас весь город жужжал как улей, когда капитан Батлер вернулся с отличной лошастью, с каретой и с карманами, полными денег, в то время как никто из нас не знал, на что купить поесть. Все были просто в ярости – подумать только: этот спекулянт, который вечно говорил гадости про Конфедерацию, теперь буквально набит деньгами, а мы – нищие. И каждому, конечно, не терпелось узнать, как это он ухитрился сохранить свои денежки, но ни у кого не хватило храбрости спросить напрямик, а вот я спросила; он рассмеялся и сказал: «Можете не сомневаться, не честным путем». Ты же знаешь, как трудно из него что-либо вытянуть.

– Ясное дело, он нажил эти деньги во время блокады...

– Несомненно, милочка, часть денег он нажил именно так. Но это лишь капля в море по сравнению с тем, какое у этого человека сейчас состояние. Все у нас тут, включая янки, считают, что у него где-то припрятаны миллионы долларов золотом, принадлежавшие правительству конфедератов.

– Миллионы – золотом?

– А как же, милочка, куда девалось, по-твоему, все золото нашей Конфедерации? У кого-то оно ведь должно же быть, так почему бы не у капитана Батлера? Янки считали, что президент Дэвис забрал с собой золото, уезжая из Ричмонда, но когда они взяли его в плен, у бедняги не было ни цента. Ведь после того как война кончилась, казна-то оказалась пустой, и все считают, что золото это – у спекулянтов, торговавших во время блокады, только те, конечно, об этом помалкивают.

– Миллионы – золотом! Но каким же образом?..

– Разве капитан Батлер не вывозил хлопок тысячами тюков в Англию и в Нассау и не продавал его для правительства конфедератов? – с победоносным видом изрек Питти. – И свой хлопок, и тот, который принадлежал правительству? А ты же знаешь, сколько стоил хлопок в Англии во время войны! Его хватали по любой цене! Капитан Батлер был доверенным лицом у нашего правительства, ему было поручено продавать хлопок и на вырученные деньги покупать ружья и привозить нам. Ну и вот, когда блокада совсем сжалась вокруг нас, он уже не мог больше привозить ружья, а до тех пор, конечно же, не мог истратить на них и одной сотой денег, вырученных за хлопок, так что в английских банках лежали просто миллионы долларов, которые внес туда капитан Батлер и другие спекулянты, – лежали и ждали, когда будет прорвана блокада. Ну, и само собой, деньги они вносили не на счет Конфедерации. Они внесли их на свое имя, и там эти денежки так и лежат... Когда война кончилась, все только и говорили об этом и сурово осуждали этих спекулянтов, и когда янки арестовали капитана Батлера за убийство черномазого, до них, видно, дошли слухи про золото, и они требуют от него, чтобы он сказал, где деньги. Понимаешь, все фонды нашей Конфедерации принадлежат ведь теперь янки – во всяком случае, они так считают. А капитан Батлер твердит, что знать ничего не знает... Доктор Мид говорит, им все равно надо бы его повесить, да этаким вор и

спекулянт не заслуживает даже виселицы... О господи, что это с тобой?! Тебе плохо? Неужели тебя так расстроила моя болтовня? Я знала, что он когда-то был твоим ухажером, но я думала, ты давно забыла о нем. Мне лично он никогда не нравился – этакий мерзавец...

– Меня с ним ничто не связывает, – с усилием произнесла Скарлетт. – Я поссорилась с ним во время осады, после того как вы уехали в Мейкон. Где... где же его содержат?

– В пожарной части, недалеко от городской площади!

– В пожарной части?

Тетя Питти закудаhtала от смеха.

– Да, да, в пожарной части. Янки сделали из нее теперь военную тюрьму. Янки расположились в палатках на площади вокруг городской ратуши, а пожарная часть – в двух шагах оттуда, на улице, что идет от площади, вот там капитан Батлер и сидит. Кстати, Скарлетт, я вчера слышала про капитана Батлера пресмешную историю. Забыла только, кто мне ее рассказал. Ты ведь знаешь, каким он всегда был франтом – настоящий денди, – теперь же сидит в этой пожарной части, и ему не разрешают мыться, а он каждый день требует, чтоб ему устроили баню; ну и наконец вывели его из камеры на площадь, а там стоит такое длинное корыто, из которого лошадей поят и где в одной и той же воде моется целый полк! Ну и капитану Батлеру сказали, что он может там вымыться, а он сказал: нет, уж лучше своя южная грязь, чем грязь янки, ну и...

Старушка продолжала, захлебываясь, весело лопотать; голосок ее звенел и звенел, но смысл слов уже не доходил до Скарлетт. Мозгом ее завладели две мысли: Ретт куда богаче, чем она предполагала, и он в тюрьме. То обстоятельство, что он в тюрьме и, вполне возможно, будет повешен, несколько меняло дело, но меняло в лучшую сторону. Скарлетт мало заботило, что Ретта могут повесить. Слишком она нуждалась в деньгах, и необходимость достать их была столь настоятельной, столь отчаянной, что судьба Ретта не могла волновать ее. Да к тому же она склонна была разделять мнение доктора Мида, что Ретт не заслуживает даже виселицы. Любого мужчину, бросившего женщину ночью между сражающимися армиями и отправившегося, видите ли, воевать ради дела, которое уже проиграно, – надо вешать... Вот если бы ей удалось каким-то образом женить его на себе, пока он в тюрьме, то после его казни все эти миллионы достались бы ей, ей одной. Если же брак неосуществим, быть может, ей удастся получить у него деньги взаймы, пообещав выйти за него замуж, когда его освободят, или пообещав... о, что угодно, она готова что угодно ему обещать! А если его повесят, ей уже не придется расплачиваться.

На какое-то время кипучее воображение представило ей, как она станет вдовой, благодаря своевременному вмешательству правительства янки. Миллионы золотом! Она сможет привести в порядок Тару, и нанять людей, и засеять мили и мили земли хлопком. И она сможет нашить себе красивых платьев, и будет есть все, что захочет, – и не только она, но и Сьюлин и Кэррин. И Уэйда можно будет подкормить, чтобы он стал пухленьким, и тепло его одеть, и нанять ему гувернантку, и потом отправить в университет... чтобы он не рос босым и неграмотным, как последний бедняк. И можно будет пригласить хорошего доктора наблюдать за папой, ну а Эшли... О, чего она только не готова сделать для Эшли!

Тетя Питтипэт внезапно прервала свой монолог, спросив: «Что тебе, Мамушка?!», и Скарлетт, вернувшись на землю из страны грез, увидела Мамушку, которая стояла в дверях, скрестив на животе руки под передником, и смотрела на нее настороженным, пронизывающим взглядом. Интересно, подумала Скарлетт, давно ли Мамушка здесь стоит, что она слышала и многое ли сумела заметить. Должно быть, все, судя по тому, как блестят ее старые глаза.

– Мисс Скарлетт, видать, устала. Я так думаю, лучше ей лечь.

– Я в самом деле устала, – сказала Скарлетт, поднимаясь и с поистине детской беспомощностью глядя на Мамушку, – и к тому же, боюсь, простудилась. Тетя Питти, вы не рассердитесь, если я завтра проведу весь день в постели и не поеду с вами по гостям? Я ведь могу посетить

знакомых в любое время, а мне так хочется пойти завтра вечером на свадьбу Фэнни. Если же я разболеюсь, то не смогу пойти. К тому же денек в постели доставил бы мне такое удовольствие.

На лице у Мамушки появилась легкая тревога, когда она пощупала руки Скарлетт и заглянула ей в лицо. Скарлетт и в самом деле выглядела неважно. Возбуждение, вызванное новостями, внезапно прошло, она побледнела, ее лихорадило.

– Ручки-то у вас, моя ласточка, совсем как лед. Отправляйтесь живо в постель, а я заварю вам шафранного чаю и принесу горячий кирпич, чтоб вы вспотели.

– Какая же я безголовая! – воскликнула толстушка, вскочила с кресла и погладила Скарлетт по плечу. – Болтаю без умолку, а о тебе и не подумаю. Милочка моя, лежи в постели весь завтрашний день и отдыхай – тогда и наговоримся всласть... О господи, но ведь я же не смогу быть с тобой! Я обещала посидеть завтра с мисс Боннелл. Она лежит с гриппом, и повариха ее – тоже. Ах, Мамушка, до чего же я рада, что ты здесь. Ты пойдешь со мной завтра утром и поможешь.

Мамушка заспешила вслед за Скарлетт вверх по темной лестнице, встревоженно бормоча что-то насчет холодных рук и тонких туфель; Скарлетт же, прикинувшись послушной овечкой, была очень довольна тем, как все складывается. Если бы только ей удалось рассеять подозрения Мамушки и заставить ее уйти утром из дома, все было бы прекрасно. Сама она тогда отправилась бы в эту тюрьму к янки повидать Ретта. Пока они взбирались по лестнице, издали донеслись слабые раскаты грома, и Скарлетт, остановившись на хорошо знакомой площадке, подумала, что это совсем как грохот пушек во время осады. И вздрогнула. Отныне гром, видимо, всегда будет напоминать ей канонаду и войну.

Глава 34

На следующее утро солнце то светило, то скрывалось за облаками и от резкого ветра, стремительно гнавшего по небу темные тучи, постукивали рамы и слабо завывало в трубе. Скарлетт быстро пробормотала молитву, возблагодарив Господа за то, что дождь прекратился, ибо вечером она долго лежала без сна, слушая, как капли стучат по стеклу, и понимая, что это гибель для ее бархатного платья и новой шляпки. Теперь же, увидев, что солнце то и дело проглядывает сквозь облака, Скарлетт воспрянула духом. Она с трудом заставила себя лежать, изображая слабость и покашливая, пока тетя Питти, Мамушка и дядюшка Питер не отбыли к миссис Боннелл. Когда же наконец внизу хлопнула калитка и Скарлетт осталась в доме одна, если не считать кухарки, распевавшей на кухне, она тотчас выпрыгнула из постели и, кинувшись к шкафу, сняла с крючков свои наряды.

Сон освежил ее и придал сил, а твердая решимость, укрепившаяся в душе, пробудила отвагу. Уже сама перспектива поединка умов, схватки с мужчиной, любым мужчиной, воодушевляла ее, а сознание, что после всех этих месяцев бесконечных разочарований она наконец встретится лицом к лицу с вполне определенным противником, которого ей предстоит собственными силами выбить из седла, наполняло Скарлетт бурлящей энергией.

Одеваться самой, без помощи Мамушки, было трудно. Но наконец все крючки были застегнуты, и, надев щегольскую шляпку с перьями, Скарлетт вбежала в комнату тети Питти, чтобы посмотреть в большое зеркало. До чего прелестно она выглядит! Петушиные перья придавали ей этакий задорный вид, а тускло-зеленый бархат шляпки выгодно оттенял глаза, и они казались удивительно яркими, почти как изумруды. Платье было тоже несравненной красоты – оно выглядело на редкость богато и нарядно и в то же время благородно! Как чудесно снова иметь красивое платье. Скарлетт пришла в такой восторг от своего вида, – как она хороша, как соблазнительна! – что вдруг наклонилась и поцеловала свое отражение в зеркале и тут же рассмеялась собственной глупости. Она взяла кашемировую шаль Эллин и накинула на плечи, но краски у старой материи поблекли и не сочетались с платьем цвета зеленого мха, вид у Скарлетт сразу стал какой-то убогий. Тогда она открыла шкаф тети Питти и, достав черную накидку из тонкого сукна, которую Питти носила только по воскресеньям, набросила ее. Потом вдела в уши бриллиантовые сережки, привезенные из Тары, и, откинув голову, посмотрела, какое это производит впечатление. Сережки приятно звякнули – это очень понравилось Скарлетт, и она решила почаще вскидывать голову, когда будет с Реттом. Танцующие сережки всегда привлекают взгляд мужчины и придают женщине задорный вид.

Какая обида, что у тети Питти нет других перчаток, кроме тех, что сейчас на ее пухленьких ручках! Ни одна женщина не может чувствовать себя настоящей леди без перчаток, но у Скарлетт их вообще не было с тех пор, как она покинула Атланту, а за долгие месяцы тяжелого труда в Таре руки ее загрубели, и вид у них сейчас был далеко не привлекательный. Что ж, ничего не поделаешь. Придется взять маленькую котиковую муфточку тети Питти и спрятать в нее руки. Да, вот теперь она выглядит вполне элегантно. Никто, глядя на нее, не заподозрит, что бедность и нужда стоят у нее за спиной.

А ведь так важно, чтобы Ретт этого не заподозрил. Он должен думать, что только нежные чувства привели ее к нему.

Она на цыпочках спустилась по лестнице и вышла из дома, пользуясь тем, что кухарка беспечно распевала во все горло у себя на кухне. Скарлетт заспешила по улице Булочников, чтобы избежать всевидящего ока соседей. Она свернула на Плюшовую улицу, присела на тумбу коновязи, стоявшую перед сожженным домом, и стала ждать, не появится ли какая-нибудь карета или фургон, которые подвезли бы ее. Солнце то заходило за стремительно мчавшиеся тучи, то снова показывалось, ярко освещая улицу, но не давая тепла, ветер трепал кружева ее

панталон. На улице оказалось холоднее, чем думала Скарлетт, и она, дрожа от холода и нетерпения, плотнее закуталась в тонкую накидку тети Питти. Она уже совсем собралась было двинуться пешком в долгий путь через весь город к лагерю янки, как вдруг показался старенький, выдавший виды фургон. На козлах, жуя табак и погоняя еле передвигавшего ноги старого мула, сидела старуха; из-под обвисшей оборки поношенного чепца выглядывало обветренное лицо. Она направлялась в сторону городской ратуши и, поворчав, согласилась подвезти Скарлетт. Однако платье, шляпка и муфточка Скарлетт явно произвели на нее неблагоприятное впечатление.

«Она решила, что я из гулящих, – подумала Скарлетт. – И пожалуй, права!» Когда они наконец добрались до городской площади и перед ними возник высокий белый купол ратуши, Скарлетт поблагодарила женщину, слезла с козел и посмотрела ей вслед. Осторожно оглядевшись, чтобы проверить, не видит ли кто, она пощипала себе щеки, чтобы немножко их подкрасить, и покусала губы, чтобы к ним прилила кровь. Потом поправила шляпку, пригладдила волосы и окинула взглядом площадь. Двухэтажная ратуша из красного кирпича выстояла во время пожара. Но сейчас под серым небом она выглядела запущенной и никому не нужной. Вокруг здания ряд за рядом стояли армейские палатки, потрепанные, забрызганные грязью. Всюду полно было солдат-янки, и Скарлетт неуверенно поглядывала на них, чувствуя, что мужество начинает ее покидать. Как найти Ретта в этом вражеском стане?

Она посмотрела вдоль улицы – туда, где высилась пожарная каланча, – и увидела, что широкие створчатые двери ее закрыты и заперты тяжелыми засовами, у каждой стены прохаживаются двое часовых. И Ретт – там. Но что ей сказать солдатам-янки? И что они скажут ей? Она распрямила плечи. Если уж она не побоялась убить янки, так нечего бояться с ними разговаривать.

Она осторожно перешла грязную улицу по камням для пешеходов и зашагала дальше, пока часовой в синей шинели, застегнутой от ветра на все пуговицы, не остановил ее.

– Вам что-нибудь надо здесь, мэм? – Голос звучал с непривычным среднезападным акцентом, но обратился к ней солдат вежливо и почтительно.

– Я хочу повидать одного человека, который сидит под арестом.

– Ну не знаю, – сказал часовой и почесал в голове. – Не очень-то у нас любят посетителей, и вообще... – Он умолк на середине фразы, вглядываясь в ее лицо. – О господи, милая дамочка! Не надо плакать! Сходите в штаб караульной службы и спросите у наших офицеров. Уж я думаю, они разрешат вам повидать его.

Скарлетт, и не собиравшаяся плакать, тотчас расплылась в улыбке. Солдат повернулся и окликнул другого часового, медленно прохаживавшегося вдоль стены:

– Эй, Билл! Поди-ка сюда.

Второй часовой, рослый малый в синей шинели, шагавший ссутулясь и так вобрав голову в плечи, что его черные усы, казалось, росли прямо из воротника, двинулся по грязи к ним.

– Отведите дамочку в штаб.

Скарлетт поблагодарила солдата и пошла следом за своим провожатым.

– Смотрите не подверните ногу, когда будете переходить по камням через улицу, – сказал солдат, беря ее под локоть. – И поднимите-ка юбки, а то выпачкаете их в грязи.

Голос, звучавший сквозь усы, был тоже гнусавый, но мягкий, приятный, а рука, почтиительно поддерживавшая ее под локоть, – твердая. А эти янки не так уж и плохи!

– И холоднющий же сегодня день для прогулок, леди, – сказал солдат. – Издалека вы притопали?

– О да, с другого конца города, – сказала она, почувствовав расположение к этому человеку с мягким голосом.

– Погодка-то для прогулок не больно подходящая, леди, – неодобрительно заметил солдат, – да еще когда столько народу гриппом больны. А вот и командный пост, леди... Что это с вами?

– Этот дом... В этом доме – ваш штаб? – Скарлетт посмотрела на прелестное старинное здание, выходящее фасадом на площадь, и чуть не расплакалась. Здесь во время войны она танцевала на стольких балах и вечеринках. Это был чудесный веселый дом, а теперь... теперь над ним развевался большущий флаг Соединенных Штатов.

– Что с вами?

– Ничего... только... только... я знала людей, которые жили здесь.

– Что ж, жаль, конечно. Думаю, они и сами не узнали бы сейчас свой дом, потому как внутри все ободрано. А теперь идите туда, мэм, и спросите капитана.

Скарлетт поднялась по ступенькам, ласково поглаживая рукой поломанные белые перила, и толкнула входную дверь. В холле было темно и холодно, как в склепе; продрогший часовой стоял, прислонясь к закрытым раздвижным дверям, которые в лучшие времена вели в столовую.

– Я хочу видеть капитана, – сказала Скарлетт.

Часовой раздвинул двери, и она вошла в комнату – сердце ее учащенно билось, лицо пылало от волнения и замешательства. В комнате стоял спертый дух – пахло дымом, табаком, кожей, мокрым сукном мундиров и немытыми телами. Она как в тумане увидела голые стены с ободранными кое-где обоями, ряды синих шинелей и широкополых шляп, висевших на крючках, яркий огонь в камине, длинный стол, заваленный бумагами, и нескольких офицеров в синей форме с медными пуговицами.

Скарлетт судорожно глотнула и почувствовала, что обрела голос. Только не показать этим янки, что она боится. Она должна выглядеть и держаться как можно лучше и независимее.

– Капитан?

– Ну, я – капитан, – сказал толстяк в расстегнутом мундире.

– Я хочу видеть вашего арестанта – капитана Ретта Батлера.

– Опять Батлера? Ну и спрос же на этого мужика, – расхохотался капитан, вынимая из рта изжеванную сигару. – Вы ему родственницей приходитесь, мэм?

– Да... я его... его сестра.

Он снова расхохотался.

– Много же у него сестер, одна была тут как раз вчера.

Скарлетт вспыхнула. Наверняка какая-нибудь из этих тварей, с которыми водится Ретт, – должно быть, Уотлинг. Ну и, конечно, янки решили, что она – такая же. Нет, это невыносимо. Даже ради Тары не станет она терпеть оскорбления и не пробудет здесь больше ни минуты. Она было повернулась и с гневным видом взялась за ручку двери, но рядом с ней уже стоял другой офицер. Он был молодой, гладко выбритый, с добрыми шустрыми глазами.

– Минуточку, мэм. Может быть, вы присядете и погрееетесь у огня? А я схожу и выясню, что можно для вас сделать. Как вас зовут? Он отказался видеть ту... даму, которая приходила вчера.

Бросив сердитый взгляд на незадачливого толстяка-капитана, Скарлетт опустилась в предложенное кресло и назвала себя. Приятный молодой офицер накинул шинель и вышел из комнаты, а остальные столпились у дальнего конца стола и принялись тихо переговариваться, время от времени тыча пальцем в бумаги. Скарлетт с облегчением протянула ноги к огню и, только тут почувствовав, как они застыли, пожалела, что не подумала подложить картонку в туфлю, на подошве которой была дырка. Через некоторое время за дверью послышались голоса, и до нее донесся смех Ретта. Дверь открылась, в комнату ворвалось дыхание холодного воздуха, и появился Ретт, без шляпы, в небрежно наброшенной на плечи длинной накидке.

Он был грязный, небритый, без галстука и все же элегантный; при виде Скарлетт черные глаза его радостно сверкнули.

– Скарлетт!

Он схватил обе ее руки, и, как всегда при его прикосновении, ее обдало жаром. Не успела она опомниться, как он нагнулся и поцеловал ее в щеку, слегка щекотнув кончиками усов. Скарлетт вздрогнула, и, почувствовав, что она пытается отстраниться, он обхватил ее за плечи и сказал: «Милая моя сестренка!» – и усмехнулся, глядя на нее сверху вниз и наслаждаясь ее беспомощностью, ибо она ведь не могла отклонить его ласку. Скарлетт невольно рассмеялась: лихо он воспользовался своим преимуществом. Прожженный негодяй! И тюрьма ничуть не изменила.

Толстяк-капитан, не вынимая изо рта сигары, буркнул шустроглазому офицеру:

– Не по правилам. Он должен находиться в каланче. Ты же знаешь приказ.

– Да будет тебе, Генри, дамочка замерзла бы там.

– Ну ладно, ладно! Ты отвечаешь.

– Заверяю вас, джентльмены, – сказал Ретт, поворачиваясь к ним, но не выпуская из объятий Скарлетт, – моя... сестренка не принесла мне ни пилы, ни напильника, с помощью которых я мог бы бежать.

Все рассмеялись, и Скарлетт быстрым взглядом окинула комнату. Силы небесные, неужели ей придется разговаривать в присутствии шести офицеров-янки! Неужели он такой опасный преступник, что должен находиться все время под наблюдением? Заметив ее волнение, предупредительный офицер распахнул какую-то дверь и тихо сказал что-то двум солдатам, которые тотчас вскочили на ноги при его появлении. Они взяли свои ружья и вышли в холл, закрыв за собой дверь.

– Если хотите, можете посидеть здесь, в канцелярии, – предложил молодой капитан, – но не пытайтесь бежать через ту дверь. Снаружи стоят солдаты.

– Видишь, Скарлетт, какой я отпетый тип, – сказал Ретт. – Спасибо, капитан. Вы очень добры.

Он небрежно кивнул капитану и, взяв Скарлетт за локоть, втолкнул в грязную канцелярию. Комната эта не сохранилась в памяти Скарлетт, она запомнила лишь, что там было тесно, темно, отнюдь не тепло, на ободранных стенах висели какие-то написанные от руки бумаги, а стулья обтянуты невыделанной воловьей кожей.

Затворив дверь, Ретт стремительно шагнул к Скарлетт и склонился над ней. Понимая, чего он хочет, она поспешно отвернула голову, но при этом кокетливо взглянула на него краешком глаза.

– Могу я наконец по-настоящему вас поцеловать?

– В лоб – как положено примерному братцу, – с притворной скромностью сказала она.

– В таком случае нет, благодарю. Я предпочитаю подождать в надежде на лучшее. – Взгляд его остановился на ее губах. – Но как это все же мило, что вы пришли навестить меня, Скарлетт! Вы первая из почтенных горожан, кто нанес мне визит в моем заточении, а когда сидишь в тюрьме, особенно ценишь друзей. Давно вы в городе?

– Со вчерашнего дня.

– И уже сегодня утром отправились ко мне? Ну, моя дорогая, это более чем мило с вашей стороны. – И, глядя на нее сверху вниз, он улыбнулся с искренней радостью – такой улыбки она никогда еще у него не видала. И Скарлетт улыбнулась про себя, чувствуя, как нарастает в ней возбуждение, а сама потупилась с притворным смущением.

– Конечно, я сразу же поехала к вам. Тетя Питти рассказала мне про вас вчера вечером, и я... ну, просто глаз всю ночь не могла сомкнуть от ужаса. Ретт, я так огорчена!

– Да что вы, Скарлетт!

Он произнес это тихо, но таким дрогнувшим голосом, что она взглянула ему в лицо – в нем не было ни тени обычного цинизма и столь хорошо знакомой насмешки. Он смотрел на нее в упор, и она, уже действительно смешавшись, опустила под его взглядом глаза. Все выходило куда лучше, чем она могла надеяться.

– Стоило сесть в тюрьму, чтобы увидеть вас снова и услышать от вас такие слова. Я просто ушам своим не поверил, когда мне сообщили ваше имя. Видите ли, я не ожидал, что вы когда-либо простите мне то, как я поступил тогда ночью, на дороге у Раф-энд-Реди. Но насколько я понимаю, этот ваш визит означает, что вы простили меня?

Скарлетт почувствовала, как даже сейчас, через столько времени, при одной мысли о той ночи в ней вновь закипает гнев, но она подавила его и тряхнула головой, чтобы затанцевали сережки.

– Нет, я вас не простила, – сказала она и надула губки.

– Еще одна надежда лопнула. И это после того, как я добровольно пошел сражаться за родину и сражался босой, на снегу под Фрэнклином, да еще вдобавок ко всем мукам подцепил чудовищную дизентерию!

– Я не желаю слышать о ваших... муках, – сказала она все с той же надутой миной, но уже улыбаясь ему краешком чуть раскосых глаз. – Я и сейчас считаю, что вы в ту ночь вели себя отвратительно, и не собираюсь вас прощать. Бросить меня одну – ведь со мной что угодно могло случиться!

– Но с вами же ничего не случилось. Так что видите, моя вера в вас была оправдана. Я знал, что вы благополучно доберетесь домой. И не завидую я тому янки, который попался бы вам на пути!

– Ретт, ну какого черта вы сделали эту глупость и в последнюю минуту записались в армию – вы же прекрасно понимали, что нам крышка?! И это после всего, что вы говорили про идиотов, которые идут подставлять лоб под пули!

– Пощадите, Скарлетт! Я от стыда сгораю, думая об этом.

– Что ж, я рада слышать, что вам стыдно вспоминать, как вы поступили со мной.

– Вы неверно меня поняли. К великому сожалению, я вынужден признать: совесть не мучила меня при мысли, что я вас бросил. Ну а решение записаться волонтером... Надо же было додуматься до такого – пойти в армию в лакированных сапогах и белом чесучовом костюме, с парой дуэльных пистолетов за поясом... А эти бесконечные мили, которые я прошагал по снегу босиком, когда сапоги у меня совсем развалились, без пальто, без еды... Сам не понимаю, почему я не дезертировал. Все это было сплошным безумием. Но видимо, таковы уж мы, южане: это у нас в крови. Не можем мы не стать на сторону проигранного дела. Впрочем, каковы бы ни были причины, подвигшие меня на это, – не важно. Важно, что я прощен.

– Ничего подобного. Я считаю, что вы просто пес. – Но она так ласково произнесла последнее слово, что оно прозвучало, как «душка».

– Не лукавьте. Вы меня простили. Юные леди не просят часовых-янки о свидании с узником просто так – из сострадания – и не являются разодетые в бархат и перья, с котиковой муфточкой в руках. Ах, Скарлетт, до чего же вы прелестно выглядите! Слава богу, вы не в лохмотьях и не в трауре. Мне до смерти надоело видеть женщин в старых вылинявших платьях и всегда в черном. А вы будто только что вышли из магазина Рю де-ля-Пэ. Ну-ка, повернитесь, прелесть моя, и дайте мне вас хорошенько рассмотреть.

Значит, он заметил платье. Конечно же, заметил – на то он и Ретт. Она рассмеялась легким переливчатым смехом и повернулась на цыпочках, приподняв локти и намеренно качнув юбками, чтобы мелькнули отделанные кружевами панталоны. Черные глаза его вбирали ее всю – от шляпки до пяток, взгляд не упускал ничего, этот давно знакомый раздевающий взгляд, от которого у нее всегда по телу бежал холодок.

– Вид у вас вполне процветающий и вполне, вполне ухоженный. И прямо скажем: очень аппетитный. Если бы эти янки не стояли за дверью... но вам ничего не угрожает, моя дорогая. Садитесь. Я не злоупотреблю вашим доверием, как в последний раз, когда мы виделись с вами. – Он потер щеку с наигранно удрученным видом. – Право же, Скарлетт, вам не кажется, что вы в ту ночь были чуточку эгоистичны? Вспомните, сколько я для вас сделал, рисковал жизнью... украл лошадь – и какую! Бросился защищать Наше Славное Дело! И что получил за все свои муки? Кучу колкостей и увесистую затрещину.

Она опустила на стул. Разговор пошел не совсем так, как она рассчитывала. Ретт показался ей таким милым сначала, явно обрадовался, что она пришла. Перед ней был не тот отпеченный негодяй, каким она его знала, а вроде бы вполне пристойный человек.

– Неужели вы всегда ждете награды за свои труды?

– Ну конечно! Я же эгоистичное чудовище, как вам, наверное, известно. Я всегда рассчитываю на оплату малейшей своей услуги.

Она слегка похолодела от этого признания, но взяла себя в руки и снова тряхнула серьгами.

– Да нет, вы совсем не такой плохой, Ретт. Вы просто любите порисоваться.

– Честное слово, вы изменились! – произнес он и расхохотался. – С чего это вы стали добропорядочной христианкой? Я следил за вами через мисс Питтипэт, но она и словом не обмолвилась о том, что вы стали воплощением женской кротости. Ну, расскажите же мне о себе, Скарлетт. Как вы жили все это время с тех пор, как мы виделись в последний раз?

Раздражение и недобрые чувства, которые он неизменно вызывал в ней прежде, вскипели в ее душе и сейчас; ей захотелось наговорить ему колкостей, но она лишь улыбнулась, и на щеке ее появилась ямочка. Он придвинул стул и сел совсем рядом, и она, склонясь в его сторону, мягко, как бы непроизвольно, положила руку ему на плечо.

– О, я жила премо, спасибо, и в Таре теперь все в порядке. Конечно, было очень страшно после того, как солдаты Шермана побывали у нас, но дом все-таки не сожгли, а черные спасли большую часть стада – загнали его в болото. И прошлой осенью мы собрали неплохой урожай – двадцать тюков. Конечно, по сравнению с тем, что Тара может дать, это ничтожно мало, но у нас сейчас не так много рабочих рук. Папа, конечно, говорит, что на будущий год дела у нас пойдут лучше. Но, Ретт, в деревне сейчас стало так скучно! Можете себе представить – ни балов, ни пикников, и вокруг все только и говорят о том, как тяжело живется. Бог ты мой, до чего мне все это надоело! Наконец на прошлой неделе мне стало до того тошно, что я почувствовала – не могу больше, а папа заметил и сказал, что нужно мне съездить проветриться, повеселиться. Вот я и приехала сюда сшить себе несколько платьев, а отсюда поеду в Чарльстон – в гости к тете. Так хочется снова походить по балам.

«Вот тут все вышло как надо, – подумала она, гордясь собой. – И тон был найден правильный – достаточно беззаботный! Мы, мол, не богачи, но и не бедствуем».

– Вы выглядите прелестно в бальных платьях, моя дорогая, и, к несчастью, прекрасно это знаете! Я полагаю, подлинная причина вашего приезда состоит в том, что вам поднадоели деревенские воздыхатели и вы решили поискать себе новых в более отдаленных краях.

Какое счастье, подумала Скарлетт, что Ретт эти последние месяцы провел за границей и лишь недавно вернулся в Атланту. Иначе он никогда не сказал бы таких глупостей. Перед ее мысленным взором прошла вереница сельских ухажеров – оборванные, озлобленные Фонтейны, обнищавшие братья Манро, красавцы из Джонсборо и Фейетвилла, занятые пахотой, обтесыванием кольев и уходом за больными старыми животными; они и думать забыли про балы и милый легкий флирт. Но она постаралась выкинуть это из головы и смущенно хихикнула, как бы подтверждая, что он прав.

– Ну что вы! – с наигранным возмущением сказала она.

– Вы бессердечное существо, Скарлетт, но, возможно, именно в этом ваше обаяние. – Он улыбнулся, как улыбался когда-то – одним уголком рта, но она понимала, что он делает ей комплимент. – Вы ведь, конечно, знаете, что обаяния в вас куда больше, чем разрешено законом. Даже я, толстокожий малый, испытал это на себе. И часто удивлялся, что в вас такое сокрыто, почему я не могу вас забыть, хоть я знал много дам и красивее вас, и, уж конечно, умнее, и, боюсь, добрее и высоконравственнее. Однако же вспоминал я всегда только вас. Даже в те долгие месяцы после поражения, когда я был то во Франции, то в Англии и не видел вас, и ничего о вас не знал, и наслаждался обществом многих прелестных женщин, я всегда вспоминал вас и хотел знать, как вы живете.

На секунду она возмутилась, – да как он смеет говорить ей, что есть женщины красивее, умнее и добрее ее! – но гнев тут же погас: ведь помнил-то он ее и ее прелести, и это было приятно. Значит, он ничего не забыл! Что ж, это должно облегчить дело. И вел он себя так мило – совсем как положено джентльмену в подобных обстоятельствах. Теперь надо перевести разговор на него и намекнуть, что она тоже его не забыла. И тогда...

Она слегка сжала ему плечо и снова улыбнулась так, что на щеке образовалась ямочка.

– Ах, Ретт, ну как вам не стыдно дразнить бедную деревенскую девушку! Я-то прекрасно знаю, что вы ни разу и не вспомнили обо мне после того, как бросили меня той ночью. В жизни не поверю, что вы вообще думали обо мне, когда вокруг было столько прелестных французов и англичанок. Но ведь я приехала сюда не затем, чтобы слушать всякие ваши глупости обо мне. Я приехала... я приехала... потому...

– Почему же?

– Ах, Ретт, я так волнуюсь! Я так боюсь за вас! Когда же они вас выпустят из этого ужасного места?

Он быстро накрыл ее руку своей ладонью и крепко прижал к своему плечу.

– Ваше волнение делает вам честь, а когда меня выпустят отсюда – неизвестно. По всей вероятности, когда до предела натянут веревку.

– Веревку?

– Да, я думаю, что выйду отсюда с веревкой на шее.

– Но не повесят же они вас?

– Повесят, если сумеют набрать побольше улик.

– Ох, Ретт! – воскликнула она, прижав руку к сердцу.

– Вам будет жаль меня? Если вы меня как следует пожалеете, я упомяну вас в своем завещании.

Темные глаза откровенно смеялись над ней; он сжал ей руку. В своем завещании! Она поспешно опустила глаза, боясь, как бы они не выдали ее, но, очевидно, сделала это недостаточно быстро, ибо в его взгляде вспыхнуло любопытство.

– По мнению янки, я должен оставить недурное завещание. Похоже, что мое финансовое положение вызывает сейчас немалый интерес. Каждый день меня требуют к себе все новые и новые люди и задают idiotские вопросы. Ходят слухи, что я завладел мифическим золотом Конфедерации.

– Ну а на самом деле?

– Что за наводящие вопросы! Вы знаете не хуже меня, что Конфедерация печатала деньги, а не отливала их.

– А откуда у вас столько денег? Вы их нажили на спекуляциях? Тетя Питтипэт говорила...

– А вы меня, похоже, допрашиваете!

Черт бы его побрал! Конечно же, эти деньги – у него. Скарлетт пришла в такое возбуждение, что совсем забыла о необходимости быть с ним нежной.

– Ретт, я так расстроена тем, что вы под арестом. Неужели у вас нет ни малейшего шанса отсюда выбраться?

– «Nihil desperandum»² – мой девиз.

– Что это значит?

– Это значит «может быть», прелестная моя незнакомка.

Она похлопала своими длинными ресницами, посмотрела на него и опустила глаза.

– Но вы же такой ловкий – вы не допустите, чтобы вас повесили! Я уверена, вы что-нибудь придумаете, чтобы обойти их и выбраться отсюда! А когда вы выйдете...

– Когда я выйду?.. – тихо переспросил он, пригибаясь к ней.

– Тогда я... – И она изобразила на лице смятение и даже покраснела. Покраснеть было нетрудно, потому что у нее перехватывало дыхание и сердце колотилось как бешеное. – Ретт, я так жалею о том, что я... что я наговорила вам тогда, в ту ночь, ну, вы помните... у Раф-энд-Реди. Я была тогда... ох, так напугана и так расстроена, а вы были такой... такой... – Она опустила глаза и увидела, как его смуглая рука снова легла на ее руку. – И... я считала, что никогда, никогда не прощу вас! Но когда вчера тетя Питти сказала мне, что вы... что вас могут повесить... все во мне вдруг перевернулось, и я... я... – Она с мольбой заглянула ему в глаза, стараясь вложить в этот свой взгляд всю боль разбитого сердца. – Ох, Ретт, я умру, если они вас повесят! Я просто этого не вынесу! Понимаете, я... – И не в силах дольше выдержать его взгляда, который жег ее как огонь, она снова опустила глаза.

«Да я сейчас расплачусь, – подумала она в изумлении, чувствуя, как волнение захлестывает ее. – Дать волю слезам? Может, так оно будет естественнее».

Он быстро произнес:

– О боже, Скарлетт, неужели вы... неужели это правда, что вы... – И руки его сжали ее пальцы с такой силой, что ей стало больно.

Она крепко-крепко зажмурилась, надеясь выдавить из себя слезы, но при этом не забыв слегка приподнять лицо, чтобы ему удобнее было ее поцеловать. Вот сейчас, через мгновение его губы прижмутся к ее губам – эти твердые настойчивые губы. Ей вдруг так живо вспомнился их поцелуй, что она ощутила слабость в коленях. Но он не поцеловал ее. Она почему-то почувствовала разочарование и, чуть приоткрыв глаза, украдкой взглянула на него. Он склонился над ее руками – она видела лишь его черный затылок, – приподнял одну из них и поцеловал, потом взял другую и приложил к своей щеке. Скарлетт ждала грубости, насилия, и этот нежный, любящий жест изумил ее. Интересно, какое у него сейчас лицо, но она не могла удовлетворить свое любопытство, ибо голова у него была опущена.

Она быстро отвела взгляд, чтобы, подняв голову, он ничего не прочел в ее глазах. Она понимала, что сознание одержанной победы наверняка отражалось в них. Вот сейчас, он сделает ей предложение или по крайней мере скажет, что любит ее, и тогда... Она следила за ним сквозь завесу ресниц, а он перевернул ее руку ладонью вверх и опять хотел было поцеловать – и вдруг оторопел. Она посмотрела на свою ладонь и впервые за этот год увидела ее по-настоящему. Холодный ужас сжал ей сердце. Это была рука незнакомки, а не Скарлетт О'Хара – у той рука была мягкая, белая, с ямочками, изнеженная и безвольная. А эта была загрубелая, потемневшая от загара, испещренная веснушками. Сломанные ногти неровно обрезаны, на ладони – твердые мозоли, на большом пальце – полузаживший нарыв. Красный шрам от кипящего жира, который брызнул ей на руку месяц тому назад, выглядел страшно и уродливо. Она в ужасе смотрела на свою ладонь и инстинктивно сжала кулак.

А он все не поднимал головы. И она все не видела его лица. Он с силой разжал ее кулак и долго смотрел на ладонь, потом взял другую руку и, глядя на них, молча приподнял обе вместе.

– Посмотрите на меня, – сказал он наконец очень тихо, поднимая голову. – И перестаньте строить из себя скромницу.

² «Никогда не отчаивайся» (лат.).

Нехотя она посмотрела на него – посмотрела с вызовом, в смятении. Черные брови ее поднялись, глаза сверкали.

– Значит, дела в Таре идут отлично, так? И вы столько денег получили за хлопок, что могли поехать сюда погостить? А что же случилось с вашими руками – землю пахали?

Она попыталась вырвать у него руки, но он держал их крепко – только провел большим пальцем по мозолям.

– Это не руки леди, – сказал он и бросил их ей на колени.

– Да перестаньте вы! – выкрикнула она, мгновенно почувствовав облегчение оттого, что можно больше не притворяться. – Никого не касается, что я делаю своими руками!

«Какая я идиотка, – кляла она себя, – надо было мне взять перчатки у тети Питти, а то и стащить, но я не отдавала себе отчета в том, что у меня такие руки. Конечно же, он это заметил. А теперь я еще и вышла из себя и наверняка все погубила. Ну почему это случилось как раз в тот момент, когда он уже готов был сделать мне предложение!»

– Мне, конечно, нет дела до ваших рук, – холодно сказал Ретт и небрежно опустил на стул; лицо его было бесстрастно.

Н-да, теперь нелегко с ним будет справиться. Ну что ж, как ни противно, а надо прикинуться овечкой, чтобы выйти победительницей, несмотря на этот промах. Быть может, если удастся улестить его...

– Как грубо вы себя ведете – взяли и отшвырнули мои бедные ручки. И все лишь потому, что я на прошлой неделе поехала кататься без перчаток и испортила себе руки.

– Кататься – черта с два вы катались! – все так же холодно сказал он. – Вы работали этими руками – и работали тяжело, как ниггер. Вопрос в другом! Почему вы солгали мне про Тару и сказали, что дела у вас идут отлично?

– Послушайте, Ретт...

– Ну-ка, попробуем докопаться до правды. Какова подлинная цель вашего визита? Вы своим кокетством чуть было не убедили меня, что я вам чуточку дорог и что вы расстроены из-за меня.

– Но я и вправду расстроена! В самом деле...

– Нет, ничего подобного! Даже если меня повесят на самой высокой виселице – выше, чем Амана³, – вам будет все равно. Это начертано на вашем лице, как следы тяжелой работы – на ваших ладонях. Вам что-то нужно от меня, и вы так сильно этого хотите, что устроили тут целый спектакль. Почему вы прямо не пришли ко мне и не сказали в открытую, что вам от меня надо? У вас было бы куда больше шансов добиться своего, ибо если я что и ценю в женщинах, так это прямоту. Но нет, вы трясете тут своими сережками, надуваете губки и кокетничаете, как проститутка с клиентом, которого она хочет залучить.

Он произнес последние слова, не повышая голоса, все тем же ровным тоном, но для Скарлетт они прозвучали как удар хлыста, и она в отчаянии поняла, что все надежды на то, что он сделает ей предложение, рухнули. Взорвись он в ярости, оскорбленный в своих лучших чувствах, наговори ей грубостей, как поступили бы на его месте другие мужчины, она бы нашла к нему подход. Но это ледяное спокойствие напугало ее, и она растерялась, не зная, что предпринять. Она вдруг поняла, что Ретт Батлер – даже в заключении, даже под надзором янки, сидевших в соседней комнате, – человек опасный и дурачить его нельзя.

– Должно быть, меня подвела память. Мне бы не следовало забывать, что вы очень похожи на меня и ничего не делаете без причины. Ну-ка, давайте подумаем, какую карту вы можете прятать в рукаве, миссис Гамильтон? Неужели вы могли настолько заблуждаться, что надеялись услышать от меня предложение руки и сердца?

³ Аман – по Библии, первый министр персидского царя Артаксеркса, повешенный на виселице, построенной по его приказанию для Мардохея.

Она вспыхнула, но промолчала.

– И не могли же вы забыть то, что я неоднократно вам повторял: я не из тех, кто женится?!

И поскольку она молчала, он спросил с внезапно прорвавшейся яростью:

– Не забыли? Отвечайте же!

– Не забыла, – с несчастным видом сказала она.

– Какой же вы игрок, Скарлетт, – усмехнулся он. – Поставили на то, что, сидя в тюрьме, я лишен женского общества и потому кинусь на вас, как форель на червяка.

«Так ведь ты и кинулся, – в бешенстве подумала Скарлетт. – Если бы не мои руки...»

– Ну вот мы и восстановили истину – почти всю, кроме причины, побудившей вас пойти на это. А теперь, может быть, вы скажете мне, почему вы хотели надеть на меня брачные цепи?

В голосе его прозвучали мягкие, даже чуть дразнящие нотки, и Скарлетт приободрилась. Пожалуй, еще не все потеряно. Конечно, надежды на брак уже нет никакой, но, несмотря на свое отчаяние, Скарлетт была даже рада. Что-то было в этом неподвижно застывшем человеке страшное, и даже самая мысль о том, чтобы выйти за него замуж, пугала ее. Но может быть, если вести себя умно, возродить воспоминания и сыграть на его влечении, ей удастся получить у него заем. Она придала лицу детски-умоляющее выражение.

– Ах, Ретт, мне нужна ваша помощь – и вы в состоянии ее мне оказать, ну, будьте же хоть чуточку милым.

– Быть милым – самое любимое мое занятие.

– Ретт, во имя нашей старой дружбы я хочу просить вас об одолжении.

– Ну вот, наконец-то леди с мозолистыми руками приступила к выполнению своей подлинной миссии. Боюсь, «посещение больных и узников» – не ваша роль. Чего же вам надо? Денег?

Этот прямой вопрос разрушил всякую надежду подойти к делу кружным путем, сыграв на его чувствах.

– Не надо злорадствовать, Ретт, – вкрадчиво сказала она. – Мне действительно нужны деньги. Я хочу, чтобы вы одолжили мне триста долларов.

– Вот наконец-то правда и выплыла наружу. Говорите о любви, а думаете о деньгах. Как по-женски! Вам очень нужны деньги?

– О да... То есть они мне не так уж и нужны, но не помешали бы.

– Триста долларов. Это большая сумма. Зачем они вам?

– Чтобы заплатить налог за Тару.

– Значит, вы хотите призанять денег. Что ж, раз вы такая деловая женщина, буду деловым и я. Под какое обеспечение?

– Что-что?

– Обеспечение. Гарантирующее возврат моих денег. Я не хочу их терять. – Голос его звучал обманчиво мягко, был такой бархатный, но она этого не заметила: может, все еще и устроится.

– Под мои сережки.

– Сережки меня не интересуют.

– Тогда я вам дам закладную на Тару.

– А на что мне ферма?

– Но вы могли бы... могли бы... это ведь хорошая плантация, и вы ничего не потеряете. Я расплачусь с вами из того, что получу за урожай хлопка в будущем году.

– Я в этом не уверен. – Он откинулся на стуле, засунув руки в карманы брюк. – Цены на хлопок падают. Времена настали тяжелые, и люди денег на ветер не бросают.

– Ах, Ретт, зачем вы меня дразните! Я же знаю, что у вас миллионы!

Он наблюдал за ней, и в глазах его плясали злорадные огоньки.

– Значит, все у вас в порядке, и деньги вам не так уж и нужны. Что ж, я рад это слышать. Приятно знать, что у старых друзей все в порядке.

– Ах, Ретт, ради всего святого!.. – в отчаянии воскликнула она, теряя, мужество и всякую власть над собой.

– Да не вопите вы так. Я думаю, не в ваших интересах, чтобы янки вас слышали. Вам кто-нибудь говорил, что глаза у вас как у кошки – у кошки в темноте?

– Ретт, не надо! Я все вам расскажу. Мне очень нужны деньги, очень. Я... я солгала вам насчет того, что все у нас в порядке. Все так плохо – дальше некуда. Отец... он... он... совсем не в себе. Он стал очень странным – как дитя – с тех пор, как умерла мама, помощи мне от него ждать нечего. И у нас нет ни одного работника, чтоб собирать хлопок, а кормить надо тринадцать ртов. Да еще налоги такие высокие. Ретт, я все вам расскажу. Вот уже год, как мы почти голодаем. Ах, ничего вы не знаете! Не можете знать! У нас просто есть нечего. А это так ужасно, когда просыпаешься голодная и спать ложишься голодная. И нам нечего носить, и дети мерзнут и болеют, и...

– Откуда же у вас это прелестное платье?

– Из маминых портьер, – ответила она, вконец отчаявшись и уже не имея сил лгать, чтобы скрыть свой позор. – Я смирилась с тем, что мы голодали и мерзли, но теперь... теперь «саквояжники» повысили налоги на Тару. И деньги эти мы должны внести немедленно. А у меня нет ничего, кроме одной золотой монеты в пять долларов. Мне так нужны эти деньги, чтобы заплатить налог! Неужели вы не понимаете? Если я их не заплачу, я... мы потеряем Тару, а нам просто невозможно ее лишиться! Я не могу этого допустить!

– Почему же вы не сказали мне всего этого сразу вместо того, чтобы играть на моих чувствах, а ведь я человек слабый, когда дело касается хорошенькой женщины? Только, Скарлетт, не плачьте! Вы уже испробовали все свои трюки, кроме этого, а от этого меня увольте. Я оскорблен в своих лучших чувствах и глубоко разочарован тем, что вы охотились за моими деньгами, а вовсе не за моей неотразимой персоной.

Она вспомнила, что, издеваясь над собой, – а заодно и над другими, – он часто говорил правду о себе, и взглянула на него. Он в самом деле чувствует себя уязвленным? Он в самом деле так ею дорожит? И в самом деле собирался соединить с ней свою судьбу, пока не увидел ее рук? Или же все шло лишь к очередному мерзкому предложению вроде тех, которые он уже дважды ей делал? Если она действительно ему дорога, быть может, удастся его смягчить. Но его черные глаза буравили ее отнюдь не влюбленным взглядом; к тому же он негромко рассмеялся.

– Ваше обеспечение мне не подходит. Я не плантатор. Что еще вы можете мне предложить?

Ну, вот дошло и до этого! Решайся! Она глубоко перевела дух и, отбросив всякое кокетство и все свои ужимки, прямо посмотрела ему в глаза, – думала она лишь о том, как пережить эту минуту, которой она страшилась больше всего.

– У меня ничего больше нет... кроме меня самой.

– Ну и что же?

Подбородок ее напрягся, стал квадратным, глаза превратились в изумруды.

– Вы помните вечер на крыльце у тети Питти, во время осады? Вы сказали... сказали тогда, что жаждете мной обладать.

Он небрежно откинулся на стуле, глядя в ее напряженное лицо, – его же лицо было непроницаемо. Потом что-то промелькнуло в глазах, но он продолжал молчать.

– Вы сказали... вы сказали тогда, что ни одна женщина не была еще вам так желанна. Если я вам все еще нужна, я – ваша. Ретт, я сделаю все что хотите, только, ради всего святого, выпишите мне чек! Я сдержу свое слово. Клянусь. Я не отступлю. Я могу дать расписку в этом, если хотите.

Он смотрел на нее с каким-то странным выражением, которого она не могла разгадать, и продолжала говорить, все еще не понимая, забавляет это его или отталкивает. Хоть бы он что-нибудь сказал, ну что угодно! Она почувствовала, как кровь приливает к ее щекам.

– Деньги мне нужны очень быстро, Ретт. Нас выкинут на улицу, и этот проклятый управляющий, который работал у отца, станет хозяином поместья и...

– Одну минуту. Почему вы думаете, что вы все еще мне желанны? И почему вы думаете, что вы стоите триста долларов? Большинство женщин так дорого не берут.

Несказанно униженная, она вспыхнула до корней волос.

– Зачем вам на это идти? Почему не отдать эту свою ферму и не поселиться у мисс Питтипэт? Вам же принадлежит половина ее дома.

– Боже ты мой! – воскликнула она. – Вы что, с ума сошли? Я не могу отдать Тару! Это мой дом. Я не отдам ее. Ни за что не отдам, пока дышу!

– Ирландцы, – сказал он, перестав раскачиваться на стуле и вынимая руки из карманов брюк, – совершенно невыносимый народ. Они придают значение вещам, которые вовсе этого не стоят. Например, земле. А что этот кусок земли, что тот – какая разница! Теперь, Скарлетт, давайте уточним. Вы являетесь ко мне с деловым предложением. Я даю вам триста долларов, и вы становитесь моей любовницей.

Теперь, когда омерзительное слово было произнесено, Скарлетт стало легче и надежда вновь возродилась в ней. Он ведь сказал: «я даю вам». Глаза его так и сверкали – казалось, все это очень его забавляло.

– Однако же, когда я имел нахальство сделать вам такое предложение, вы выгнали меня из дома. И еще всячески обзывали, заметив при этом, что не желаете иметь «кучу сопливых ребятишек». Нет, милочка, я вовсе не сыплю соль на ваши раны. Я только удивляюсь игре вашего ума. Вы не желали пойти на это ради удовольствия, но согласны пойти ради того, чтобы отогнать нищету от своих дверей. Значит, я прав, что любую добродетель можно купить за деньги – вопрос лишь в цене.

– Ах, Ретт, какую вы несете чушь! Если хотите оскорблять – оскорбляйте, только дайте мне денег.

Теперь она уже вздохнула свободнее. Ретт – на то он и Ретт: ему, естественно, хочется помучить ее, пооскорблять снова и снова, чтобы расквитаться за старые обиды и за попытку обмануть его сейчас. Что ж, она все вытерпит. Она готова вытерпеть что угодно. Тара стоит того. На секунду вдруг расцвело лето, над головой раскинулось синее полуденное небо, и вот она лежит на лужайке в Таре среди густого клевера и сквозь полуприкрытые веки смотрит вверх на похожие на замки громады облаков, вдыхает приятные цветочные запахи, а в ушах у нее приятно гудит от жужжания пчел. Полдень, тишина, лишь вдали поскрипывают колеса фургонов, поднимающихся по извилистой дороге в гору с красных полей. Тара стоит того, стоит даже большего.

Она вскинула голову.

– Дадите вы мне деньги или нет?

С нескрываемым удовольствием он мягко, но решительно произнес:

– Нет, не дам.

Его слова не сразу дошли до ее сознания.

– Я не мог бы вам их дать, даже если б и захотел. У меня при себе нет ни цента. И вообще в Атланте у меня нет ни доллара. У меня, конечно, есть деньги, но не здесь. И я не собираюсь говорить, где они или сколько. Если я попытаюсь взять оттуда хоть какую-то сумму, янки налетят на меня, точно утка на майского жука, и тогда ни вы, ни я ничего не получим. Ну, так как будем поступать?

Она позеленела, на носу вдруг проступили веснушки, а рот искривился судорогой – совсем как у Джералда в минуту безудержной ярости. Она вскочила на ноги с каким-то звери-

ным криком, так что шум голосов в соседней комнате сразу стих. Ретт, словно пантера, одним прыжком очутился возле нее и своей тяжелой ладонью зажал ей рот, а другой рукой крепко обхватил за талию. Она бешено боролась, пытаясь укусить его, лягнуть, дать выход своей ярости, ненависти, отчаянию, своей поруганной, растоптанной гордости. Она билась и извивалась в его железных руках, сердце у нее бешено колотилось, тугой корсет затруднял дыхание. А он держал ее так крепко, так грубо; пальцы, зажимавшие ей рот, впились ей в кожу, причиняя боль. Смуглое лицо его побелело, обычно жесткий взгляд стал взволнованным – он приподнял ее, прижал к груди и, опустившись на стул, посадил к себе на колени.

– Хорошая моя, ради бога, перестаньте! Тише! Не надо кричать. Ведь они сейчас сбегутся сюда. Да успокойтесь же. Неужели вы хотите, чтобы янки увидели вас в таком состоянии?

Ей было безразлично, кто ее увидит, все безразлично, ею владело лишь неудержимое желание убить его, но мысли у нее вдруг начали мешаться. Она еле могла дышать – Ретт душил ее; корсет стальным кольцом все больше и больше сжимал ей грудь; она полулежала в объятиях Ретта, и уже одно это вызывало у нее бешенную злобу и ярость. Голос его вдруг стал тоньше и зазвучал словно издали, а лицо, склоненное над ней, закрутилось и стало тонуть в сгущавшемся тумане. И исчезло – и лицо его, и он сам, и все вокруг. Когда она, словно утопающий, выбравшийся на поверхность, стала приходить в себя, первым ощущением ее было удивление, потом – невероятная усталость и слабость. Она полулежала на стуле – без шляпки, – и Ретт, с тревогой глядя на нее своими черными глазами, легонько похлопывал ее по руке. Славный молодой капитан пытался влить ей в рот немного коньяка из стакана – коньяк пролился и потек у нее по шее. Еще несколько офицеров беспомощно стояли вокруг, перешептываясь и размахивая руками.

– Я... я, кажется, потеряла сознание, – сказала она, и голос ее прозвучал так странно, издали, что она даже испугалась.

– Выпей это, – сказал Ретт, беря стакан и прикладывая к ее губам. Теперь она все вспомнила и хотела метнуть на него яростный взгляд, но ярости не было – одна усталость. – Ну пожалуйста, ради меня.

Она глотнула, поперхнулась, закашлялась, но он неумолимо держал стакан у ее губ. Она сделала большой глоток, и крепкий коньяк обжег ей горло.

– Я думаю, джентльмены, ей теперь лучше, и я вам очень признателен. Известие о том, что меня собираются казнить, dokonало ее.

Синие мундиры переступали с ноги на ногу, вид у всех был смущенный, и, покашляв, они гуртом вышли из комнаты. Молодой капитан задержался на пороге.

– Если я еще чем-нибудь могу быть полезен...

– Нет, благодарю вас.

Он вышел, закрыв за собой дверь.

– Выпейте еще, – сказал Ретт.

– Нет.

– Выпейте.

Она глотнула, и тепло побежало по ее телу, а в дрожащих ногах появилась сила. Она отстранила рукой стакан и попыталась подняться, но Ретт заставил ее снова сесть.

– Не трогайте меня. Я уйду.

– Обождите. Посидите еще минуту, а то вы снова упадете в обморок.

– Да я лучше упаду на дороге, чем быть здесь, с вами.

– И тем не менее я не могу допустить, чтобы вы упали в обморок на дороге.

– Пустите меня. Я вас ненавижу.

При этих словах легкая улыбка появилась на его лице.

– Вот это больше похоже на вас. Значит, вы действительно приходите в себя.

Она с минуту посидела спокойно, стараясь возродить в себе гнев, стараясь призвать его на помощь, чтобы вновь обрести силы. Но она слишком устала, она не могла уже ни ненавидеть, ни чего-либо желать. Сознание понесенного поражения словно налило ее свинцом. Она все поставила на карту и все потеряла. Даже гордости не осталось. Итак, конец последней надежде, конец Таре, конец им всем. Она долго сидела, откинувшись на спинку стула, закрыв глаза, слыша рядом его тяжелое дыхание, а коньяк постепенно делал свое дело, согревая ее, создавая ложное ощущение прилива сил. Когда она наконец открыла глаза и посмотрела Ретту в лицо, гнев снова вспыхнул в ней. Увидев, как ее брови сошлись на переносице, Ретт, по обыкновению, усмехнулся.

– Вот теперь вам лучше. Я это вижу по вашей рожице.

– Конечно, я в полном порядке. А вы, Ретт Батлер, – мерзавец, вы самый что ни на есть отпетый гнусный тип! Вы с самого начала знали, о чем я буду с вами говорить, и знали, что не дадите мне денег. И однако же вы не остановили меня. А ведь могли бы пожалеть...

– Пожалеть и не услышать всего, что вы тут наговорили? Ну, нет. У меня здесь так мало развлечений. Право, не помню, чтобы я когда-нибудь слышал более приятные вещи. – И он вдруг рассмеялся с обычной своей издевкой.

Она тотчас вскочила на ноги и схватила шляпку, но Ретт уже держал ее за плечи.

– Обождите еще немного. Вы в силах говорить разумно?

– Пустите меня!

– Я вижу, что в силах. В таком случае скажите мне вот что. Я был вашей единственной соломинкой? – И он впился в нее острым, настороженным взглядом, стараясь не пропустить ни малейшего изменения в ее лице.

– Не понимаю.

– Я был единственным, на ком вы собирались испытать свои чары?

– А какое вам до этого дело?

– Больше, чем вы предполагаете. Есть у вас другие мужчины на примете? Да говорите же!

– Нет.

– Невероятно. Я как-то не могу представить себе вас без пяти или шести воздыхателей про запас. Конечно же, кто-нибудь подвернется и примет ваше интересное предложение. И я настолько в этом уверен, что хочу дать вам маленький совет.

– Я не нуждаюсь в ваших советах.

– И тем не менее я вам его дам. Похоже, единственное, что я способен дать вам сейчас, это совет. Внимательно выслушайте его, потому, что это совет хороший. Если вы пытаетесь чего-то добиться от мужчины, не выкладывайте ему все сразу, как сейчас – мне. Постарайтесь быть погибче, пособлазнительнее. Это приносит лучшие результаты. В свое время вы умели этим пользоваться, и пользовались идеально. А сейчас, когда вы предлагали мне ваше... м-м... обеспечение под мои деньги, уж больно жестким дельцом вы выглядели. Такие глаза, как у вас, я видел на дуэли у своего противника, когда он стоял в двадцати шагах от меня и целился – надо сказать, не очень это было приятно. Они не зажигают пожара в сердце мужчины. Так с мужчинами не обращаются, прелесть моя. Вы забыли о том, чему вас учили в юности.

– Я не нуждаюсь, чтоб вы говорили мне, как себя вести, – сказала она и устало принялась надевать шляпку. Просто удивительно, как он может так беззаботно паясничать с веревкой на шее, да к тому же, когда она рассказала ему о своих бедах. При этом она вовсе не заметила, что руки в карманах брюк были у него сжаты в кулаки, словно он старался сдержать злость на собственное бессилие.

– Не унывайте, – сказал он, глядя, как она завязывает ленты шляпки. – Можете прийти полюбоваться, когда меня будут вешать: от этого зрелища вам наверняка станет легче. Таким

образом, вы сведете старые счета со мной, да и за этот день – тоже. А я не забуду упомянуть вас в завещании.

– Я вам очень признательна, но последний срок платежа за Тару может наступить раньше, чем вас повесят, – сказала она с неожиданным ехидством под стать ему, не сомневаясь, что так оно и будет.

Глава 35

Когда она вышла из здания штаба, лил дождь и небо было унылое, желтовато-серое. Солдаты на площади залезли в свои палатки, улицы опустели. Поблизости не видно было ни коляски, ни повозки, и Скарлетт поняла, что ей придется проделать весь долгий путь до дома пешком.

Хотя она шла не останавливаясь, выпитый коньяк постепенно перестал ее согревать. Холодный ветер до дрожи пробирал ее, дождь иголками впивался в лицо. Тонкая накидка тети Питти быстро намокла и тяжелыми складками свисала с плеч, прилипая к телу. Скарлетт понимала, что бархатное платье окончательно испорчено, а петушиные перья, украшавшие ее шляпку, повисли и выглядят, наверно, не менее жалко, чем и на бывшем своем обладателе, когда он бродил по мокрому двору в Таре. Кирпичная кладка на тротуарах местами была разбита, а местами отсутствовала совсем. Здесь грязь достигала до щиколотки, и туфли Скарлетт увязали в ней, словно приклеиваясь, а то и вовсе соскакивали с ног. Всякий раз, когда она наклонялась, чтобы вытащить их, подол ее платья попадал в грязь. Она даже не старалась обойти лужи, а шагала прямо по ним, таща за собой тяжелые юбки. Лодыжкам ее было холодно от намокшей нижней юбки и панталон, но ей уже безразлично было то, что наряд, на который делалась такая ставка, испорчен. Она вся застыла, утратила последние крохи бодрости, отчаялась.

Как она вернется в Тару, как посмотрит им всем в лицо после своего бахвальства? Как скажет им, что надо убираться куда глаза глядят? Как расстанется со всем, что ей дорого, – с красными полями, высокими соснами, темными болотами в низинах, с тихим кладбищем, где под густой тенью кедров лежит Эллин?

Ненависть к Ретту жгла ей сердце, пока она с трудом продвигалась по скользкой дороге. Какой он мерзавец! Скарлетт очень надеялась, что его повесят и она никогда больше не встретится с этим свидетелем своего позора и унижения. Конечно же, он мог достать для нее денег, если бы захотел. Нет, его мало повесить! Слава богу, он не видит ее сейчас – мокрую, грязную, продрогнувшую, с распустившимися волосами. До чего же она, наверно, омерзительно выглядит и как бы он над ней посмеялся!

Негры, попадавшие ей по дороге, нахально скалили зубы и подтрунивали над ней, а она спешила мимо, спотыкаясь и скользя в грязи, временами останавливаясь, чтобы перевести дух и надеть соскочившие туфли. Да как они смеют подтрунивать над ней, Скарлетт О'Хара, владелицей Тары! Как они смеют скалить зубы, черные обезьяны! Она бы велела их всех пороть – пороть, пока кровь не выступит! Черт бы подрал этих янки – зачем они освободили черномазых, зачем дали им возможность насмеяться над белыми!

Она шла по улице Вашингтона, и все вокруг, казалось, было погружено в такое же уныние, как ее душа. Тут не было ни суеты, ни оживления, царивших на Персиковой улице. Когда-то здесь тоже стояло немало красивых домов, но лишь немногие из них были восстановлены. Куда чаще встречались обугленные фундаменты да одиноко торчали почерневшие трубы, которые называли теперь «часовыми Шермана». Дорожки, что вели когда-то к домам, заросли; лужайки затянуло бурьяном, тумбы с выбитыми на них такими знакомыми ей фамилиями, столбы, к которым никто уже никогда не привяжет лошадей! Холодный ветер и дождь, грязь и голые деревья, тишина и запустение. До чего же промокли у нее ноги и как далеко ей еще идти!

Она услышала за спиной хлопанье копыт по грязи и отступила подальше от края узкого тротуара, чтобы еще больше не забрызгать и так уже перепачканную накидку тетушки Питти-пэт. По дороге медленно двигался кабриолет, и Скарлетт повернулась посмотреть, кто едет, и попросить подвезти ее, если возница белый. Из-за дождя все расплывалось у нее перед глазами, тем не менее она увидела, что возница выглянул из-за брезента, спускавшегося со щитка

почти до самого его подбородка. Что-то в этом лице показалось ей знакомым, и она сошла на дорогу, чтобы получше его рассмотреть; человек смущенно кашлянул, и хорошо знакомый голос радостно и удивленно воскликнул:

– Да неужели это мисс Скарлетт!

– Ох, мистер Кеннеди! – вырвалось у нее, и, шлепая по грязи, она бросилась к кабриолету и прислонилась к грязному колесу, уже не заботясь о том, что может испачкать накидку. – Вот уж никому в жизни я так не радовалась!

Он вспыхнул от удовольствия, почувствовав, что она говорит вполне искренне, и, поспешно сплюнув табачную жвачку в сторону, легко спрыгнул на землю. Он растроганно потряс руку Скарлетт и, приподняв брезент, помог ей залезть в кабриолет.

– Мисс Скарлетт, да что вы тут делаете в этой части города и одна? Разве вы не знаете, что нынче ходить одной опасно? И промокли же вы! Возьмите-ка полость и накройте себе ноги.

Он сутился, квохча как курица, и она с наслаждением отдала себя в его заботливые руки. Так приятно, когда за тобой кто-то хлопочет, заботится, опекает, даже если это всего лишь старая дева в брюках вроде Фрэнка Кеннеди.

Это так грело душу после безжалостности Ретта. И до чего приятно увидеть человека из родных краев, когда ты так далеко от дома! Она заметила, что Фрэнк хорошо одет и кабриолет у него новый. Лошадь была явно молодая и упитанная, сам же Фрэнк выглядел старше своих лет, гораздо старше, чем тогда, в сочельник, когда он появился в Таре со своими людьми. Он похудел, лицо у него вытянулось, желтые глаза слезились и глубоко запали, а кожа сморщилась и обвисла. Его рыжеватая бородка стала еще реже; она была вся в табачном соке и такая всклокоченная, точно он непрерывно ее дергал. Но его оживленное и веселое лицо являло собой резкий контраст печальным, озабоченным, усталым лицам, которые Скарлетт видела вокруг.

– Как приятно видеть вас, – тепло сказал Фрэнк. – Я не знал, что вы в городе. Я видел мисс Питтипэт всего на прошлой неделе, и она не сказала мне, что вы собираетесь приехать. А... м-м... кто-нибудь еще приехал с вами из Тары?

Он думает о Сьюлин, старый дурак.

– Нет, – сказала Скарлетт, закутываясь в полость и стараясь натянуть ее по самую шею. – Я приехала одна. И я не предупреждала тетю Питти.

Он почмокал, понукая лошадь, и та осторожно зашагала дальше по скользкой дороге.

– Все в Таре живы-здоровы?

– О да, более или менее.

Надо придумать что-то, о чем говорить, но ей так трудно было сейчас вести беседу. Мозг у нее словно налился свинцом после поражения, и ей хотелось одного – лечь, накрыться теплым одеялом и сказать себе: «Сейчас не стану думать о Таре! Подумаю об этом потом, когда не будет так больно». Хорошо бы, он принялся ей что-нибудь рассказывать – что-нибудь такое длинное, чтобы хватило до самого дома, и тогда она могла бы ничего не говорить, а лишь время от времени вставлять: «ах, как мило» или «какой же вы умный».

– Мистер Кеннеди, я просто в себя не могу прийти – как это мы с вами встретились. Да, я, конечно, скверно веду себя, не поддерживая знакомства со старыми друзьями, но я, право же, не знала, что вы в Атланте. Кажется, кто-то говорил мне, что вы в Мариетте.

– Да, у меня дела в Мариетте, много дел, – сказал он. – Разве мисс Сьюлин не говорила вам, что я обосновался в Атланте? И не говорила про мою лавку?

Скарлетт смутно вспомнила, что Сьюлин действительно что-то чирикала насчет Фрэнка и его лавки, но она никогда не обращала внимания на то, что говорит Сьюлин. Ей достаточно было знать, что Фрэнк жив и рано или поздно удастся сбыть ему Сьюлин с рук.

– Нет, ни слова, – солгала она. – А у вас есть лавка? Какой же вы, оказывается, шустрый!

Его явно огорчило, что Сьюлин не обнародовала такую весть, но он тотчас просиял от похвалы Скарлетт.

– Да, у меня есть лавка и, по-моему, совсем неплохая. Люди говорят, что я прирожденный коммерсант. – И он с довольным видом рассмеялся своим квохчущим смехом; Скарлетт всегда раздражал этот смех.

«Самовлюбленный старый болван», – подумала она.

– О, мистер Кеннеди, к чему бы вы ни приложили руку, всюду вас ждет успех. Но как, скажите на милость, вам вообще удалось открыть лавку? Ведь когда мы с вами виделись на позапрошлом Рождество, вы говорили, что у вас нет ни цента.

Он крикнул, прочищая горло, провел всей пятерней по бакенбардам и улыбнулся своей нервной застенчивой улыбкой.

– Это долгая история, мисс Скарлетт.

«Слава богу! – подумала она. – Хоть бы хватило ее до дома». Вслух же произнесла:

– Расскажите, пожалуйста!

– Вы помните, как мы в последний раз явились в Тару за провиантом? Так вот, вскоре после этого я отбыл на фронт. Я хочу сказать: принял боевое крещение. Я больше не занимался интендантством. Да интенданты уже и не были нужны, мисс Скарлетт, потому как для армии почти ничего не удавалось раздобыть, и я решил, что место здорового мужчины – в рядах сражающихся. Ну вот я и повоевал в кавалерии, пока не получил пулю в плечо.

Вид у него был такой гордый, что Скарлетт сказала:

– Какой ужас!

– Да нет, ничего страшного – кость не была задета, – с явным огорчением сказал он. – Меня отослали на юг, в госпиталь, а когда я уже почти совсем поправился, нагрянули янки. Ох и жарко же было! Произошло это так неожиданно, и все, кто мог ходить, кинулись перетаскивать продукты из армейских складов и госпитальное оборудование к железнодорожным путям, чтобы эвакуировать. Только мы нагрузили один поезд, как янки ворвались в город. Они ворвались с одного конца, а мы улепетываем с другого. Ох и печальное же это было зрелище: сидим на крышах вагонов и смотрим, как янки жгут продукты, которые мы не успели со склада забрать. Товара всякого, мисс Скарлетт, было навалено вдоль железнодорожных путей на добрых полмили – так они все сожгли. Мы и сами-то едва ноги унесли.

– Какой ужас!

– Вот именно ужас. Потом наши солдаты снова вошли в Атланту, и наш поезд тоже вернулся сюда. Ну и война, мисс Скарлетт, скоро окончилась... Повсюду было столько посуды, и кроватей, и матрасов, и одеял, и все это – ничье. Думается мне, по праву все это принадлежало янки, потому что таковы условия капитуляции, верно?

– Угу, – рассеянно пробормотала Скарлетт. Она стала согреваться, и от тепла ее начало клонить в сон.

– Я до сих пор сам не знаю, правильно ли я поступил, – продолжал он не очень уверенно. – Но мне Тогда казалось, что все эти вещи янки вовсе ни к чему. Скорее всего они бы их сожгли. А ведь наши заплатили за них полновесной монетой, и я решил, что все это должно принадлежать Конфедерации и конфедератам. Понимаете, как я мыслил?

– Угу.

– Я рад, что вы соглашаетесь со мной, мисс Скарлетт. А то это лежит у меня на совести. Многие говорили мне: «Да забудь ты об этом, Фрэнк», но я не могу. Я не мог бы смотреть людям в глаза, если б думал, что поступил не так. А по-вашему, я правильно поступил?

– Конечно, – сказала она, не очень понимая, о чем болтает этот старый болван. Что-то насчет своей совести. Когда человеку столько лет, как Фрэнку Кеннеди, пора бы уж научиться не задумываться над тем, что не имеет значения. Но он всегда был какой-то нервный, вечно трепыхался из-за чего-нибудь, точно старая дева.

– Я рад, что вы так говорите. После поражения у меня было около десяти долларов серебром, и больше ничегошеньки. А вам известно, что янки сделали в Джонсборо с моим домом

и магазином. Я просто не знал, как быть. И вот на эти десять долларов я настелил крышу над старой лавкой у Пяти Углов, перетащил туда госпитальное оборудование и стал его продавать. Всем нужны были кровати, и посуда, и матрасы, а продавал я дешево, потому как считал, что это не моя собственность. Но все же кое-какие деньги я на этом выручил и тогда привез еще товаров, и лавка моя теперь процветает. Думаю, сумею выжать из нее немало денег, если дело и дальше так пойдет.

При слове «деньги» у Скарлетт сразу прояснилось в голове и все ее внимание сосредоточилось на собеседнике.

– Вы говорите, нажили денег?

Он так и расцвел, увидев ее интерес. Если не считать Сьюлин, женщины обращали на него ровно столько внимания, сколько требует вежливость, и ему льстило то, что такая красавица, как Скарлетт, с интересом слушает его.

Он попридержал лошадь, чтобы успеть до дома побольше рассказать о себе.

– Я не миллионер, мисс Скарлетт, и по сравнению с теми деньгами, какие у меня были раньше, то, чем я владею сейчас, – суший пустяк. Но в этом году я все-таки заработал тысячу долларов. Пятьсот долларов, само собой, пошли на оплату товаров, на ремонт лавки и в счет аренды. Но пятьсот у меня осталось чистыми, а поскольку оборот увеличивается, в будущем году я должен заработать тысячи две. Я, конечно, найду им применение, потому как, видите ли, у меня на примете есть еще одно дельце.

Разговор о деньгах вызвал у Скарлетт живейший интерес.

Она прикрыла глаза густыми, прямыми, как стрелы, ресницами и придвинулась поближе к нему.

– А что это за дельце, мистер Кеннеди?

Он рассмеялся и хлестнул лошадь вожжами по спине.

– Боюсь, я утомляю вас своими разговорами про дела, мисс Скарлетт. К чему такой хорошей женщине, как вы, интересоваться делами!

Старый дурак!

– О, я знаю, в делах я полная невежда, не это так интересно! Пожалуйста, расскажите мне все подробнее, а чего я не пойму, вы объясните.

– Ну так вот, второе дельце, которое у меня на примете, – это лесопилка.

– Что?

– Лесопилка, где пилят лес и делают доски. Я ее еще не купил, но подумываю. Тут, за городом, на Персиковой дороге, есть человек по имени Джонсон – он владеет такой лесопилкой и хочет ее продать. Ему нужны деньги – и немедленно, поэтому он готов продать ее мне и поработать на меня за недельную плату. В этих краях осталось всего несколько лесопилок, мисс Скарлетт. Янки почти все уничтожили. А владеть лесопилкой – все равно что найти золотую жилу, потому что за доски можно запросить любые деньги. Ведь янки сожгли здесь столько домов, людям просто жить сейчас негде, поэтому все как сумасшедшие и кинулись строить. А леса не хватает, и быстро получить его – неоткуда. Народ же в Атланту так и стекается со всех сторон: и из сельских мест – кто не в силах обработать землю без черномазых, и янки, и «саквояжники» – эти ринулись сюда как стервятники, чтобы побольше пообглодать наши кости. Помните мои слова: Атланта скоро станет большим городом и для домов потребуются строительный материал. Поэтому я и хочу купить эту лесопилку, как только... как только выколочу деньги из своих должников. На будущий год в это время мне уже, наверное, легче будет дышаться: я не буду так стеснен в деньгах. Я... я думаю, вы понимаете, почему я хочу побыстрее нажить побольше денег, да?

Он покраснел и снова крикнул. «Он думает о Сьюлин», – в сердцах сказала себе Скарлетт.

На секунду у нее мелькнула мысль попросить у него в долг триста долларов, но она устало отбросила ее. Он смутится, начнет заикаться, будет придумывать разные отговорки, но ничего

не даст. Он своим горбом заработал их, чтобы весной жениться на Сьюлин, и если сейчас с ними расстанется, то свадьбу придется отложить на неопределенное время. Даже если бы ей удалось пробудить в нем сочувствие, воззвать к его долгу по отношению к будущей родне и добиться обещания дать ей взаймы, она знала, что Сьюлин никогда этого не допустит. Сьюлин так боится остаться старой девой, что перевернет небо и землю, лишь бы выйти замуж.

Интересно, что этот старый болван нашел в ее вечно хнычущей, вечно недовольной сестрице, чтобы загореться таким желанием свить ей теплое гнездышко? Сьюлин не заслуживает любящего мужа и доходов с лавки и лесопилки. Стоит денежкам завестись у нее, как она примет неприступный вид и ни единого цента не даст на Тару. Нет, кто угодно, но не Сьюлин! Ей бы только выбраться оттуда, а пойдет ли Тара с молотка за неуплату налогов или сгорит дотла – ей все равно, лишь бы у нее были красивые платья да перед именем стояло «миссис».

Раздумывая о том, какое обеспеченное будущее ждет Сьюлин и какое зыбкое будущее ждет ее и Тару, Скарлетт почувствовала жгучую злость на несправедливость жизни. Она поспешно отвернулась и стала смотреть на грязную улицу, чтобы Фрэнк не заметил выражения ее лица. Она все теряет, все, в то время как Сью... И Скарлетт вдруг приняла решение.

Не получит Сьюлин Фрэнка – ни его лавку, ни лесопилку!

Сьюлин этого не заслуживает. Все это будет у нее, у Скарлетт. Она подумала о Таре и вспомнила, как Джонас Уилкерсон, точно гремучая змея, возник у парадного крыльца, и решила ухватиться за последнюю соломинку, появившуюся над затонувшим кораблем ее жизни. Ретт обманул ее ожидания, но Господь послал ей вместо него Фрэнка.

«Вот только сумею ли я его заполучить? – Она сжала руки, невидящими глазами уставясь на завесу дождя. – Сумею ли заставить его забыть Сью и достаточно быстро сделать мне предложение? Но раз уж я Ретта почти заставила сделать мне предложение, значит, можно не сомневаться: я заполучу Фрэнка!» И она окинула его взглядом из-под припущенных ресниц. «Он, конечно, не красавец, – хладнокровно рассуждала она про себя, – и у него очень плохие зубы, и изо рта скверно пахнет, и он такой старый, что годится мне в отцы. К тому же он нервный, застенчивый и добропорядочный, а уж паршивее качеств для мужчины не придумаешь. Но по крайней мере, он джентльмен, и мне, пожалуй, было бы легче жить с ним, чем с Реттом. Конечно же, мне легче будет им управлять. Так или иначе, нищие не выбирают».

То, что Фрэнк – жених Сьюлин, не вызвало у Скарлетт ни малейшего укора совести. После того как она, перешагнув через все моральные принципы, отправилась в Атланту и к Ретту, присвоение суженого сестры казалось сущей ерундой – над этим нечего было даже и раздумывать.

Сейчас в ней снова загорелась надежда, и она вся напряглась, забыв даже про свои мокрые и холодные ноги. Прищурясь, она так пристально посмотрела на Фрэнка, что ему стало не по себе. Она заметила это и быстро опустила взгляд – ей вспомнились слова Ретта: «Такие глаза, как у вас, я видел на дуэли, у своего противника... Они не зажигают восторга в сердце мужчины».

– Что с вами, мисс Скарлетт? Вы продрогли?

– Да, – с беспомощным видом призналась она. – Вы не станете возражать... – сказала она робко и замялась. – Вы не станете возражать, если я суну руку в карман вашего пальто? Так холодно, а муфта у меня насквозь промокла.

– Что вы, что вы, конечно, нет! Да у вас же нет перчаток! Ох, ну какая же я скотина – болтаю тут без умолку, а вы ведь, наверное, замерзли и только и думаете, как бы поскорее добраться до огня. Пошевеливайся, Салли! Кстати, мисс Скарлетт, я так разболтался о себе, что даже не спросил, что вы-то делаете в этой части города в такую погоду?

– Я была в штабе у янки, – ответила она, не подумав.

Брови его полезли вверх от возмущения.

– Но, мисс Скарлетт! Ведь солдаты... Зачем же вы...

«О Матерь Божья, помоги мне поудачнее соврать», – взмолилась она про себя. Нельзя, чтобы Фрэнк заподозрил, что она ездила на свидание к Ретту. Фрэнк считал Ретта мерзавцем из мерзавцев, человеком, с которым порядочной женщине даже говорить опасно.

– Я пошла туда... пошла туда, чтобы выяснить... не купит ли кто-нибудь из офицеров мое рукоделие для подарка домой – своей жене. Я ведь очень неплохо вышиваю.

Не веря ушам своим, пораженный и возмущенный, он выпрямился на сиденье.

– Вы ходили к янки... Но, мисс Скарлетт! Вы не должны были этого делать. Зачем... зачем... Уж конечно, ваш батюшка понятия об этом не имеет. И уж конечно, мисс Питтипэт...

– Ох, я умру, если вы расскажете об этом тете Питтипэт! – воскликнула она, охваченная подлинной тревогой, и разрыдалась. Ей ничего не стоило заплакать, потому что она продрогла и чувствовала себя такой несчастной, но это произвело на Фрэнка поистине ошеломляющее впечатление. Если бы она вдруг принялась при нем раздеваться, он едва ли был бы более смущен и растерян. Он несколько раз причмокнул языком, пробормотал: «Ох, надо же!». – и беспомощно замахал на нее рукой. Ему пришла было в голову безумная мысль, что надо обнять ее, привлечь к своей груди, приласкать. Но он никогда еще не вел себя так ни с одной женщиной и понятия не имел, как к этому подступиться. Надо же, Скарлетт О'Хара, такая всегда веселая и прелестная, – и вдруг плачет у него в кабриолете. Скарлетт О'Хара, гордячка из гордячек, пришла к янки торговать своим рукоделием! Все внутри у него клокотало от возмущения.

А она продолжала рыдать, время он времени бормоча что-то, и наконец он понял, что в Таре не все благополучно. Мистер О'Хара по-прежнему «не в себе», и еды у них не хватает на такую ораву. Вот она и приехала в Атланту, чтобы попытаться раздобыть немного денег для себя и своего мальчика. Фрэнк снова пощелкал языком и вдруг обнаружил, что голова Скарлетт лежит на его плече. Он не мог понять, как это случилось. Ведь не он же положил ее голову к себе на плечо, однако голова ее так или иначе лежала у него на плече, и Скарлетт беспомощно всхлипывала уткнувшись лицом в его тощую грудь, вызывая у него дотоле неведомые и весьма волнующие чувства. Он робко погладил ее по плечу – сначала осторожно, потом, убедившись, что она не отстраняется, осмелел и уже начал гладить более уверенно. До чего же она беспомощна, эта милая маленькая женщина. И какой надо быть мужественной и наивной, чтобы пытаться заработать деньги иголкой. Но вести дела с янки – это уж слишком.

– Я ничего не скажу мисс Питтипэт, но вы должны обещать мне, мисс Скарлетт, что никогда больше не станете ничего такого делать. Да одна мысль, что дочь вашего отца...

Ее влажные зеленые глаза беспомощно смотрели на него.

– Но, мистер Кеннеди, я должна же что-то предпринять. Я должна думать о своем мальчике – ведь теперь некому о нас заботиться.

– Вы мужественная маленькая женщина, – заявил он, – но я не позволю вам заниматься такими вещами. Да ваша семья умрет со стыда.

– Но что же мне делать? – Полные слез глаза посмотрели на него с таким выражением, точно Скарлетт была уверена, что он все может, и она только ждет его слова.

– Ну, я пока не знаю. Но что-нибудь придумаю.

– О, я уверена, что придумаете! Вы ведь такой умный... Фрэнк.

Она никогда прежде не называла его по имени, и сейчас это приятно удивило и поразило его. Бедняжка, должно быть, до того расстроена, что даже не заметила, как у нее это сорвалось с языка. Ему хотелось проявить к ней доброту, защитить, уберечь от всего. Если он способен чем-то помочь сестре Сьюлин, он это, конечно, сделает. Он вытащил из кармана ситцевый платок в красный горошек и протянул Скарлетт. Она вытерла глаза и трепетно улыбнулась.

– Я такая глупая гусыня, – смиренно сказала она. – Простите меня, пожалуйста.

– Вовсе вы не глупая гусыня. Вы очень мужественная маленькая женщина, которая пытается взвалить на себя чересчур тяжелую ношу. Боюсь, мисс Питтипэт не будет вам хорошей подмогой. Да и мистер Генри Гамильтон тоже в весьма плачевном состоянии. Жаль, что у меня

нет дома и я не могу предложить вам кров. Но, мисс Скарлетт, запомните одно: когда мы с мисс Сьюлин поженимся, для вас всегда найдется место под нашей крышей – и для вас, и для Уэйда Хэмптона.

Вот он, нужный момент! Уж конечно же, святые и ангелы наблюдали за ней с небес, чтобы послать ей такую возможность. Она изобразила крайний испуг и смущение, открыла было рот, намереваясь что-то сказать, и снова закрыла.

– Не хотите же вы сказать, что не знали о моем намерении стать вашим шурином будущей весной, – заметил он с нервным смешком и, увидев, что глаза ее снова наполняются слезами, в панике спросил: – В чем дело? Мисс Сью, надеюсь, не больна?

– Ох, нет! Нет!

– Но что-то не в порядке. Вы должны сказать мне.

– Ох, не могу! Я не знала! Я была уверена, что она написала вам... Ох, как это нехорошо!

– Мисс Скарлетт, в чем все-таки дело?

– Ох, Фрэнк, я вовсе не собиралась говорить об этом, я думала, что вы, конечно же, знаете... что она написала вам.

– Написала – о чем? – Он задрожал.

– Ах, как же можно так поступать с хорошим человеком!

– Да что она натворила?

– И она ничего не написала вам? Ах, наверное, ей было слишком стыдно. Не может не быть стыдно! Ах, надо же иметь такую гадкую сестру!

Теперь уже Фрэнк был не в состоянии выдать из себя ни слова. Он сидел и только смотрел на нее, весь посерев, безвольно опустив вожжи.

– В будущем месяце она выходит замуж за Тони Фонтейна. Ах, мне так неприятно, Фрэнк. Так неприятно сообщать вам об этом. Должно быть, она устала ждать и боялась, что останется старой девой.

Мамушка стояла на крыльце, когда Скарлетт подъехала и Фрэнк помог ей выйти из кабриолета. Мамушка, как видно, уже давно стояла тут, ибо платок у нее на голове намок, а старая шаль, в которую она куталась, была вся в пятнах от дождя. Ее морщинистое черное лицо могло вполне сойти за маску гнева и дурного предчувствия, нижняя губа оттопырилась – такой Скарлетт еще ее не видела. Мамушка метнула взгляд на Фрэнка, и выражение ее лица, когда она увидела, кто это, сразу стало другим – удовольствие сменилось удивлением, затем появилось и что-то похожее на чувство вины. С радостными восклицаниями она вперевалку заспешила к Фрэнку, заулыбалась и присела в реверансе, когда он протянул ей руку.

– До чего же приятно видеть старых знакомцев-то, – сказала она. – И как же вы поживаете, мистер Фрэнк? Батюшки, до чего вы распрекрасно выглядите – настоящий аристократ! Да знай я, что мисс Скарлетт с вами, я бы в жизни не беспокоилась. Я бы уж знала, что она в надежных руках. А то вот пришла домой и вижу – нет ее, и заметалась, что твой цыпленок с отрубленной головой, – думаю, как же это она расхаживает по городу одна, а тут на улицах полно этих нахальных черномазых, которых на волю-то отпустили. И почему это вы, моя ласточка, не сказали мне, что собрались куда-то? Вы же совсем больная!

Скарлетт лукаво подмигнула Фрэнку, и он, хоть и был очень расстроен услышанной вестью, все же улыбнулся, понимая, что она призывает его к молчанию и тем самым как бы делает соучастником приятного заговора.

– Ты лучше, Мамушка, отправляйся наверх да приготовь мне сухое платье, – сказала она. – И горячего чаю.

– Господи Иисусе, платье-то новое совсем сгубили, – запричитала Мамушка. – Когда я теперь поспею высушить-то его да вычистить – ведь вам же вечером его на свадьбу надевать.

И с этими словами она ушла в дом, а Скарлетт шепнула Фрэнку на ухо:

– Приходите вечером ужинать. А то нам здесь так одиноко. Потом вместе поедem на свадьбу. Будете нас сопровождать! Ну, пожалуйста! Но только ничего не говорите тете Питти про... про Сьюлин. Она ужасно расстроится, а мне не хотелось бы, чтоб она знала, что моя родная сестра...

– Нет, нет, я не скажу! Не скажу! – поспешно произнес Фрэнк, содрогаясь при одной мысли о возможности подобного разговора.

– Вы были так милы со мной сегодня, столько, сделали мне добра... Я прямо ожила. – Она сжала ему руку на прощание и обратила на него весь огонь своих глаз.

Мамушка, ожидавшая Скарлетт за дверью, с непроницаемым видом посмотрела на нее и, пыхтя, стала подниматься следом по лестнице. В спальне она помогла Скарлетт снять намокшее платье, развесила вещи по стульям, уложила свою барышню в постель и за все это время не проронила ни звука. Лишь принеся чашку горячего чаю и горячий кирпич, завернутый во фланель, она поглядела на лежавшую Скарлетт и сказала извиняющимся тоном, какого та прежде никогда у нее не слыхала:

– Овечка моя, как же это вы не сказали родной вашей Мамушке, что вы затеяли? Тогда зачем было везти меня в эту Тланту, в такую-то даль? Слишком я старая и слишком толстая для таких поездок.

– Ничего не понимаю – о чем ты?

– Ласточка моя, меня ведь не проведешь. Я же вас знаю. Я сейчас видела лицо мистера Фрэнка и видела ваше личико, а по вашему-то личику я читаю, как пастор по Библии. Да и слышала я, что вы там шептали ему про мисс Сьюлин. Знай я, что вы решили гоняться за мистером Фрэнком, в жизни б сюда не поехала, а сидела б себе дома, где мне и место.

– А за кем же, по-твоему, я собиралась гоняться? – спросила напрямик Скарлетт, сворачиваясь калачиком под одеялом и понимая, что нечего и пытаться сбить Мамушку со следа.

– Не знаю я, деточка, да только не понравилось мне, какое у вас было личико вчера. Потом я вспомнила, что мисс Питтипэт писала мисс Мелли, будто у этого жулика Батлера много денег, а уж чего я услышу, того не забываю. А вот мистер Фрэнк – он жентмун, хоть, конечно, и не красавец.

Скарлетт испытующе посмотрела на нее, и Мамушка ответила ей спокойным всезнающим взглядом.

– Ну и что ты теперь станешь делать? Разболтаешь все Сьюлин?

– Помогу вам понравиться мистеру Фрэнку – всем, чем сумею, помогу, – сказала Мамушка, подтыкая одеяло под плечи Скарлетт.

Некоторое время Скарлетт спокойно лежала, наблюдая за Мамушкой, хлопотавшей вокруг нее, и чувствуя несказанное облегчение: как хорошо, когда не нужно лишних слов. Никто не требует от тебя объяснений, никто не осыпает упреками. Мамушка все поняла и молчала. Скарлетт обнаружила, что Мамушка еще более трезво смотрит на вещи, чем она сама. Когда опасность грозила любимице, мудрые старые глаза с крапинками отчетливо видели все, проникая в самую суть вещей, как глаза дикаря или ребенка, не затуманенные слишком развитым сознанием. Скарлетт была Мамушкиным дитем, и раз дите чего-то хочет – даже если это что-то принадлежит другому, – Мамушка охотно поможет ей это добыть. А о том, что Сьюлин и Фрэнк Кеннеди вправе иметь свои желания, – это ей и в голову не приходило, разве что вызывало скрытую усмешку. Скарлетт попала в беду и сделала все возможное, чтобы из нее выбраться, да к тому же Скарлетт – любимица мисс Эллин. И Мамушка без колебаний стала на ее сторону.

Скарлетт чувствовала эту молчаливую поддержку, и по мере того как тепло от горячего кирпича согревало ее, в ней разгоралась надежда, затеплившаяся еще по дороге домой, когда она дрожала от холода. Сердце застучало сильнее, кровь быстрее побежала по жилам. Силы возвращались к ней, а вместе с ними и такое безудержное возбуждение, что ей захотелось

громко, весело расхохотаться. «Нет, со мной еще не все кончено», – ликуя, подумала она. А вслух сказала:

– Дай-ка мне зеркальце, Мамушка.

– Не открывайте плечики-то – держите их под одеялом, – приказала Мамушка, передавая ей ручное зеркальце, и толстые губы ее расплылись в улыбке;

Скарлетт посмотрела в зеркало.

– До чего же я белая – как мертвец, и волосы лохматые – точно хвост у лошади.

– Да уж, вид у вас не слишком хорош.

– М-м... Сильный идет дождь?

– А то нет? Льет как из ведра.

– Что ж, ничего не поделаешь: все равно придется тебе сходить для меня в город.

– Ну уж нет, в такой дождь не пойду.

– Нет, пойдешь, иначе я пойду сама.

– Да что это вам приспичило – подождать нельзя? Вы нынче прямо как ума решились.

– Мне нужен, – заявила Скарлетт, внимательно глядя на себя в зеркало, – флакон одеколона. Ты вымоешь мне голову и ополоснешь одеколоном. И еще купи мне банку желе из айвового семени, чтоб волосы гладко лежали.

– И не подумай я мыть вам голову в такую погоду, и не разрешу одеколонить ее, точно вы какая гулящая. Не бывать тому, пока я дышу.

– А я вымою голову и волосы надушу. Возьми мой кошелек, достань оттуда пятидолларовый золотой и отправляйся в город. И – м-м – кстати. Мамушка, рано уж ты идешь в город, купи там мне... баночку ружа.

– Чего, чего? – подозрительно спросила Мамушка. Скарлетт сурово посмотрела на нее, хотя на самом деле ничего подобного не чувствовала. Никогда ведь не знаешь, насколько можно помыкать Мамушкой – вдруг взбунтуется?

– Не твое дело. Спроси – и все.

– Не стану я покупать такое, чего не знаю.

– Ну, раз уж ты такая любопытная – это краска! Краска для лица. Да не стой ты тут и не раздувайся как жаба. Иди, иди.

– Краска! – еле вымолвила Мамушка. – Краска для лица! Вот что: не такая уж вы взрослая, чтоб я не могла вас выпороть! В жизни не видала такого позора! Да вы и вправду ума решились! Мисс Эллин небось в гробу переворачивается! Чтоб красить себе лицо, точно какая-нибудь...

– Ты прекрасно знаешь, что бабушка Робийяр красилась и...

– Да, мэм, и носила одну-единственную нижнюю юбку, и водой ее мочила, чтоб она к телу липла и все ноги видны были, только это еще не значит, что и вам можно так делать! Те времена, когда Старая Хозяйка молодой была, – срамные это были времена, а теперь времена другие, это уж точно, и...

– Ради всего святого, немедленно отправляйся назад в Тару! – прикрикнула на нее Скарлетт, теряя терпение и выскакивая из-под одеяла.

– Не можете вы отослать меня в Тару, и никуда я не поеду, пока сама не захочу. Я теперь свободная, – возбужденно заговорила Мамушка. – И буду здесь – с места меня не сдвинете. Залезайте-ка назад в постель. Вам что, воспаления легких захотелось? Извольте-ка положить на место корсет! Положите, моя ласточка. Мисс Скарлетт, нельзя вам никуда в такую погоду. Господи Иисусе! До чего же вы на батюшку-то своего похожи! Сейчас же залезайте назад в постель... А краску я покупать все равно не стану! Да я со стыда умру, как люди узнают, что это для моей деточки! Мисс Скарлетт, вы такая миленькая и такая хорошенькая, не нужна вам никакая краска. Ласточка моя, ведь это только дурные женщины употребляют такое.

– Ну и получают что им надо, так ведь?

– О господи, вы только послушайте ее! Овечка моя, да не говорите вы таких дурные вещей! И положите эти мокрые чулки назад, моя ласточка. Не могу я допустить, чтоб вы покупали такую мерзость. Мисс Эллин мне покоя не даст. Залезайте назад в постельку. Так и быть, я уж схожу. Может, найду какую лавочку, где нас не знают.

Вечером у миссис Элсинг, после того как Фэнни обвенчали, Скарлетт стояла и в радостном возбуждении озиралась вокруг, прислушиваясь к тому, как старик Леви вместе с другими музыкантами настраивают инструменты. До чего же хорошо снова очутиться на балу! Приятно было и то, как тепло ее здесь приняли. Когда она вошла в дом вместе с Фрэнком, все кинулись к ней, восторженно ее приветствовали, целовали, пожимали руку, говорили, что им не хватало ее и они больше не отпустят ее в Тару. Молодые люди галантно забыли, как она в свое время изо всех сил старалась разбить им сердце, а девушки – как она из кожи лезла вон, чтобы отбить у них ухажеров. Даже миссис Мерриуэзер, миссис Уайтинг, миссис Мид и прочие матроны, которые были так холодны к ней в последние дни войны, забыли про ее взбалмошность и свое неодобрение и сейчас помнили лишь о том, что и она пострадала вместе со всеми, когда Юг потерпел поражение, а кроме того, что она – племянница Питти и вдова Чарльза. Они тепло расцеловались с ней, со слезами на глазах помянули ее покойную матушку и долго расспрашивали об отце и сестрах. Все спрашивали про Мелани и про Эшли – почему же они-то не приехали с ней в Атланту?

Несмотря на радость от такого приема, Скарлетт было немного не по себе, хоть она и старалась это скрыть; а не по себе ей было от того, в каком виде находилось ее бархатное платье. Оно было все еще влажным до колеи и грязным у подола, несмотря на отчаянные усилия Мамушки и кухарки, которые и над паром-то его держали, и щеткой для волос чистили, и отчаянно махали им перед огнем. Скарлетт боялась, что кто-нибудь заметит, в каком оно жалком состоянии, и поймет, что это ее единственное приличное платье. Немного успокаивало ее то, что многие другие гости одеты были куда хуже. Платья на них были такие старые, хотя и тщательно заплатанные и наглаженные. На ней же платье было новое, без заплат – ну, чуточку влажное, подумаешь, – собственно, единственное новое платье на балу, если не считать белого атласного подвенечного платья Фэнни.

Вспомнив, что говорила тетя Питти о финансовом положении Элсингов, Скарлетт подивилась, откуда они сумели взять денег на такое платье, на все эти напитки и украшения, да еще и на музыкантов. Должно быть, влетело им это в копеечку. Наверно, заняли, а может, клан Элсингов сложился, чтобы устроить Фэнни роскошную свадьбу. Такая свадьба в тяжелые времена выглядела не меньшим расточительством, чем надгробия молодым Тарлтонам, и Скарлетт показалось это столь же странным и раздражающим, как и тогда, когда она стояла на кладбище у могил своих бывших ухажеров. Дни, когда можно было, не считая, швыряться деньгами, отошли в прошлое. Почему же эти люди продолжают поступать как в былое время, хотя былые времена прошли?

Она постаралась выкинуть из головы эти раздражавшие ее мысли. В конце концов, не ее это деньги и нечего портить себе удовольствие от вечера и кипятиться из-за человеческой глупости.

Оказалось, что она хорошо знает жениха – Томми Уэлберна из Спарты, которого она выхаживала в 1863 году, когда его ранило в плечо. В то время это был красивый молодой парень шести фунтов росту, променявший медицинский колледж на кавалерию. Сейчас же он казался маленьким старичком – так согнула его полученная в бедро рана. Передвигался он с большим трудом и «враскорячку», что, по мнению тети Питти, выглядело непристойно. Но внешний вид, казалось, не волновал его, или, вернее, он над этим не задумывался и держался как человек, который ни у кого не просит снисхождения. Он окончательно забросил медицину и стал подрядчиком – нанял ирландцев и строил новый отель. Скарлетт подивилась про себя,

как это он в его состоянии управляется со столь тяжелыми обязанностями, но расспрашивать не стала – лишь криво усмехнулась и подумала, что нужда и не такое заставит делать.

Томми, Хью Элсинг и маленький, похожий на мартышку Рене Пикар болтали с ней, пока столы и стулья отодвигали к стенам, освобождая место для танцев. Хью совсем не изменился с тех пор, как Скарлетт в последний раз видела его в 1862 году. Он был все такой же худющий и нервный, клок светло-каштановых волос все так же свисал на лоб, и все такие же тонкие, ничемные были у него руки. А вот Рене со времени своей скоропалительной женитьбы на Мейбелл Мерриуэзер заметно изменился. Хотя в его черных глазах по-прежнему поблескивали огоньки галльского юмора, и по-прежнему была в нем чисто креольская любовь к жизни, и он все так же залиvisto смеялся, в его лице появилось что-то жесткое, чего не было в первые дни войны. Исчезла и надменная элегантность, отличавшая его в ту пору, когда он расхаживал в своей сногшибательной форме зуава.

– Щечки – как роза, глазки – как изумруд! – произнес он, целуя руку Скарлетт и воздавая должное наложенным ею румянам. – Все такой же прелесть, как тогда, на благотворительный базар. Помните? В жизни не забуду, как вы бросил обручальное кольцо в мою корзинку. Очень, очень мужественно! Никак бы не подумал, что вы так долго будете без нового кольца!

Глаза его сверкнули ехидством, и он ткнул Хью локтем под ребро.

– А я никак бы не подумала, что вы будете разъезжать в фургоне с пирогами, – сказала она.

Но вместо того чтобы устыдиться столь унижительного занятия о котором было сказано во всеуслышание, Рене расхохотался с довольным видом и хлопнул Хью по спине.

– Туше!⁴ – воскликнул он. – Это мой теща, мадам Мерриуэзер, заставлять меня делать мой первый работа в жизни. Я, Рене Пикар, только растить скаковых лошадей да на скрипочка играть, а вот теперь править фургон с пироги, и очень мне это нравится! Мадам теща – она что угодно делать заставит. Надо ей генерал быть, и мы бы выиграл война, а, Томми?

«Ну и ну, – подумала Скарлетт, – он с удовольствием разъезжает в фургоне с пирогами, хотя у его родных было поместье – добрых десять миль земли вдоль Миссисипи – и еще больший дом в Новом Орлеане».

– Если бы наши тещи пошли с нами на войну, мы бы за неделю расправились с янки, – в тон Рене сказал Томми и посмотрел на стройную прямую фигуру своей новообретенной тещи. – Мы и продержались-то так долго только потому, что за нами стояли наши женщины и не хотели сдаваться.

– И *никогда* не сдадутся, – добавил Хью, и на губах его появилась гордая, хотя и чуть ироническая улыбка. – Вы здесь не найдете ни одной леди, которая бы сдалась, хотя мужская половина рода и повела себя иначе у Аппоматокса. Они все это пережили куда острее, чем любой из нас. Мы-то ведь познали поражение, сражаясь.

– А они – ненавидя, – закончил за него Томми. – Верно, Скарлетт? Если мужчины оказались не на высоте, это куда больше волнует дам, чем нас. Хью собирался быть судьей, Рене собирался играть на скрипке перед коронованными особами, а... – и он пригнулся, спасаясь от удара Рене, – а я собирался стать врачом, теперь же...

– Дайте срок, – воскликнул Рене. – Вот увидите – я становится король пирожков на Юг! А славный мой Хью – король плиты, а ты, мой Томми, ты будешь иметь ирландский рабы вместо твои черный рабы. Вот какой перемена – весело! А что вы поделяваете, мисс Скарлетт? А мисс Мелли? Корова доите, хлопок собирайте?

– Вот уж нет, – холодно отрезала Скарлетт, решительно не понимая, как это Рене может столь беспечно относиться к тяготам жизни. – Этим занимаются у нас негры.

⁴ Термин во французской борьбе, означающий «положить на лопатки».

– Мисс Мелли назвал свой мальчик Борегар⁵. Скажет ей, я, Рене, одобряет, и скажет: только Иисус – имя лучше. – Он улыбнулся, но глаза его сверкнули гордостью, когда он произнес имя смельчака – героя Луизианы⁶.

– Но есть еще Роберт Эдвард Ли, – заметил Томми. – Хотя я вовсе не собираюсь принижать репутацию старины Борегара, я своего первого сына назову Боб Ли Уилбери.

Рене расхохотался и пожал плечами.

– Я расскажу тебе одна история. Только это чистая правда. И ты сейчас увидит, что креолы думать о наш храбрый Борегар и ваш генерал Ли. В поезде под Новый Орлеан едет человек из Виргиния – солдат генерал Ли, и он встречает креол из войск Борегар. И этот человек из Виргиния – он говорит, говорит, говорит, как генерал Ли делать то и генерал Ли сказать это. А креол – он вежливый, он слушать и морщить лоб, точно хочет вспоминать, а потом улыбаться и говорит: «Генерал Ли?! А, oui!⁷ Вспомнил! Генерал Ли! Это тот человек, про который генерал Борегар очень хорошо говорит!»

Скарлетт из вежливости посмеялась, хотя ничего в этой истории не поняла – разве лишь то, что креолы, оказывается, такие же воображалы, как обитатели Чарльстона и Саванны. А кроме того, она всегда считала, что сына Эшли следовало назвать по отцу.

Музыканты, попиливав, чтобы настроить инструменты, заиграли «Старик Дэн Таккер», и Томми повернулся к ней.

– Будете танцевать, Скарлетт? Я в партнеры вам, конечно, не гожусь, но Хью или Рене...

– Нет, спасибо, я все еще в трауре по маме, – поспешно сказала Скарлетт. – Я посижу.

Она отыскала глазами Фрэнка Кеннеди, разговаривавшего с миссис Элсинг, и поманила его.

– Я посижу в нише вон там, а вы принесите мне чего-нибудь освежительного, и мы поболтаем, – сказала она Фрэнку, когда три ее собеседника отошли.

Он тотчас помчался выполнять ее просьбу и вскоре вернулся с бокалом вина и тоненьким, как бумага, ломтиком кекса, и Скарлетт, старательно уложив юбки, чтобы скрыть наиболее заметные пятна, уселась в нише в дальнем конце залы. Память об унижительных минутах, пережитых утром у Ретта, отодвинулась на задний план – ее возбуждал вид всех этих людей и звуки музыки, которой она так давно не слыхала. Завтра она снова будет думать о поведении Ретта, о своем унижении и снова будет кипеть от гнева. Завтра она будет прикидывать, удалось ли ей оставить след в раненой, потрясенной душе Фрэнка. Но не сегодня. Сегодня в ней до самых кончиков ногтей бурлила жизнь, все чувства были обострены надеждой, и глаза сверкали.

Она смотрела в большую залу на танцующих из своей ниши и вспоминала, какой красивой показалась ей эта комната, когда она впервые приехала в Атланту во время войны. Тогда паркет был натерт и сверкал, как стекло, а огромная люстра под потолком сотнями крошечных призм ловила и отражала сияние десятков свечей и, словно бриллиант, посылала во все, концы комнаты огненно-красные и синие огни. Со старинных портретов на стенах благородные предки милостиво взирали на гостей, излучая радушие. Мягкие подушки на диванчиках розового дерева так и манили к себе, а на почетном месте, в нише, стояла самая большая софа – та, на которой она сейчас сидела. Она любила сидеть здесь во время балов и вечеринок. Отсюда видна была вся зала и расположенная за ней столовая, где стоял овальный стол красного дерева, за которым могло поместиться человек двадцать, а вдоль стен – двадцать стульев на изящных ножках, массивный буфет и горка, заставленные тяжелым серебром, семисвечными канделяб-

⁵ Это имя по-французски означает «прекрасноокий».

⁶ Имеется в виду Пьер-Густав Тутан де Борегар (1818–1893) – бригадный генерал во время Гражданской войны, участник многих сражений, в том числе у Булл-Рэна.

⁷ Да! (*фр.*)

рами, кубками, сосудами для уксуса и масла, графинами и сверкающими рюмками. Она так часто сидела здесь, на софе, в первые годы войны, всегда с каким-нибудь красивым офицером, наслаждаясь звуками скрипки и контрабаса, аккордеона и банджо, перекрывавшими шарканье ног танцоров по навощенному, до блеска натертому паркету.

А сейчас люстра была темная. Она висела, как-то странно скособочась, и большинство хрустальных подвесок отсутствовало, словно янки, избрав своей мишенью эту красавицу, швыряли в нее сапогами. Сейчас залу освещала керосиновая лампа и несколько свечей, а главным образом – огонь, гудевший в большом камине. При его неровном свете видно было, как непоправимо поцарапан, испорчен тусклый старый паркет. На выцветших обоях остались квадраты от висевших здесь прежде портретов, а широкие трещины в штукатурке напоминали о том дне осады, когда в дом попал снаряд, обрушил крышу и часть второго этажа. Тяжелый старинный стол красного дерева, заставленный сладкими пирогами и графинами с вином, по-прежнему царил в опустевшей столовой, но он тоже был весь исцарапанный, а на сломанных ножках виднелись следы неумелой починки. Горка, серебро и стулья с тонкими ножками – все исчезло. Не было и тускло-золотых парчовых портьер, обрамлявших высокие французские окна в глубине комнаты, – сохранились лишь старые кружевные занавески, чистые, но штопанные-перештопанные.

На месте софы с изогнутой спинкой, которую Скарлетт так любила, стояла совсем неудобная, жесткая деревянная скамья. Скарлетт сидела на ней, стараясь придать своей позе возможно больше изящества и от души жалея, что мокрая юбка не позволяет ей танцевать. А танцевать так хотелось! Зато, сидя в этой уединенной нише, она, конечно, куда быстрее сумеет вскружить голову Фрэнку, чем мелькая в бешеном вальсе: она станет с зачарованным видом слушать его болтовню, поощряя своим вниманием к еще большему полету глупости.

Но музыка так звала! Скарлетт постукивала туфелькой в такт ударам широкой разлапистой ступни старика Леви, а он вовсю наяривал на сладкозвучном банджо и объявлял фигуры танца. Ноги танцоров шаркали, скользили, постукивали по полу, две цепочки сходились, расходились, кружились, руки взлетали.

Старик Дэн Таккер захмелел...
(Кружите партнерш!)
В камин упал и очумел!
(Скользите, леди, скользите!)

После унылых, изнуряющих месяцев в Таре так хорошо было снова слышать музыку и шарканье ног по паркету, так хорошо было видеть вокруг в слабом свете свечей знакомые, дружеские, смеющиеся лица, слышать старые шутки и прибаутки, подтрунивания, заигрывания. Точно ты была мертва и снова вернулась к жизни. И вернулось то веселое время, что было пять лет назад. Если бы закрыть глаза и не видеть этих старых шитых-перешитых платьев, и залатанных башмаков, и чиненых туфель, если бы в памяти не вставали лица молодых людей, которые никогда уже не будут танцевать, – могло бы показаться, что и в самом деле ничего не изменилось. Но сейчас, глядя на пожилых людей, толпившихся вокруг графина с вином в столовой, на матрон, стоявших, беседуя, вдоль стен и не знавших, куда девать лишние веера руки, и на покачивавшихся, подпрыгивавших молодых танцоров, Скарлетт вдруг холодно, с пугающим спокойствием осознала, что все изменилось, – изменилось непоправимо, так изменилось, словно перед ней были не люди, а призраки.

Выглядели они как прежде, но были другими. Что же произошло? Лишь то, что они стали на пять лет старше? Нет, тут было что-то другое – не просто следы времени. Что-то ушло из них, ушло из их мира. Пять лет назад ощущение незыблемости окружающего жило в них столь прочно, было столь неизменно, что они даже не сознавали этого. И цвели, укрытые им от бурь,

как цветы в оранжерее. Теперь же это исчезло, как исчезли и бывшая радость, и бывшее ожидание чего-то чудесного, волнующего, и былой блеск их жизни.

Скарлетт знала, что и она изменилась, но не в такой мере, как они, и это озадачивало ее. Она сидела и наблюдала за ними и чувствовала себя среди них чужой – совсем чужой и одинокой, словно явилась сюда с другой планеты, говорила на непонятном им языке и не понимала их языка. И тут у нее мелькнула мысль, что такое же чувство испытывала она, когда бывала с Эшли. С ним и с людьми его типа, – а ведь именно они заполняли ее мир, – Скарлетт чувствовала себя как бы вне пределов знакомого и понятного.

Их лица почти не изменились, их манеры не изменились совсем, и все же у нее было такое ощущение, что только это и осталось от ее старых друзей. Неподвластное возрасту достоинство, неподвластная времени галантность – все это по-прежнему было при них и будет с ними до конца дней, но кроме того, они будут нести до могилы еще и вечную горечь – горечь слишком глубокую чтобы описать ее словами. Это вежливые, пылкие, усталые люди, которые потерпели поражение, но не желали этого признавать, – люди, которых подкосила жизнь, а они упрямо продолжали стоять. Они были раздавлены и беспомощны, эти обитатели покоренных провинций, они смотрели на свой край, который так любили, и видели, как топчет его враг, как всякие проходимцы превращают закон в посмешище, как бывшие рабы посягают на их благополучие, как мужчин лишают всех прав, а женщин оскорбляют. При этом они не забывали о могилах своих близких.

Все в их мире переменилось – все, кроме старого стиля жизни. Старые обычаи сохранились – должны сохраниться, ибо это все, что у них осталось. И они крепко держались того, что лучше всего умели и больше всего любили в былые дни, – эта неспешность манер, изысканная галантность, милая непринужденность в общении, а главное – забота мужчин о женщинах. Следуя традициям, в которых они воспитывались, мужчины вели себя галантно и мягко, им почти удавалось создать вокруг своих женщин такую атмосферу, которая отгораживала их от всего жестокого и непотребного для женских глаз. Вот уж это верх глупости, думала Скарлетт: ведь почти не осталось ничего такого; чего женщины, даже наиболее оберегаемые, не увидели бы и не узнали за последние пять лет. Они ухаживали за ранеными, закрывали глаза покойникам, пережили войну, пожары, разрушения, познали страх, бегство, голод.

Но чего бы ни видели их глаза и каким бы тяжким трудом ни были заняты их руки, они оставались леди и джентльменами, коронованными особами в изгнании, – исполненные горечи, холодно безучастные, нелюбопытные, добрые друг к другу, твердые, как алмаз, и такие же блестящие и хрупкие, как хрустальные подвески разбитой люстры у них над головой. Былые времена безвозвратно ушли, а эти люди будут по-прежнему жить согласно своим обычаям – так, словно ничего не изменилось, – очаровательно медлительные, твердо уверенные, что не надо спешить и, подобно янки, устраивать свалку из-за лишнего гроша, твердо решившие не расставаться со старыми привычками.

Да, Скарлетт знала, что и она сильно изменилась. Иначе не могла бы она жить так, как жила после своего бегства из Атланты; иначе не обдумывала бы сейчас тот шаг, который так отчаянно надеялась совершить. Но ее твердость была иной, чем у них, а в чем разница, она пока сказать не могла. Возможно, в том, что не было такого поступка, который она не могла бы совершить, тогда как у этих людей очень много было такого, чего они ни при каких условиях совершить не могли бы. Возможно, дело в том, что они уже утратили всякую надежду, но продолжали улыбаться жизни и скользили по ней, склонив голову в грациозном поклоне. А Скарлетт так не могла.

Она не могла повернуться к жизни спиной. Она должна жить, а жизнь оказалась такой жестокой, такой враждебной, что нечего было и пытаться сгладить все улыбкой. Скарлетт не замечала в своих друзьях ни их мягкости, ни мужества, ни нестигаемой гордости. Она видела

только глупое чванство, которое позволяло им наблюдать явления жизни и с улыбкой отворачиваться, чтобы не смотреть правде в лицо.

Глядя невидящими глазами на танцоров, раскрасневшихся от кадрили, Скарлетт спрашивала себя: преследуют ли их, как ее, мысли о погибших возлюбленных, об изувеченных мужьях, о голодных детях, об уплывающих из рук акрах земли, о том, что под родными крышами живут чужие люди? Конечно, преследуют! Она знала обстоятельства их жизни, быть может, лишь чуть хуже, чем своей собственной. Их утраты были ее утратами, их тяготы – ее тяготами, их проблемы – те же, что и у нее. Только воспринимали они все иначе. Лица, которые она видела сейчас перед собой, не были лицами – это были маски, отлично выполненные маски, которые не будут сняты никогда.

Но если они так же остро страдают от жестокостей жизни, как она, – а они страдают, – то как могут они сохранять этот веселый вид, эту бездумную легкость? И собственно, зачем им даже стараться ее сохранять? Скарлетт не понимала их, и это ее невольно раздражало. Нет, она никогда не сможет быть такой. Не сможет смотреть на то, как рушится мир, с таким видом, будто это ее совсем не касается. Она была словно лисица, за которой гонятся охотники, – мчалась во весь дух, так, что казалось, вот-вот лопнет сердце, стремилась укрыться в норе, пока ее не настигли псы.

И внезапно она возненавидела их всех, потому что они – иные, чем она, потому что они несут свои потери с таким видом, какого ей никогда не удастся на себя напустить, да, впрочем, и не захочется. Она ненавидела их, этих улыбающихся, порхающих чужаков, этих горделивых идиотов, которые черпали свою гордость в том, что навсегда утратили, и словно бы даже гордились своими утратами. Женщины улыбались, как положено леди, да это и были леди – она-то ведь знает, – хотя каждый день занимались физическим трудом и ломали голову над тем, откуда взять новое платье. Леди! А вот она уже не чувствует себя леди, несмотря на бархатное платье и надушенные волосы, несмотря на гордость, рожденную благородством происхождения и богатством, которое она когда-то имела.

Жестокая необходимость своими руками копать в красной земле Тары сорвала с нее лишние признаки благородства, и она знала, что не почувствует себя леди до тех пор, пока стол ее не будет ломиться от серебра и хрусталя, пока на нем не будет дымиться обильная еда, пока у нее в конюшнях не будет собственных лошадей и колясок, пока черные – а не белые – руки не станут убирать хлопок в Таре.

«Вот! – со злостью подумала она, глубоко втянув в себя воздух. – Вот в чем разница! Они, хоть и бедные, но по-прежнему чувствуют себя леди, а я – нет. Эти идиотки, видно, не понимают, что нельзя оставаться леди, когда у тебя нет ни гроша!»

Но даже в эти минуты озарения Скарлетт смутно сознавала, что, несмотря на кажущуюся глупость, держатся они правильно. Эллин наверняка была бы такого мнения. И это беспокоило Скарлетт. Она понимала, что должна бы испытывать те же чувства, что и они, но не могла. Она понимала, что должна бы искренне верить, как верили они, что прирожденная леди остается леди, даже впад в бедность, но заставить себя верить этому она не могла.

Всю жизнь она слышала, как все вокруг издевались над янки за то, что они считают себя аристократами, будучи аристократами благодаря денежному мешку, а не по происхождению. Но сейчас, несмотря на всю кошунственность такой мысли, она невольно подумала, что тут янки-то, оказывается, правы, хоть и не правы во многом другом. Без денег нельзя быть леди. Скарлетт знала, что Эллин упала бы в обморок, услышав от дочери такие слова. Даже очутись Эллин на самом дне нищеты, она бы не увидела в этом ничего постыдного. А Скарлетт сгорала от стыда! Да, именно от стыда. Она стыдилась своей бедности, стыдилась, что вынуждена всячески изворачиваться, жить в нужде и работать, как негритянка.

Она раздраженно передернула плечами. Быть может, они правы, а она не права, но ведь эти гордые идиоты не смотрят вперед, а она смотрит, напрягая каждый нерв, рискуя даже

честью и добрым своим именем, лишь бы вернуть то, что все они потеряли. Многие из них считали ниже своего достоинства участвовать в погоне за деньгами. Но времена настали жестокие и тяжкие. И они требовали жестокой, тяжелой борьбы, если ты хотел выйти победителем. Скарлетт знала, что семейные традиции удерживают многих из этих людей от борьбы, целью которой являются деньги. Ведь все они считают, что откровенная погоня за деньгами, даже разговор о деньгах – вульгарны до крайности. Хотя, конечно, есть среди ее знакомых исключения. Взять, к примеру, миссис Мерриуэзер с ее пекарней, и Рене, который развозит в фургоне пироги. Или Хью Элсинга, занявшегося рубкой леса и продажей дров. Или Томми, ставшего подрядчиком. Или Фрэнка, у которого хватило духу открыть лавку. Ну, а остальные – основная, так сказать, масса южан? Плантаторы попытаются удержать в руках несколько акров земли и так и будут прозябать в бедности. Юристы и врачи вернутся к своим профессиям и стянут ждать клиентов, которые, возможно, так никогда и не появятся. А все прочие – те, кто безбедно жил на проценты с капитала? Что будет с ними?

Нет, не станет она прозябать всю жизнь в нищете. Не станет сидеть и терпеливо ждать чуда. Она бросится в самую гущу жизни и постарается вырвать у судьбы все, что сможет. Ее отец начинал как бедный эмигрант, а стал владельцем обширных угодий Тары. Чего достиг он, может достичь и его дочь. Она не из тех, кто все принес в жертву на алтарь Правого Дела, которого уже не существует, и теперь, после краха, гордится тем, что ничего для Дела не пожалел. Эти люди черпают мужество в прошлом. Она же черпает мужество, строя планы на будущее. И в данную минуту ее будущее – Фрэнк Кеннеди. Во всяком случае, у него есть лавка и есть деньги. И если только ей удастся выйти за него замуж и завладеть этими деньгами, она сумеет продержаться Тару еще год. А тогда – тогда пусть Фрэнк покупает свою лесопилку. Она сама видела, как быстро строится город, и всякий, кто способен заняться продажей леса сейчас, пока почти нет конкуренции, напал бы на золотую жилу.

Откуда-то из глубин памяти всплыли слова Ретта про деньги, которые он нажил во время блокады, – он сказал ей об этом как-то в первые годы войны. Она не потрудилась тогда вникнуть в то, что он говорил, но сейчас все стало так ясно, и она подивилась, почему не оценила всей глубины его мысли тогда – по молодости, должно быть, или по глупости.

«Деньги можно заработать и на крушении цивилизации, и на создании новой».

«Вот он и предвидел крушение нашей цивилизации, – подумала она, – и был прав. А деньги по-прежнему может нажить любой, кто не боится работать – или красть».

Она увидела Фрэнка – он пробирался к ней через залу с рюмкой ежевичной настойки в одной руке и блюдечком, на котором лежал кусочек пирога, в другой – и поспешно изобразила на лице улыбку.

Ей даже в голову не пришло задаться вопросом, стоит ли Тара того, чтобы выходить замуж за Фрэнка. Она знала, что стоит, и не задумывалась над этим.

И вот она потягивала настойку и улыбалась ему, зная, что румянец, играет у нее на щеках ярче, чем у любой из танцующих. Она подобрала юбки, усадила Фрэнка рядом и принялась небрежно обмахиваться платочком, чтобы легкий запах одеколона долетал до него.

Она гордилась тем, что от нее пахнет одеколоном, ибо ни одна другая женщина в зале не была надушена, и Фрэнк это заметил. Внезапно осмелев, он шепнул ей, что она такая румяная, такая душистая – ну прямо роза.

Вот если бы только он не был таким застенчивым! Он напоминал ей робкого старого бурого зайца. Вот если бы он был так же галантен и пылок, как Тарлтоны, или даже так грубовато-напорист, как Ретт Батлер! Но обладай он этими качествами, у него, наверное, хватило бы смекалки учуять отчаяние, притаившееся за ее трепещущими ресницами. Он же слишком мало знал женщин и потому даже заподозрить не мог, что она замышляет. Тут ей повезло, но уважения в ее глазах это ему не прибавило.

Глава 36

Она вышла замуж за Фрэнка Кеннеди через две недели, после головокружительно быстрого ухаживания: он так пылок, сказала она ему, краснея, что у нее просто не хватает духу противиться долее.

Он, конечно, не знал, как эти две недели она шагала по ночам из угла в угол, скрипя зубами от досады на его нерешительность – а ведь она и поощряла его, и намекала – и молясь, чтобы какое-нибудь несвоевременное письмо от Сьюлин не разрушило ее планов. Но, слава богу, сестра ее не из тех, кто способен поддерживать переписку: она обожает получать письма и терпеть не может писать сама. Однако все возможно – все, думала Скарлетт, шагая в долгие ночные часы взад и вперед по холодному полу своей спальни и кутаясь в накиннутую поверх ночной рубашки выцветшую шаль Эллин. Фрэнк не знал, что она получила коротенькое письмо от Уилла, в котором тот сообщал, что Джонас Уилкерсон снова приезжал в Тару и, узнав об ее отъезде в Атланту, так разбушевался, что Уилл с Эшли в самом буквальном смысле слова вышвырнули его вон. Письмо Уилла напомнило Скарлетт о том, что она и так слишком хорошо знала: время, оставшееся до уплаты дополнительного налога, истекло. И по мере того как шли дни, Скарлетт все глубже погружалась в отчаяние – ей хотелось схватить стеклянную колбу часов и задержать пересыпающийся в ней песок.

Но она так хорошо скрывала свои чувства, так хорошо играла свою роль, что Фрэнк ничего не заподозрил, ничего не увидел, кроме того, что лежало на поверхности, а видел он лишь прелестную беспомощную молодую вдову Чарльза Гамильтона, которая каждый вечер встречала его в гостиной мисс Питтипэт и восторженно, затаив дыхание, внимала ему, когда он рассказывал о своих планах переоборудования лавки, о том, сколько денег рассчитывает заработать, купив лесопилку. Ее нежное сочувствие, ее горящие глаза, ее интерес к каждому его слову были бальзамом, врачевавшим рану, которую нанесла ему предполагаемая измена Сьюлин. А у него так болело сердце, поступок Сьюлин так глубоко потряс его, так больно задел его самолюбие – самолюбие застенчивого, легкоранимого, немолодого уже холостяка, знающего, что он не пользуется успехом у женщин. Написать Сьюлин и отчитать ее за неверность он не мог: ему претила даже сама мысль об этом. Зато он мог облегчить душу, разговаривая о случившемся со Скарлетт. Она же, слова худого не говоря о Сьюлин, вместе с тем выказывала полное понимание: да, сестра очень плохо обошлась с ним, а ведь он заслуживает совсем другого отношения, и, конечно же, найдется женщина, которая по-настоящему оценит его.

Эта крошка, миссис Гамильтон, была так хороша со своими румяными щечками; она то грустно вздыхала, думая о своей печальной участи, то, слушая шуточки, которые он отпускал, чтобы приободрить ее, так весело и мило смеялась, словно переливчато звенели крошечные серебряные колокольчики. Зеленое платье, теперь уже отчищенное Мамушкой, выгодно обрисовывало ее стройную фигурку с осиной талией, а каким колдовским был этот нежный запах, неизменно исходивший от ее платочка и волос! Чтоб такая славная женщина жила одна, совсем беззащитная в этом мире, всей жестокости которого она даже не понимает, – позор, да и только! Ведь у нее нет ни мужа, ни брата, а теперь даже и отца, который мог бы защитить ее. Фрэнк считал, что мир слишком безжалостен к одиноким женщинам; Скарлетт помалкивала, от души желая, чтобы он пребывал в этом убеждении.

Он стал заходить каждый вечер, ибо атмосфера в доме Питтипэт была приятная и успокаивающая. Мамушка открывала ему парадную дверь с улыбкой, предназначенной для людей достойных, Питти подавала ему кофе, сдобренный коньяком, и окружала вниманием, а Скарлетт ловила каждое его слово. Иногда днем, отправляясь по делам, он приглашал Скарлетт прокатиться с ним в кабриолете. Ему было весело с ней, ибо она задавала уйму глупых вопро-

сов – «как истинная женщина», без всякого осуждения говорил он себе. Он, само собою, смеялся над ее неосведомленностью в делах, и она тоже смеялась и говорила:

– Ну не можете же вы рассчитывать, чтобы такая глупая женщина, как я, что-то понимала в мужских занятиях.

Впервые за всю свою жизнь закоренелого холостяка он благодаря Скарлетт чувствовал себя сильным мужчиной, созданным Господом Богом по более благородному образцу, чем многие другие, – созданным, чтобы защищать глупеньких беспомощных женщин.

И когда они наконец уже стояли вместе перед алтарем и ее маленькая ручка доверчиво покоилась в его руке, а опущенные ресницы отбрасывали густой полукруг тени на розовые щеки, он едва ли мог бы сказать, как это произошло. Он сознавал лишь, что впервые в жизни совершил романтический и дерзкий поступок. Он, Фрэнк Кеннеди, так вскружил голову этой прелестной женщине, что она, забыв обо всем на свете, упала в его сильные объятия. Сознание одержанной победы пьянило его.

На венчании не было ни друзей, ни родных. Свидетелями они пригласит и людей посторонних, с улицы. Скарлетт настояла на этом, и Фрэнк уступил, хотя и без особой охоты, ибо ему доставило бы удовольствие видеть рядом свою сестру и зятя из Джонсборо. И чтобы потом был прием в гостиной мисс Питти, среди веселых друзей, которые пили бы да здоровье невесты. Но Скарлетт не желала слушать о том, чтобы на венчании присутствовала даже мисс Питти.

– Только мы, Фрэнк, вы и я, – взмолилась она, сжимая ему локоть. – Как будто мы с вами сбежали. Я всегда мечтала о том, чтобы бежать с любимым и обвенчаться тайно! Ну прошу вас, радость моя, ради меня!

Это ласковое слово, столь непривычное для его уха, и две слезинки, ярко сверкнувшие в уголках ее светло-зеленых глаз, когда она умоляюще посмотрела на него, – решили дело. В конце концов, мужчина должен уступать невесте, особенно в день свадьбы. Ведь для женщины все эти сантименты имеют такое значение.

И не успел он опомниться, как оказался женатым.

Фрэнк, несколько удивленный ласковой настойчивостью жены, дал ей все же триста долларов, хотя сначала и не хотел давать, потому что это опрокидывало его надежды тотчас купить лесопилку. Но не мог же он допустить, чтобы семью Скарлетт выселили с насиженного места, да к тому же его огорчение довольно быстро начало таять – такая Скарлетт стала с ним нежная, так «одаривала» за его щедрость. Ни одна женщина ни разу еще не «одаривала» Фрэнка, и он начал думать, что в конце концов не зря дал ей денег. А Скарлетт тотчас отправила Мамушку в Тару с тройным наказом: вручить Уиллу деньги, объявить о ее замужестве и привезти Уэйда в Атланту. Через два дня она получила от Уилла коротенькую записку, которую всюду носила с собой и читала и перечитывала со, всевозрастающей радостью. Уилл писал, что налог они уплатили и Джонас Уилкерсон, узнав об этом, «вел себя не наилучшим образом», но грозить перестал. Под конец Уилл весьма лаконично и официально, без каких-либо эмоций желал Скарлетт счастья. Уилл, конечно, понимал, какой поступок она совершила и почему, и не осуждал ее за это, но и не хвалил. «А что, должно быть, думает Эшли? – в лихорадочном волнении спрашивала себя Скарлетт. – Что он, должно быть, думает обо мне – ведь прошло так мало времени после нашего объяснения во фруктовом саду в Таре!» Получила она письмо и от Сьюлин, письмо с орфографическими ошибками, оскорбительное, залитое слезами и полное такого яда и столь точных заключений о характере сестры, что всю жизнь Скарлетт потом не могла ни забыть его, ни простить. И тем не менее радость, что Тара спасена, по крайней мере на ближайшее время, осталась: ничто не способно было ее омрачить.

Трудно было Скарлетт привыкнуть к тому, что ее дом теперь в Атланте, а не в Таре. Пока она отчаянно пыталась добыть деньги, необходимые для уплаты налога, она думала лишь о Таре и о той участи, которая грозит поместью, – для других мыслей не оставалось места. Даже

когда она стояла под венцом, у нее ни на секунду не возникло мысли, что она спасает родной очаг ценою вечного из него изгнания. Теперь же, когда дело было сделано, она поняла это, и волна тоски по дому захлестнула ее. Но обратно не повернешь. Ставка сделана, и она не станет брать ее назад. К тому же она была так благодарна Фрэнку за то, что он спас Тару, – у нее даже появилось теплое чувство к нему и решимость сделать все, чтобы он никогда не пожалел о своей женитьбе.

Дамы Атланты знали о том, что происходит у соседей, лишь немногим меньше, чем о собственных делах, – только интересовало это их куда больше. Все они знали, что вот уже несколько лет, как Фрэнк Кеннеди «сговорился» со Сьюлин О'Хара. Он даже однажды сказал запинаясь, что «намеревается жениться на ней весной». Не удивительно поэтому, что вслед за сообщением о его тайной свадьбе со Скарлетт поднялась настоящая волна сплетен, догадок и далеко идущих предположений. Миссис Мерриуэзер, никогда не отказывавшаяся от возможности удовлетворить свое любопытство, напрямик спросила Фрэнка, как следует понимать его женитьбу на одной сестре вместо другой. Она сообщила потом миссис Элсинг, что вместо ответа увидела лишь идиотски счастливый взгляд. К Скарлетт же обратиться с таким вопросом миссис Мерриуэзер при всей своей отваге не посмела. А Скарлетт все эти дни была какая-то спокойная, мягкая – только в глазах затаилось убогое самодовольство, которое не могло не раздражать окружающих, однако держалась она столь неприступно, что никому не хотелось заводить с ней разговор.

Скарлетт знала, что вся Атланта говорит о ней, но ее это не волновало. В конце концов, что тут такого аморального – выйти замуж? Тара спасена. Так пусть болтают. А у нее и без того хватает забот. И главное – тактично внушить Фрэнку, что лавка его должна приносить больше денег. Джонас Уилкерсон нагнал на нее такого страху, что она теперь не сможет жить спокойно, пока у них с Фрэнком не появятся лишние деньги. Даже если не произойдет ничего непредвиденного, надо, чтобы Фрэнк делал больше денег, иначе она не сможет достаточно отложить, чтобы уплатить налог за Тару и в будущем году. Да и то, что говорил Фрэнк насчет лесопилки, запало ей в голову. Имея лесопилку, Фрэнк сможет заработать кучу денег. Любой заработает: ведь лес такой дорогой. И она молча изводила себя этими мыслями, потому что денег у Фрэнка было недостаточно, чтобы заплатить налог за Тару и купить лесопилку. Вот тогда-то: она и решила, что он должен больше выколачивать из лавки и разворачиваться побыстрее, чтобы успеть купить лесопилку, пока кто-нибудь другой не схватил ее. Скарлетт отлично понимала, что дело это стоящее.

Будь она мужчиной, она приобрела бы лесопилку, даже если бы пришлось заложить лавку. Но когда на другой день после свадьбы она деликатно намекнула на это Фрэнку, он лишь улыбнулся и сказал, чтобы она не забивала делами свою милую хорошенькую головку. Он удивился уже тому, что она вообще знает, что такое заклад, и сначала это его позабавило. Но довольно скоро – в первые же дни после свадьбы – он почувствовал, что ее деловитость не столько забавляет, сколько шокирует его. Однажды он по неосторожности сказал Скарлетт, что «кое-кто» (он остерегся назвать имена) задолжал ему, но не может сейчас рассчитаться, ну а он, конечно, не хочет нажимать на старых друзей и бывших плантаторов. Он тут же горько пожалел, что вообще упомянул об этом, ибо Скарлетт одолела его расспросами. С прелестным, детски-наивным видом она сказала, что это просто любопытно, кто же все-таки должен ему и сколько. Фрэнк попытался уклониться от прямого ответа. Нервно покашливая, он развел руками и повторил свою дурацкую фразу насчет того, что не надо ей загружать делами свою милую хорошенькую головку.

Сам же он начал понимать, что эта милая хорошенькая головка умеет, оказывается, неплохо «управляться с цифрами». Собственно, куда лучше, нежели он, Фрэнк, и это подействовало на него как-то обескураживающе. Он был точно громом поражен, когда обнаружил, что Скарлетт может быстро сложить в уме целую колонку цифр, тогда как ему, если цифр

больше трех, нужны карандаш и бумага. Даже дроби не представляли для нее никакой трудности. А он полагал, что женщине негоже разбираться в делах и дробях; если же ей не посчастливилось иметь такие недамские способности, она должна тщательно это скрывать. Ему уже больше не хотелось говорить со Скарлетт о делах, тогда как до женитьбы это доставляло удовольствие. В ту пору он считал, что дела выше ее понимания, и ему приятно было объяснять ей, что к чему. Теперь же он видел, что она все понимает, и даже слишком хорошо, и, как положено мужчине, возмущался женским коварством. К этому добавилось разочарование, обычно наступающее у мужчины, когда он обнаруживает, что женщина неглупа.

Как скоро после свадьбы Фрэнк выяснил, что Скарлетт обманом женила его на себе, – этого никто так и не узнал. Возможно, истина открылась ему в тот момент, когда Тони Фонтейн, явно избавившийся от своего бывшего увлечения, приехал в Атланту по делам. А возможно, сестра сообщила ему об этом в письме из Джонсборо – она ведь была потрясена его женитьбой. Во всяком случае, узнал он об этом не от Сьюлин. Она ни разу не написала ему, и он, естественно, не мог ей написать и все объяснить. Да и какой теперь смысл в его объяснениях, раз он женат! У Фрэнка все кипело внутри при мысли о том, что Сьюлин никогда не узнает правды и будет считать, что он без всяких оснований взял и отвернулся от нее. Наверное, все так думают и все осуждают его. А он – в дурацком положении. У него нет никакой возможности обелить себя, ибо не станет же человек ходить и всем объяснять, что потерял голову из-за женщины, а если он к тому же джентльмен, тем более не может он во всеуслышание заявить, что жена опутала его с помощью лжи.

Все-таки Скарлетт – его жена, а жена вправе рассчитывать на лояльность мужа. Кроме того, не мог он до конца поверить, что она вышла за него замуж только из холодного расчета, не питая к нему никакого чувства. Мужское достоинство не позволяло подобной мысли задерживаться в голове. Куда приятнее было думать, что Скарлетт вдруг влюбилась в него настолько сильно, что пошла на ложь, лишь бы им завладеть. Однако все это было очень странно. Фрэнк знал, что не такая уж он великая добыча для женщины, которая вдвое моложе него, хороша собой и неглупа. Но он был джентльмен и свои сомнения держал при себе. Скарлетт – его жена; не может он оскорблять ее идиотскими расспросами, тем более что это ничего не изменит.

Да и нельзя сказать, чтобы Фрэнку так уж хотелось что-то менять, ибо брак его казался вполне счастливым. Скарлетт была самой прелестной, самой желанной из женщин, и он считал ее идеальной во всех отношениях – лишь бы только она не была такой упрямой. Фрэнк довольно скоро постиг, что если ей не перечить, жизнь может быть очень приятной, но если идти наперекор... А вот когда все делалось по ее воле, она становилась веселой, как ребенок, смеялась без конца, сыпала глупыми шутками, усаживалась к нему на колени и принималась крутить ему бороду, так что он прямо молодел на двадцать лет. Она становилась мягкой и заботливой: грела ему ночные туфли у огня, если он приходил поздно, волновалась, что он промочил ноги и что у него никак не проходит насморк, помнила, что он любит куриный желудок и что в кофе ему надо класть три ложечки сахара. Да, жизнь была очень милой и уютной со Скарлетт – если все делалось по ее прихоти.

Через две недели после свадьбы Фрэнк подхватил грипп, и доктор Мид уложил его в постель. В первый год войны Фрэнк провел два месяца в госпитале с воспалением легких и с тех пор жил в вечном страхе, боясь повторения болезни, а потому сейчас охотно лежал и потел под тремя одеялами, попивая горячие отвары, которые каждый час приносили ему Мамушка и тетя Питти.

Болезнь затягивалась, и Фрэнк все больше и больше волновался по поводу лавки. Делами там ведал сейчас приказчик, который каждый вечер являлся в дом с отчетом о дневной выручке, но Фрэнка это не удовлетворяло. Он так тревожился, что наконец Скарлетт, которая только и ждала этой возможности, положила прохладную руку ему на лоб и сказала:

– Послушайте, радость моя, я буду очень огорчена, если вы станете все принимать так близко к сердцу. Я поеду в город и посмотрю, как обстоят дела.

И она отправилась, улыбкой отметая его слабые возражения. Все эти три недели своего нового замужества она сгорала от желания посмотреть его расчетные книги и выяснить, как обстоит дело с деньгами. Какое счастье, что он прикован к постели!

Лавка находилась возле Пяти Углов – ее новая крыша сверкала на фоне старых, закопченных кирпичных стен. Над тротуаром во всю ширину был сделан деревянный навес; у длинных железных перекладин, соединявших подпорки, стояли привязанные лошади и мулы, свесив голову под холодным мелким дождем, – крупы их были накрыты рваными байковыми и ватными одеялами. Внутри лавка очень походила на лавку Булларда в Джонсборо – разве что здесь у докрасна раскаленной печки не толкались бездельники, жуя табак и смачно сплевывая в ящик, наполненный песком. Правда, лавка Фрэнка была больше лавки Булларда, но и гораздо темнее. Деревянные навесы над окнами почти не давали доступа зимнему свету – он проникал сюда через маленькое, засиженное мухами оконце, прорезанное высоко в боковой стене, поэтому внутри было сумеречно и затхло. Пол был покрыт грязными опилками, на всем лежала пыль. Если в передней части лавки еще наблюдалось какое-то подобие порядка – на уходивших во мрак полках лежали штуки яркой материи, посуда, кухонные принадлежности, галантерея, – то в заднем помещении, за перегородкой, царил хаос.

Пол здесь не был настлан, и все валялось как попало, прямо на утрамбованной земле. Скарлетт увидела в полутьме коробки и тюки с товарами, плуги и конскую сбрую, седла и дешевые сосновые гробы. Из мрака выступала побывавшая в употреблении дешевая эвкалиптовая мебель, а рядом – вещи из красного и розового дерева: дорогая, но выдавшая виды парча, обтягивавшая мягкие кресла и диванчики, неуместно поблескивала среди окружающей грязи. Повсюду были расставлены фарфоровые ночные горшки, вазы, кувшины, а вдоль всех четырех стен тянулись глубокие лари, такие темные, что Скарлетт приходилось подносить к ним лампу, чтобы обнаружить, в каком из них семена, а в каком – гвозди, болты, плотничий инструмент.

«Фрэнк – такой беспокойный, он так печется о мелочах, точно старая дева, что, казалось бы, должен был лучше следить за порядком, – подумала она, вытирая носовым платком перепачканные руки. – Это же настоящий свинарник. Да как можно в таком виде держать лавку! Хоть бы вытер пыль со всего этого добра да выставил его в лавке, чтоб люди видели, что у него есть, – тогда он распродал бы все куда быстрее».

А если уж товары у него в таком состоянии, то в каком же состоянии счета!

«Взгляну-ка я сейчас на его бухгалтерию», – решила она и, взяв лампу, направилась в переднюю часть лавки. Вилли, приказчику, не очень-то хотелось давать ей большой грязный grossбух. Несмотря на свою молодость, он явно разделял мнение Фрэнка о том, что женщины не должны совать нос в дела. Но Скарлетт резко осадил его и отослала обедать. Она почувствовала себя увереннее, когда он ушел: его неодобрительные взгляды раздражали ее; она усеялась на плетеный стул у пылающей печки, поджала под себя ногу и разложила книгу на коленях. Наступило обеденное время, улицы опустели. Покупателей не было, и вся лавка находилась в распоряжении Скарлетт.

Она медленно переворачивала страницы, внимательно просматривая длинные колонки фамилий и цифр, написанных убористым каллиграфическим почерком Фрэнка. Предположения Скарлетт оправдались, она нахмурилась, увидев новое подтверждение того, что Фрэнк – человек совсем не деловой. По крайней мере пятьсот долларов задолженности – порой по несколько месяцев – значилось за людьми, которых она хорошо знала, в том числе и за такими, как Мерриуэзеры и Элсинги. Когда Фрэнк мимоходом сказал ей, что у него есть «должники», она считала, что речь идет о маленьких суммах. Но это!

«Если человек не может платить, зачем же он все покупает и покупает?! – раздраженно подумала она. – А если Фрэнк знает, что кто-то не может заплатить, зачем же он этому человеку

продает? Многие могли бы расплатиться, если бы он был понастойчивее. Например, Элсинги, уж конечно, могли бы – ведь сшили же они Фэнни новое атласное платье и устроили такую дорогую свадьбу. Просто у Фрэнка слишком мягкое сердце, и люди этим пользуются. Да если бы он собрал хотя бы половину долгов, он мог бы купить лесопилку и даже не заметил бы, что я взяла у него деньги на налог за Тару».

И тут новая мысль пришла ей в голову: «Можно себе представить, что получится у Фрэнка с этой лесопилкой! Бог ты мой! Если он лавку превратил в благотворительное заведение, то разве он сумеет нажить деньги на лесопилке?! Да шериф через месяц опишет ее. А вот я бы наладила здесь дело лучше, чем он! И лучше бы управляла лесопилкой, хоть я ничего и не понимаю в лесе!»

Это была ошеломляющая мысль – о том, что женщина может вести дело не хуже мужчины, а то и лучше, – поистине революционная мысль для Скарлетт, воспитанной в уверенности, что мужчина – все знает, а у женщины слабые мозги. Конечно, она давно уже поняла, что это не совсем так, но приятная иллюзия продолжала жить в ее сознании. И никогда прежде она еще не облекала эту удивительную мысль в слова. Она сидела не шевелясь, с раскрытым grossбухом на коленях, слегка приоткрыв от удивления рот, и думала о том, что ведь все эти скудные месяцы в Таре она работала как мужчина – и работала хорошо. Она была воспитана в уверенности, что женщина одна ничего не в состоянии достичь, а вот управлялась же она с плантацией без помощи мужчины, пока не явился Уилл. «Ей-же-ей, – разматывались в ее голове мысли, – да женщины, по-моему, могут все на свете, и никакой мужчина им не нужен, разве только чтоб делать детей. А уж что до этого, то, право же, ни одна женщина, если она в своем уме, не станет по доброй воле заводить ребенка».

Вместе с мыслью о том, что она может справляться с делами не хуже мужчины, пришла и гордость, и наивное желание доказать это, самой зарабатывать деньги, как делают мужчины. Чтобы деньги были ее собственные, чтобы ни у кого не приходилось больше просить, ни перед кем не отчитываться.

– Были бы у меня деньги, я б сама купила лесопилку, – вслух произнесла она и вздохнула. – Уж она бы у меня заработала. Я бы щепки не дала в кредит.

Она снова вздохнула. Взять денег было неоткуда, поэтому и замысел ее неосуществим. Придется Фрэнку собрать долги и купить на них лесопилку. Лесопилка – верный способ заработать. А когда у него будет лесопилка, уж она сумеет заставить его вести себя по-хозяйски – не так, как здесь, в лавке.

Скарлетт вырвала последнюю страницу из grossбуха и стала выписывать имена должников, которые уже несколько месяцев ничего не платили. Как только она вернется домой, надо будет сразу же поговорить об этом с Фрэнком. Она заставит его понять, что люди должны платить долги, даже если это старые друзья, даже если ему неловко наседать на них. Фрэнк наверняка расстроится, ибо он застенчив и любит, когда друзья его хвалят. Он такой совестливый, что скорее поставит крест на деньгах, чем проявит деловую сметку и попытается собрать долги.

Вероятно, он скажет ей, что должникам нечем расплачиваться. Что ж, может, оно и так. Нищета ей знакома. Но конечно же, почти у всех осталось какое-то серебро, или драгоценности, или немного земли. Фрэнк может взять это вместо денег. Она представила себе, как запричитает Фрэнк, когда она выскажет ему эту мысль. Брать драгоценности и земли друзей! «Что ж, – передернула она плечами, – пусть причитает сколько хочет. Я скажу ему, что если он готов сидеть в нищете ради друзей, то я не желаю. Фрэнк никогда не преуспеет, если не наберется духу. А он должен преуспеть. Он должен делать деньги, и я заставлю его, даже если мне придется для этого стать мужиком в доме».

Она деловито писала, сморщив от усилия лоб, слегка высунув язык, как вдруг дверь распахнулась и в лавку ворвалась струя холодного воздуха. Кто-то высокий, шагая легко, как индеец, вошел в сумрачное помещение, и, подняв глаза, она увидела Ретта Батлера.

Он был великолепно одет в новый костюм и пальто с пелериной, лихо свисавшей с широких плеч. Глаза их встретились; он сорвал с головы шляпу и склонился в низком поклоне, прижав руку к безукоризненно белой гофрированной сорочке. Белые зубы ослепительно сверкнули на смуглом лице, глаза дерзким взглядом прошлись по ней, охватив ее всю – с головы до ног.

– Дорогая моя миссис Кеннеди! – произнес он, шагнув к ней. – Моя дражайшая миссис Кеннеди! – И громко, весело расхохотался.

Сначала она так испугалась, словно в лавке появилось привидение, затем, поспешно вытащив из-под себя ногу, выпрямилась и холодно посмотрела на Ретта.

– Что вам здесь надо?

– Я нанес визит мисс Питтипэт и узнал, что вы вышли замуж. А затем поспешил сюда, чтобы вас поздравить.

Она вспомнила, как он унизил ее, и вспыхнула от стыда.

– Не понимаю, откуда у вас столько наглости, как вы можете смотреть мне в лицо! – воскликнула она.

– Все наоборот! Откуда у вас столько наглости, как вы можете смотреть мне в лицо?

– Ох, вы самый...

– Может, все-таки помиримся? – улыбнулся он, глядя на нее сверху вниз, и улыбка у него была такая сияющая, такая широкая, чуть нагловатая, но нисколько не осуждающая ее или себя.

И Скарлетт невольно тоже улыбнулась, только криво, смущенно.

– Какая жалость, что вас не повесили!

– Есть люди, которые, боюсь, разделяют вашу точку зрения. Да ну же, Скарлетт, перестаньте. У вас такой вид, точно вы проглотили шомпол, а вам это не идет. Вы же, конечно, за это время давно оправились от... м-м... моей маленькой шутки.

– Шутки? Ха! Да я в жизни ее не забуду!

– О нет, забудете. Просто вы изображаете возмущение, потому что вам кажется так правильнее и респектабельнее. Могу я сесть?

– Нет.

Он опустился рядом с ней на стул и осклабился.

– Я слышал, вы даже две недели подождать меня не могли, – заметил он и театрально вздохнул. – До чего же непостоянны женщины. – Она молчала, и он продолжал: – Ну, скажите, Скарлетт, между нами, друзьями, – между очень давними и очень близкими друзьями – разве не было бы разумнее подождать, пока я выйду из тюрьмы? Или супружеский союз с этим стариком Фрэнком Кеннеди привлекал вас куда больше, чем внебрачные отношения со мной?

Как всегда, его издевки вызывали в ней гнев, а нахальство – желание расхохотаться.

– Не говорите глупостей.

– А вы бы не возражали удовлетворить мое любопытство по одному вопросу, который последнее время занимает меня? Неужели у вас, как у женщины, не возникло отвращения и ваши деликатные чувства не взбунтовались, когда вы дважды выходили замуж без любви и даже без влечения? Или, может быть, у меня неверные сведения о деликатности чувств наших южных женщин?

– Ретт!

– Сам-то я знаю ответ. Я всегда считал, что женщины обладают такою твердостью и выносливостью, какие мужчинам и не снились, – да, я всегда так считал, хотя с детства мне внушали, что женщины – это хрупкие, нежные, чувствительные создания. К тому же, согласно кодексу европейского этикета, муж и жена не должны любить друг друга – это дурной тон и очень плохой вкус. А я всегда считал, что европейцы правильно смотрят на эти вещи. Женись для удобства, а люби для удовольствия. Очень разумная система, не правда ли? По своим воззрениям вы оказались ближе к старушке Англии, чем я думал.

Как было бы хорошо крикнуть в ответ: «Я вышла замуж не для удобства!», но, к сожалению, тут Ретт загнал ее в угол, и любая попытка протестовать, изображая оскорбленную невинность, вызвала бы лишь еще более едкие нападки с его стороны.

– Какую вы несете чушь, – холодно бросила она и, стремясь переменить тему разговора, спросила: – Как же вам удалось выбраться из тюрьмы?

– Ах, это! – заметил он, неопределенно поведя рукой. – Особых хлопот мне это не доставило. Меня освободили сегодня утром. Я пустил в ход весьма тонкий шантаж против одного друга в Вашингтоне, который занимает там довольно высокий пост советника при федеральном правительстве. Отличный малый этот янки – один из стойких патриотов, продававших мне мушкеты и кринолины для Конфедерации. Когда о моей печальной участи довели должным образом до его сведения, он поспешил использовать все свое влияние, и вот меня выпустили. Влияние – это все, Скарлетт. Помните об этом, если вас арестуют. Влияние – это все. А проблема вины или невиновности представляет чисто академический интерес.

– Могу поклясться, что вы-то уж не относитесь к числу невиновных.

– Да, теперь, когда я выбрался из силков, могу честно признаться, что виноват и поступил, как Каин. Я действительно убил негра. Он нагло вел себя с дамой – что оставалось делать южному джентльмену? И раз уж признаваться – так признаваться: я действительно пристрелил кавалериста-янки, обменявшись с ним несколькими фразами в баре. За мной эта мелочь не числится, так что, по всей вероятности, какого-нибудь бедного малого давно уже за это повесили.

Он настолько походя упомянул о совершенных им убийствах, что у нее кровь застыла в жилах. Слова возмущения готовы были сорваться с ее языка, но тут она вспомнила о янки, который лежал под сплетением лоз мускатного винограда в Таре. Совесть ведь мучит ее не больше, чем если бы она раздавила таракана. И судить Ретта она не может, раз повинна в том же, что и он.

– И если уж говорить начистоту, то должен вам сказать строго по секрету (а это значит: не проболтайтесь мисс Питтипэт!), что деньги действительно у меня – они преспокойно лежат в Ливерпульском банке.

– Деньги?

– Да, те самые, по поводу которых так волнуются янки. И отнюдь не жадность, Скарлетт, удержала меня от того, чтобы дать вам нужную сумму. Если бы я снял хоть что-то со счета, об этом так или иначе могли бы проведать – и вы наверняка не получили бы ни цента. Сохранить эти деньги я могу лишь в том случае, если ничего не буду предпринимать. Я знаю, что они в безопасности, ибо на худой конец, если их обнаружат и попытаются у меня отобрать, я назову всех патриотов-янки, которые продавали мне снаряды и станки во время войны. А тогда такой скандал поднимется: ведь некоторые из этих янки занимают сейчас в Вашингтоне высокие посты. Собственно, потому-то я и выбрался из тюрьмы, что пригрозил облегчить свою совесть. Я...

– Вы хотите сказать, что вы... что у вас – все золото конфедератов?

– Не все, великий боже, нет, конечно! Золота этого полным-полно человек у пятидесяти, а то и больше, из числа тех, кто прорывал блокаду. Оно припрятано в Нассау, в Англии, в Канаде. И конфедераты, которые оказались куда менее ловкими, едва ли смогут нам это простить. У меня, к примеру, набралось около полумиллиона. Только подумайте, Скарлетт: полмиллиона долларов были бы ваши, если бы вы обуздали свой буйный нрав и не кинулись очертя голову в петлю нового брака!

Полмиллиона долларов. Она почувствовала, как у нее буквально заныло сердце при одной мысли о таких деньгах. Она даже не уловила издевки в его словах – это не дошло до ее сознания. Трудно было поверить, что в их обнищавшем, полном горечи мире могут быть такие деньги. Столько денег, такая уйма денег – и владеет ими не она, а человек, который относится

к ним так беспечно и которому они вовсе не нужны. Ее же защита от враждебного мира – всего лишь пожилой больной муж да грязная, жалкая лавчонка. Несправедливо это, чтобы у такого подлеца, как Ретт Батлер, было так много всего, а у нее, которая тянет тяжелейший воз, – так мало. До чего же он ненавистен ей – сидит тут, разодетый как денди, и дразнит ее. Ну нет, она не станет хвалить его за изворотливость, а то он совсем зазнается. Ей захотелось – наоборот, найти такие слова, которые бы ранили его, да поглубже.

– Я полагаю, вы считаете порядочным и честным – присвоить себе деньги конфедератов. Так вот нет. Это самое настоящее воровство, и вы прекрасно это знаете. Я бы не хотела жить с таким пятном на совести.

– Бог ты мой! До чего же зелен нынче виноград!⁸ – воскликнул он скривившись. – У кого же я эти деньги украл?

Она молчала, не зная, что ответить. В самом деле – у кого? В конце-то концов, ведь он поступал так же, как и Фрэнк, только у Фрэнка размах не тот.

– Половина денег по-честному моя, – продолжал он, – честно заработанная с помощью честных патриотов, которые охотно продавали Союз за его спиной и получали стопроцентную прибыль за свои товары. Часть денег я заработал на хлопке, купив его по дешевке в начале войны, а потом, когда английские фабрики взмолились, требуя хлопок, я продал им его по доллару за фунт. Часть капитала я сколотил на спекуляции продуктами. Так с какой стати должен я отдавать этим янки плоды моего труда? Ну а остальное действительно принадлежало раньше Конфедерации. Это деньги за хлопок конфедератов, который я вывозил, несмотря на блокаду, и продавал в Ливерпуле по баснословным ценам. Хлопок давали мне со всем доверием, чтобы я купил на него кожи, ружья и станки. И я со всем доверием брал его, чтобы купить то, что просили. Мне было сказано положить золото в английские банки на свое имя, чтобы иметь кредит. А когда кольцо блокады сомкнулось, вы прекрасно помните, я не мог вывести ни одного судна из портов Конфедерации и ни одно судно не мог ввести. Так деньги и застряли в Англии. Что мне следовало делать? Свалить дурака, вынуть эти деньги из английских банков и попытаться переправить их в Уилмингтон? Чтобы янки сцапали их? Разве я виноват в том, что Наше Правое Дело потерпело крах? Деньги принадлежали Конфедерации. Ну а Конфедерации больше нет – хотя, если послушать иных людей, можно в этом усомниться. Кому же я должен возвращать эти деньги? Правительству янки? Мне вовсе не хочется, чтобы люди думали, будто я – вор.

Он вынул из кармана кожаный портсигар, достал из него длинную сигару и не без удовольствия понюхал ее, в то же время с наигранной тревогой наблюдая за Скарлетт, как если бы его судьба зависела от нее.

«Порази его чума, – подумала она, – вечно он обводит меня вокруг пальца. В его доводах всегда что-то не так, но что именно – в толк не возьму».

– Вы могли бы, – с достоинством произнесла она, – раздать деньги тем, кто нуждается. Конфедерации нет, но осталось много конфедератов и их семей, и они голодают.

Он откинул голову и расхохотался.

– До чего же вы становитесь прелестны и смешны, когда лицемерно изрекаете подобные истины! – воскликнул он, явно получая от всего этого подлинное удовольствие. – Всегда говорите правду, Скарлетт. Вы не умеете лгать. Ирландцы – самые плохие лгуны на свете. Ну, давайте будем откровенны. Вам всегда было глубоко наплевать на столь оплакиваемую ныне покойную Конфедерацию и еще больше наплевать на голодающих конфедератов. Да вы бы завизжали от возмущения, заикнись я только, что собираюсь раздать все эти деньги, – если, конечно, львиная доля не пошла бы вам.

– Не нужны мне ваши деньги... – с холодным достоинством начала было она.

⁸ Образ взят из басни Эзопа.

– Вот как?! Да у вас руки так и чешутся – дай вам пачку банкнотов, вы бы мигом сорвали опояску. Покажи я вам четвертак, вы бы мигом его схватили.

– Если вы явились сюда, чтобы оскорблять меня и насмехаться над моей бедностью, я пожелаю вам всего хорошего, – заявила она, пытаясь сбросить с колен тяжелый грессбух и встать, чтобы придать своим словам больше внушительности.

Но он уже вскочил, нагнулся над ней и со смехом толкнул назад на стул.

– Да когда же вы перестанете взрываться при первом слове правды? Вы ведь любите говорить правду о других – почему же вы не любите слышать правду о себе? Я вовсе не оскорбляю вас. Стяжательство, по-моему, прекрасное качество.

Она не была уверена, что значит слово «стяжательство», но в его устах это прозвучало как комплимент; и она слегка смягчилась.

– Я пришел сюда вовсе не затем, чтобы злорадствовать по поводу вашей бедности, а затем, чтобы пожелать вам долгой жизни и счастья в браке. Кстати, а что думает сестричка Сьюлин по поводу вашего разбоя?

– Моего – чего?

– Вы же украли Фрэнка у нее из-под носа.

– Я вовсе не...

– Ну, не будем спорить из-за слов. Так что же она все-таки сказала?

– Ничего она не сказала, – заявила Скарлетт. И глаза ее предательски забежали, выдавая, что она говорит неправду.

– Какое бескорыстие с ее стороны! Ну а теперь по поводу вашей бедности. Уж конечно, я имею право об этом знать после того, как вы тогда прискакали ко мне в тюрьму. Что, у Фрэнка оказалось меньше денег, чем вы предполагали?

Его нахальству не было предела. Либо она должна примириться с этим, либо попросить его уйти. А ей не хотелось, чтобы он уходил. Слова его были точно колючая проволока, но говорил он правду. Он знал, как она поступила и почему, и вроде бы не стал хуже к ней относиться. И хотя расспросы его были ей неприятны своей прямоотой, объяснялись они, видимо, дружеским интересом. Только ему могла бы она рассказать всю правду. И ей стало бы легче, ибо она давно никому не говорила правды о себе и о том, что побудило ее поступить так, а не иначе. Любое ее откровенное признание неизменно шокировало собеседника. А разговор с Реттом вызывал у нее такое облегчение и успокоение, какое ощущаешь, когда, протанцевав целый вечер в узких туфлях, надеваешь удобные домашние шлепанцы.

– Неужели вы не получили денег для уплаты налога? Только не говорите мне пожалуйста, что нужда все еще стучится в ворота Тары. – Голос его при этом изменился, зазвучал как-то по-иному.

Она подняла глаза, и взгляды их встретились – выражение его черных глаз сначала испугало и озадачило ее, а потом она улыбнулась – теплой, сияющей улыбкой, которая редко появлялась последние дни на ее лице. Паршивый лицемер – а ведь порой бывает такой милый! Теперь она поняла, что пришел он вовсе не для того, чтобы подразнить ее, а чтобы увериться, что она добыла деньги, которые были ей так отчаянно нужны. Теперь она поняла, что он примчался к ней, как только его освободили, не подавая и виду, что летел на всех парусах, – примчался, чтобы одолжить ей деньги, если она в них еще нуждается. И однако же он изводил ее, и оскорблял ее, и в жизни бы не сознался, скажи она напрямик, что разгадала его побуждения. Нет, никак его не поймешь. Неужели она действительно дорога ему – дороже, чем он готов признать? Или, может, у него что-то другое на уме? Скорее последнее, решила она. Но кто знает. Он порой так странно себя ведет.

– Нет, – сказала она, – нужда больше не стучится в ворота Тары. Я... я достала деньги.

– Но, я убежден, не без труда. Неужели вы сумели обуздать себя и не показали своего нрава, пока у вас на пальце не появилось обручального кольца?

Усилием воли она сдержала улыбку, – как точно он ее разгадал! – но ямочки все же заиграли у нее на щеках. Он снова опустился на стул, удобно вытянув свои длинные ноги.

– Ну так расскажите же мне теперь о своем бедственном положении. Эта скотина Фрэнк, значит, ввел вас в заблуждение насчет своих возможностей? Его бы следовало хорошенько вздуть за то, что он воспользовался беспомощностью женщины! Да ну же, Скарлетт, расскажите мне все. Вы не должны иметь от меня секретов. Я ведь знаю все худшее о вас.

– Ох, Ретт, вы самый отвратительный из... сама не знаю из кого! Нет, в общем-то, Фрэнк не обманул меня, но... – Ей вдруг захотелось кому-то излить душу, – Если бы только Фрэнк мог собрать деньги с должников, я бы ни о чем не волновалась. А ему, Ретт, пятьдесят человек должны, и он не нажимает на них. Он такой совестливый. Говорит, что джентльмен не может так поступать с джентльменом. И пройдут месяцы, прежде чем он получит эти деньги, а то, может, и вовсе не получит.

– Ну и что? Разве вам нечего будет есть, если он не взыщет долгов?

– Да нет, но... Дело, видите ли, в том, что мне не помешала бы сейчас некоторая сумма. – И глаза ее загорелись при мысли о лесопилке. А что, если...

– Для чего? Опять налоги?

– Ну а вам-то что?

– Очень даже что, потому что вы сейчас попросите у меня в долг. О, я знаю все эти подходы... И я одолжу денег... не требуя того прелестного обеспечения, дражайшая миссис Кеннеди, которое вы еще совсем недавно предлагали мне. Разве что будете уж очень настаивать.

– Вы величайший грубиян, какого...

– Ничего подобного. Я просто хотел вас успокоить. Я понимаю, что эта проблема может вас волновать. Не слишком, но все-таки. И я готов одолжить вам денег. Но я хочу прежде знать, как вы намерены ими распорядиться. Думается, я имею на это право. Если вы хотите купить себе красивые платья или карету, я вам дам их вместе с моим благословением. Но если вы хотите купить пару новых брюк для Эшли Уилкса, боюсь, я вынужден буду вам отказать.

Гнев вскипел в ней так внезапно и с такой силой, что несколько мгновений она слова не могла вымолвить.

– Да Эшли Уилкс в жизни цента у меня не брал! Я бы не могла заставить его взять ни цента, даже если б он умирал с голоду! Вам в жизни не понять, какой он благородный, какой гордый! Да и где вам понять его, когда сами-то вы...

– Не будем оскорблять друг друга, а то я ведь могу обозвать вас почище, чем вы – меня. Не забывайте, что я все время следил за вашей жизнью благодаря мисс Питтипэт, а эта святая душа способна выболтать все, что ей известно, первому подвернувшемуся слушателю. Я знаю, что Эшли живет в Таре с тех пор, как вернулся домой из Рок-Айленда. Я знаю, что вы даже согласились взять к себе его жену, хотя, наверно, это было для вас нелегко.

– Эшли – это...

– О да, конечно, – сказал он, пренебрежительно отмахнувшись от нее. – Где уж мне, человеку земному, понять такую возвышенную натуру, как Эшли. Только, пожалуйста, не забудьте, что я с интересом наблюдал за нежной сценой, которая разыгралась между вами в Двенадцати Дубах, и что-то говорит мне, что Эшли с тех пор не изменился. Как и вы. В тот день, если память меня не подводит, он не слишком красиво выглядел. И думаю, что сейчас выглядит не лучше. Почему он не заберет свою семью, не уедет куда-нибудь и не найдет себе работу? Почему он живет в Таре? Конечно, это моя прихоть, но я не дам вам ни цента на Тару, чтобы содержать там Эшли. У нас, мужчин, есть одно весьма неприятное слово для обозначения мужчины, который разрешает женщине содержать его.

– Да как вы смеете говорить такое?! Эшли работает в Таре как раб! – Несмотря на владевшую ею ярость, Скарлетт с болью в душе вспомнила о том, как Эшли обтесывал колья для ограды.

– Ну конечно, золотые руки! Как он, должно быть, ловко убирает навоз, а...

– Он просто...

– О да, я знаю. Допустим, он делает все что может, но я не представляю себе, чтобы помощь от него была так уж велика. В жизни вы не сделаете из Уилкса фермера... или вообще человека в какой-то мере полезного. Это порода чисто орнаментальная. Ну, а теперь пригладьте свои взъерошенные перышки и забудьте о моих грубых высказываниях по адресу гордого и высокочтимого Эшли. Странно, что подобные иллюзии могут подолгу существовать в головке даже такой трезвой женщины, как вы. Так сколько же вам надо денег и зачем они вам нужны? – Она молчала, и он повторил: – Зачем они вам нужны? И постарайтесь сказать мне правду. Увидите, это сработает не хуже, чем ложь. Даже лучше, ибо если вы солжете, я, конечно же, это обнаружу, и можете себе представить, как вам потом будет неловко. Запомните навсегда, Скарлетт: я могу стерпеть от вас что угодно, кроме лжи, – и вашу неприязнь, и ваш нрав, и все ваши злобные выходки, но только не ложь. Так для чего вам нужны деньги?

Она была в такой ярости от его нападок на Эшли, что с радостью плюнула бы ему в лицо, стерла бы с его губ эту усмешечку, гордо отказалась бы от его денег. И чуть было этого не сделала, но холодная рука здравого смысла удержала ее. Она с трудом подавила в себе гнев и попыталась придать лицу милое, исполненное достоинства выражение. А он откинулся на спинку стула и протянул ноги к печке.

– Ничто не доставляет мне такого удовольствия, – заметил он, – как наблюдать за внутренней борьбой, которая происходит в вас, когда принципы сталкиваются с таким практическим соображением, как деньги. Я, конечно, знаю, что практицизм в вас всегда победит, и все же не выпускаю вас из виду: а вдруг лучшая сторона вашей натуры одержит верх. И если такой день наступит, я тут же упакую чемодан и навсегда уеду из Атланты. Слишком много на свете женщин, в которых лучшая сторона натуры неизменно побеждает... Но вернемся к делу. Так сколько и зачем?

– Я не знаю точно, сколько мне потребуется, – нехотя процедила она. – Но я хочу купить лесопилку. И по-моему, могу получить ее дешево. А потом мне потребуются два фургона и два мула. Причем два хороших мула. И еще лошадь с бричкой для моих нужд.

– Лесопилку?

– Да, и если вы одолжите мне денег, то половина доходов – ваша.

– На что мне лесопилка?

– Чтобы делать деньги! Мы сможем заработать кучу денег. А не то я могу взять у вас займы под проценты. Стойте, стойте, хороший процент – это сколько?

– Пятьдесят процентов считается очень неплохо.

– Пятьдесят... Да вы шутите! Перестаньте смеяться, вы, дьявол! Я говорю серьезно.

– Потому-то я и смеюсь. Интересно, понимает ли кто-нибудь, кроме меня, что происходит в этой головке, за этой обманчиво милой маской?

– А кому это интересно? Послушайте, Ретт, и скажите, кажется вам это дело выгодным или нет. Фрэнк рассказал мне, что один человек, у которого есть лесопилка недалеко от Персиковой дороги, хочет ее продать. Ему нужны наличные – и быстро. Поэтому он наверняка продаст дешево. Сейчас в округе не так много лесопилок, а люди ведь строятся... словом, мы могли бы продавать пиленный лес по баснословным ценам. И человек тот готов остаться и работать на лесопилке за жалованье... Все это Фрэнк мне рассказал. Фрэнк сам купил бы лесопилку, будь у него деньги. Я думаю, он так и собирался сделать, да только я забрала у него деньги, чтоб заплатить налог за Тару.

– Бедняга Фрэнк! Что он скажет, когда узнает, что вы купили ее прямо у него из-под носа?! И как вы объясните ему, что взяли у меня деньги займы – ведь это же вас скомпрометирует!

Об этом Скарлетт не подумала – все ее мысли были лишь о том, чтобы получить деньги и купить на них лесопилку.

– Но я просто не скажу ему ничего.

– Так не под кустом же вы их нашли – это-то он поймет.

– Я скажу ему... вот: я скажу ему, что продала вам свои бриллиантовые подвески. Я вам их и дам. Это будем моим обес... Ну, словом, вы понимаете, о чем я говорю.

– Я не возьму ваших подвесок.

– Но они мне не нужны. Я их не люблю. Да и вообще они не мои.

– А чьи же?

Перед ее мысленным взором снова возник удушливый жаркий полдень, глубокая тишина в Таре и вокруг – и мертвец в синей форме, распростертый на полу в холле.

– Мне их оставили... оставил один человек, который умер. Так что они, в общем-то, мои. Возьмите их. Они мне не нужны. Я предпочла бы взамен деньги.

– О господи! – теряя терпение, воскликнул он. – Да неужели вы ни о чем не можете думать, кроме денег?

– Нет, – откровенно ответила она, глядя на него в упор своими зелеными глазами. – И если бы вы прошли через то, через что прошла я, вы бы тоже ни о чем другом не думали. Я обнаружила, что деньги – самое важное на свете, и бог мне свидетель, я не желаю больше жить без них.

Ей вспомнилось жаркое солнце, мягкая красная земля, в которую она уткнулась головой, острый запах негритянского жилья за развалинами Двенадцати Дубов – вспомнилось, как сердце выстукивало: «Я никогда не буду больше голодать. Я никогда не буду больше голодать».

– И рано или поздно у меня будут деньги – будет много денег, чтоб я могла есть вдоволь, все что захочу. Чтоб не было больше у меня на столе мамалыги и сушеных бобов. И чтоб были красивые платья и все – шелковые...

– Все?

– Все, – отрезала она, даже не покраснев от его издевки. – У меня будет столько денег, сколько надо, чтобы янки никогда не могли отобрать Тару. А в Таре я настелю над домом новую крышу, и построю новый сарай, и у меня будут хорошие мулы, чтоб пахать землю, и я буду выращивать столько хлопка, сколько вам и не снилось. И Уэйд никогда не будет ни в чем нуждаться, даже не узнает, каково это жить без самого необходимого. Никогда! У него будет все на свете. И все мои родные никогда больше не будут голодать. Я это серьезно. Все – от первого до последнего слова. Вам не понять этого – вы ведь такой эгоист. Вас «саквояжники» не пытались выгнать из дома. Вы никогда не терпели ни холода, ни нужды, вам не приходилось гнуть спину, чтоб не умереть с голоду!

Он спокойно заметил:

– Я восемь месяцев был в армии конфедератов. И не знаю другого места, где бы так голодали.

– В армии! Подумаешь! Но вам никогда не приходилось собирать хлопок, прореживать кукурузу. Вам... Да не смейтесь вы надо мной!

Голос ее зазвенел от гнева, и Ретт поспешил снова накрыть ее руки ладонью.

– Я вовсе не над вами смеялся. Я смеялся над тем, как не соответствует ваш вид тому, что вы на самом деле есть. И я вспомнил, как впервые увидел вас на пикнике у Уилксов. В платье зелеными цветочками и зеленых туфельках, и вы были по уши заняты мужчинами и полны собой. Могу поклясться, вы тогда понятия не имели, сколько пенни в долларе, и в голове у вас была одна только мысль – как заполнить Эш...

Она резко выдернула руки из-под его ладони.

– Ретт, если вы хотите, чтобы мы как-то ладили, вам придется прекратить разговоры об Эшли Уилксе. Мы всегда будем ссориться из-за него, потому что вы его не понимаете.

– Зато вы, очевидно, читаете в его душе, как в раскрытой книге, – ехидно заметил Ретт. – Нет, Скарлетт, если уж я одолжу вам деньги, то сохраню за собой право обсуждать Эшли Уилкса, как мне захочется. Я отказываюсь от права получить проценты за деньги, которые вам одолжу, но от права обсуждать Эшли не откажусь. А есть ряд обстоятельств, связанных с этим молодым человеком, которые мне хотелось бы знать.

– Я не обязана обсуждать его с вами, – отрезала она.

– Нет, обязаны! Ведь у меня в руках шнурок от мешка с деньгами. Когда-нибудь, когда вы разбогатеете и у вас появится возможность поступать так же с другими... Я же вижу, что он все еще дорог вам...

– Ничего подобного.

– Ну что вы, это же так ясно – недаром вы кидаетесь на его защиту. Вы...

– Я не допущу, чтобы над моими друзьями издевались.

– Ничего не поделаешь, придется потерпеть. А вы ему все так же дороги или Рок-Айленд заставил его вас забыть? Или, может быть, он наконец оценил, какой бриллиант – его жена?

При упоминании о Мелани грудь Скарлетт стала бурно вздыматься, и она чуть было не крикнула Ретту, что только соображения чести удерживают Эшли подле Мелани. Она уже открыла было рот и – закрыла.

– Ага. Значит, у него по-прежнему не хватает здравого смысла оценить миссис Уилкс? И даже все строгости тюремного режима в Рок-Айленде не притупили его страсти к вам?

– Я не вижу необходимости обсуждать этот вопрос.

– А я желаю его обсуждать, – заявил Ретт. Голос его звучал почему-то хрипло – Скарлетт не поняла почему, но все равно ей это не понравилось. – И клянусь богом, буду обсуждать и рассчитывать получить ответ на мои вопросы. Так, значит, он по-прежнему влюблен в вас?

– Ну и что, если так? – вскричала Скарлетт. – Я не желаю обсуждать его с вами, потому что вы не можете понять ни его самого, ни его любовь. Вы знаете только одну любовь, ну, ту, которой занимаетесь с женщинами вроде этой Уотлинг.

– Вот как, – мягко сказал Ретт. – Значит, я способен лишь на животную похоть?

– Вы же знаете, что это так.

– Теперь мне ясно, почему вы воздерживаетесь говорить со мной об Эшли. Мои грязные руки и губы оскверняют незапятнанную чистоту его любви.

– Да... что-то в этом роде.

– А меня интересует эта чистая любовь...

– Не будьте таким гадким, Ретт Батлер. Если вы настолько испорчены, что считаете, будто между нами было что-то дурное...

– Что вы, подобная мысль никогда не приходила мне в голову. Потому-то это меня так и интересует. Но все же – почему между вами ничего не было?

– Неужели вы думаете, что Эшли стал бы...

– Ах, так, значит, Эшли, а не вы, ведет эту борьбу за непорочность. Право же, Скарлетт, не надо так легко выдавать себя.

Скарлетт в смятении и возмущении взглянула на Ретта; но по лицу его ничего нельзя было прочесть.

– На этом мы ставим точку. Не нужны мне ваши деньги. Так что убирайтесь вон!

– Неправда, вам нужны мои деньги, и раз уж мы так далеко зашли, зачем останавливаться? Конечно же, никакого вреда не будет, если мы поговорим о столь чистой идиллии – ведь между вами не было ничего дурного. Итак, значит, Эшли любит вас за ваш ум, за вашу душу, за благородство вашего характера?

Скарлетт внутренне съежилась от его слов, как от ударов хлыстом. Конечно же, Эшли любит ее именно за эти качества. Сознание того, что Эшли, связанный соображениями чести, любит ее на расстоянии за то прекрасное, что глубоко скрыто в ней и что один, только он

видит, – это сознание как раз и позволяло ей жить. Но сейчас, когда Ретт перечислял ее достоинства вслух, да еще этим своим обманчиво сладким тоном, под которым таился сарказм, они перестали казаться ей такими уж прекрасными.

– Я чувствую, как юношеские идеалы оживают во мне при мысли, что такая любовь может существовать в нашем грешном мире, – продолжал он. – Значит, в любви Эшли к вам нет ничего плотского? И эта любовь была бы такой же, если бы вы были уродиной и не обладали вашей белоснежной кожей? И у вас не было бы этих зеленых глаз, которые вызывают в мужчине желание заключить вас в объятия, – авось не станете сопротивляться. И если бы вы так не покачивали бедрами, соблазняя без разбору всех мужчин моложе девяти лет? И если бы эти губки... но тут лучше мне попридержать свою животную похоть. Так Эшли всего этого не видит? А если видит, то это ничуть не волнует его?

Мысли Скарлетт невольно вернулись к тому дню во фруктовом саду, когда Эшли обнял ее, и она вспомнила, как дрожали у него руки, каким жарким был поцелуй – казалось, он никогда не выпустит ее из объятий. При этом воспоминании она залилась краской, и румянец, разлившийся по ее лицу, не ускользнул от глаз Ретта.

– Значит, так, – сказал он, и голос его задрожал словно от ярости, – все ясно. Он любит вас только за ваш ум.

Да как он смеет лезть ей в душу своими грязными руками, оскверняя то единственное прекрасное и священное, что есть в ее жизни? Холодно, непреклонно он разрушал последние бастионы ее сдержанности, и теперь уже то, что ему так хотелось узнать, скоро выплеснется наружу.

– Да, конечно! – воскликнула она, отбрасывая воспоминание о губах Эшли, прильнувших к ее губам.

– Прелесть моя, да он даже и не знает, что у вас есть ум. Если бы его привлекал в вас ум, не нужно было бы ему так защищаться от вас, чтобы сохранить эту свою любовь во всей ее, так сказать, «святости»! Он жил бы себе спокойно, потому что мужчина может же восхищаться умом и душой женщины, оставаясь всеми уважаемым джентльменом и сохраняя верность своей жене. А ему, видимо, трудно примирить честь Уилксов с жаждой обладать вами, которая сдает его.

– Вы думаете, что все так же порочны, как вы!

– О, я никогда не отрицал, что жажду обладать вами, если вы это имеете в виду. Но слава богу, меня не волнуют проблемы чести. Если я чего-то хочу, я это беру, так что мне не приходится бороться ни с ангелами, ни с демонами. И веселенький же ад вы, должно быть, создали для Эшли! Я почти готов пожалеть его.

– Я... это я создала для него ад?

– Конечно, вы! Вы же маячите перед ним вечным соблазном. Но, как большинство людей его породы, он предпочитает самой большой любви то, что в этих краях именуют честью. И сдается мне, у бедняги теперь не осталось ни любви, ни чести, которые могли бы его согреть!

– У него есть любовь!.. Я хочу сказать: он любит меня!

– В самом деле? Тогда ответьте мне еще на один вопрос, и на этом мы сегодня покончим. Можете взять деньги и хоть выбрасывайте их на помойку – мне все равно.

Ретт поднялся на ноги и швырнул в пепельницу недокуренную сигару. В его движениях была та дикарская раскованность и сдержанная сила, которые Скарлетт подметила в ту ночь, когда пала Атланта, – что-то зловещее и немного пугающее.

– Если он любит вас, тогда какого черта отпустил в Атланту добывать деньги на уплату налога? Прежде чем позволить любимой женщине пойти на такое, я бы...

– Он же не знал! Он понятия не имел, что я...

– А вам не приходило в голову, что ему следовало бы знать? – В голосе его звучала еле сдерживаемая ярость. – Если бы он любил вас, как вы говорите, он должен был бы знать, на

что вы способны, когда доведены до отчаяния. Да он должен был бы убить вас, но не отпускать сюда – и прежде всего ко мне! Господи ты боже мой!

– Да он же не знал!

– Если он не догадался сам, без подсказки, значит, ничего он не знает ни о вас, ни о вашем драгоценном уме.

Как это несправедливо! Не может же Эшли читать в мыслях! Да и разве сумел бы он ее удержать, если бы даже знал! И вдруг Скарлетт поняла, что Эшли мог бы ее удержать. Достаточно было ему тогда, во фруктовом саду, хотя бы намекнуть на то, что когда-нибудь все изменится, и она бы даже не подумала обращаться к Ретту. Достаточно было одного нежного слова, даже мимолетной ласки на прощание, когда она садилась в поезд, и – и она бы осталась. Но он говорил только о чести. И однако же... неужели Ретт прав? Неужели Эшли знал, что у нее на уме? Она поспешила отбросить порочащую его мысль. Конечно же, он ничего не подозревал. Эшли никогда бы не заподозрил, что ей может прийти в голову нечто столь безнравственное. Слишком он порядочный человек, чтобы у него могли зародиться подобные мысли. Просто Ретт пытается замарать ее любовь. Пытается изодрать в клочья то, что ей дороже всего на свете. Настанет день, мстительно подумала она, дела в лавке наладутся, лесопилка будет приносить неплохой доход. У нее появятся деньги, и она заставит Ретта заплатить за все страдания и унижения, которые по его милости вынесла.

А он стоял и с легкой усмешкой, явно забавляясь, смотрел на нее сверху вниз. Чувства, кипевшие в нем, улеглись.

– Собственно, к вам-то все это какое имеет отношение? – спросила она. – Это мое дело и дело Эшли, а не ваше.

Он пожал плечами.

– Имеет, поскольку ваша стойкость, Скарлетт, вызывает во мне глубокое и бескорыстное восхищение и я не хочу быть свидетелем того, как ваш дух будет стерт в порошок чересчур тяжелыми жерновами. На вас лежит Тара. Уж одного этого бремени хватило бы для мужчины. Прибавьте сюда больного отца. А он уже никогда не сумеет вам помочь. Потом – ваши сестры и негры. И теперь вы еще взвалили себе на плечи мужа и, по всей вероятности, мисс Питтипэт. Слишком большие легли на вас тяготы и без Эшли Уилкса и его семейства.

– Он мне вовсе не в тягость. Он мне помогает...

– О, ради всего святого! – воскликнул Ретт, теряя терпение. – Не надо делать из меня дурака! Ничем он вам не помогает. Он сидит у вас на шее и будет сидеть – на вашей или на чьей-то еще – до самой своей смерти. Впрочем, надоело мне говорить о нем... Так сколько вам нужно денег?

Самые резкие, бранные слова готовы были сорваться у нее с языка. Да после того, как он наговорил ей столько грубостей, после того, как вытянул из нее все самое дорогое и растоптал, он еще думает, что она станет брать у него деньги!

Но бранные слова так и не были произнесены. Как было бы чудесно презрительно поднять брови в ответ на его предложение и выставить Ретта из лавки! Но только люди действительно богатые, действительно обеспеченные могут позволить себе такую роскошь, а она, до тех пор пока бедна – только пока бедна, – вынуждена терпеть. Зато когда она разбогатеет, – о, как чудесно греет эта мысль! – когда она разбогатеет, она не станет мириться с тем, что ей не нравится, не станет обходиться без того, чего ей хочется, не будет даже любезной с теми, кто перчит ей.

«Я их всех пошлю к черту, – подумала она. – И Ретта Батлера – в первую очередь!» Мысль эта была столь приятна, что зеленые глаза ее засверкали и на губах появилась легкая улыбка. Ретт Батлер тоже улыбнулся.

– Вы прелестны, Скарлетт, – сказал он. – Особенно когда задумываете какую-нибудь чертовщину. За одну ямочку на вашей щечке я куплю вам чертову дюжину мулов, если они вам нужны.

Входная дверь распахнулась, и вошел приказчик, ковыряя птичьим пером в зубах. Скарлетт встала, оправила на себе шаль и крепко завязала ленты шляпки под подбородком. Решение ее было принято.

– Вы сегодня заняты? Не могли бы вы поехать со мной сейчас? – спросила она.

– Куда?

– Я хочу, чтобы вы съездили со мной на лесопилку. Я обещала Фрэнку, что не буду выезжать из города одна.

– На лесопилку, в такой дождь!

– Да, я хочу купить лесопилку сейчас же, пока вы не передумали.

Он расхохотался так громко, что мальчишка за прилавком вздрогнул и с любопытством уставился на него.

– Вы, кажется, забыли, что вы замужем? Миссис Кеннеди не может позволить себе такого – разъезжать по округе в сопровождении этого нечестивца Батлера, которого не принимают в хороших домах. Вы что, забыли о своей репутации?

– Репутация – че-пуха! Я хочу купить лесопилку, пока вы не передумали и пока Фрэнк не узнал, что я ее покупаю. Не будьте таким неповоротливым, Ретт. Ну что такое дождь? Поехали скорее.

Ох уж эта лесопилка! Фрэнк скрежетал зубами всякий раз, как вспоминал о ней, проклиная себя за то, что вообще сказал об этом Скарлетт. Мало того, что она продала свои сережки капитану Батлеру (надо же было продать именно ему!) и купила лесопилку, даже не посоветовавшись с собственным мужем, – она еще сама взялась за дело. Вот это уже скверно. Точно она не доверяет ему или его суждениям.

Фрэнк – как и все его знакомые мужчины – считал, что жена должна жить, опираясь на мудрый жизненный опыт мужа, должна полностью соглашаться с его мнением и не иметь своего собственного. Он охотно позволил бы большинству женщин поступать по-своему. Женщины – они такие смешные, и что же тут плохого – потакать их маленьким капризам? Человек по натуре мягкий и кроткий, он был не из тех, кто стал бы слишком урезать жену. Ему бы даже доставило удовольствие исполнять всякие нелепые желания милого маленького существа и потом любовно журить женушку за глупость и расточительство. Но то, что надумала Скарлетт, просто не укладывалось у него в голове.

Взять хотя бы лесопилку. Он был буквально сражен, когда в ответ на его вопрос она с ласковой улыбкой заявила, что намерена вести дело сама. «Лесом я сама займусь» – так она и сказала. Фрэнк в жизни не забудет этой ужасной минуты. Займется сама? Нет, это немыслимо. Да ни одна женщина в Атланте не занималась делами. Собственно, Фрэнк вообще не слышал, чтобы женщины где-либо и когда-либо этим занимались. Если какой-то из них не повезло и она вынуждена была подрабатывать, чтобы помогать семье в нынешние тяжелые времена, делала она это скромно, по-женски: пекла пироги, как миссис Мерриуэзер, или расписывала фарфор, шила и держала постояльцев, как миссис Элсинг и Фэнни, или учила детишек, как миссис Мид, или давала уроки музыки, как миссис Боннелл. Дамы подрабатывали, но дома, как и положено женщине. Но чтобы женщина оставила домашний очаг, вступила в грубый мир мужчин и стала соперничать с ними в делах, повседневно общаться, навлекая на себя оскорбления и сплетни... да еще когда ничто ее к этому не принуждает, когда у нее есть муж, вполне способный о ней позаботиться!

Фрэнк надеялся, что Скарлетт лишь дразнит его или шутит – правда, шутка была сомнительная, – но вскоре обнаружил, что таковы ее подлинные намерения. Она в самом деле стала

управлять лесопилкой. Она поднималась раньше его, уезжала из города не Персиковой дороге и часто возвращалась домой после того, как он, давно закрыв лавку, сидел в ожидании ужина у тети Питти. Она отправлялась за много миль на свою лесопилку под защитой одного лишь дядюшки Питера, который, кстати, тоже осуждал ее, а в лесах полно было вольных негров и бандитов-янки. Фрэнк ездить с ней не мог: лавка отнимала у него все время, – но когда он попытался протестовать, Скарлетт непреклонно заявила: «Если я не буду следить за этим плутом и бездельником Джонсоном, он раскрадет мой лес, продаст его, а денежки положит себе в карман. Вот найду хорошего человека, поставлю его управлять вместо меня, тогда не буду так часто ездить на лесопилку, а займусь продажей пиленого леса в городе».

Продажей леса в городе! Хуже этого уж не придумаешь. Она и сейчас – вместо того чтобы ехать на лесопилку – частенько освобождала себе день и торговала пиленным лесом, Фрэнку в такие дни хотелось забраться в самый темный закоулок своей лавки, чтобы никого не видеть. Его жена продает лес!

И люди заговорили о ней – очень плохо. Да и о нем, наверное, тоже: как он позволяет ей так не по-женски себя вести? До чего же он смущался, когда покупатель, зайдя в лавку, говорил: «А я только что видел миссис Кеннеди...» Все охотно сообщали ему, что она делает. Все рассказывали о том, что произошло на строительстве новой гостиницы. Скарлетт подъехала, как раз когда Томми Уэлберн покупал доски у какого-то человека, слезла со своей двуколки среди этих грубиянов-ирландцев, укладывавших кирпичный фундамент, и заявила Томми, что его обвели вокруг пальца. Она сказала, что у нее доски лучше и к тому же дешевле, в доказательство чего быстро сложила в уме длинную колонку цифр и, не сходя с места, назвала сумму. Худо было уже то, что она появилась среди этих пришлых грубиянов, работавших на строительстве, но еще хуже то, что женщина открыто выказала такие способности в арифметике. Томми согласился с доводами Скарлетт и дал ей заказ на пиленный лес, однако она и после этого не спешила уехать, а еще какое-то время болталась на стройке, беседуя с десятником ирландцев Джонни Гэллегером, маленьким злобным человечком, с прескверной репутацией. Потом весь город не одну неделю говорил об этом.

И в довершение всего Скарлетт действительно получала деньги с этой своей лесопилки, а ни одному мужчине не понравится, когда жена преуспевает в столь неженском деле. Причем деньги эти – или хотя бы часть их – она не давала Фрэнку пустить в оборот. Почти все они шли в Тару, и Скарлетт писала нескончаемые письма Уиллу Бентину с указаниями, на что их потратить. Кроме того, она заявила Фрэнку, что когда в Таре удастся, наконец, завершить ремонт, она намерена давать деньги под залог.

«Боже мой! Боже мой!» – стонал Фрэнк, стоило ему вспомнить об этом. Да женщина даже знать не должна, что такое залог.

В те дни Скарлетт полна была разных планов, и каждый следующий казался Фрэнку хуже предыдущего. Она поговаривала даже о том, чтобы построить салун на участке, где раньше стоял ее склад, пока генерал Шерман не сжег его. Фрэнк был отнюдь не трезвенником, но он горячо возражал против этой затеи. Владеть салуном – нехорошее это занятие, оно не принесет счастья, это почти так же плохо, как сдать дом шлюхам. Почему плохо, объяснить он не мог, и в ответ на его неуклюжие доводы Скарлетт лишь говорила: «Че-пуха!»

– Салунщики – хорошие арендаторы. Дядя Генри всегда это утверждал, – объявила она мужу. – Они исправно вносят арендную плату, а кроме того, видите ли, Фрэнк, я могла бы дешево построить салун из несортowego леса, который я не могу продать, и сдать его потом за хорошую плату, а на деньги, вырученные за аренду, на деньги с лесопилки и на деньги, которые я буду получать, давая под проценты, я смогу купить еще несколько лесопилок.

– Лапочка моя, зачем вам еще лесопилки! – воскликнул потрясенный Фрэнк. – Вам следовало бы продать даже ту, которая у вас есть. Она вас доконает – вы же сами видите, какого труда вам стоит заставлять работать этих вольных негров, которых вы наняли...

– От вольных негров толку, конечно, чуть, – согласилась Скарлетт, пропуская мимо ушей его совет продать лесопилку. – Мистер Джонсон говорит, что утром, придя на работу, он никогда не знает, будет у него достаточно рабочих или нет. На этих черномазых нынче положиться нельзя. Поработают день-другой и гуляют, пока не потратят все свои гроши, а то глядишь, и вся команда не вышла на работу. Чем больше я наблюдаю, как ведут себя эти вольноотпущенные, тем большим преступлением считаю то, что произошло. Их же всех просто погубили. Тысячи людей вообще не хотят работать, а те, которых удастся нанять, до того ленивы, до того им не сидится на месте, что от них никакого проку нет. А стоит на них прикрикнуть – уже не говоря о том, чтобы огреть хлыстом разок-другой для их же блага, – Бюро вольных людей тотчас налетит на тебя, как утка на майского жука.

– Лапочка моя, неужели вы разрешаете мистеру Джонсону бить этих...

– Конечно, нет, – нетерпеливо оборвала она его. – Разве я вам только что не сказала, что янки посадили бы меня за это в тюрьму?

– Могу поспорить, что ваш батюшка в жизни ни одного негра пальцем не тронул, – сказал Фрэнк.

– Ну, одному-то он все-таки накостылял – мальчишке-конюшему, который не вычистил его лошадь после того, как отец целый день охотился на ней. Но, Фрэнк, тогда же все было иначе. Вольные негры – это совсем другое, и хорошая порка пошла бы кое-кому из них на пользу.

Фрэнк был не только поражен взглядами своей жены и ее планами, но и теми переменами, которые произошли в ней за эти несколько месяцев их брака. Ведь он брал в жены существо мягкое, нежное, женственное. За короткое время своего ухаживания он пришел к выводу, что в жизни не встречал женщины более пленительно-женственной по своему восприятию жизни, более далекой от реальности, более застенчивой и беспомощной. Теперь же перед ним был мужчина в юбке. Несмотря на свои розовые щечки, ямочки и прелестную улыбку, говорила она и действовала как мужчина. Голос ее звучал резко, категорично, и решения она принимала мгновенно, без свойственного женщинам миндальничания. Она знала, чего хочет, и шла к цели кратчайшим путем – как мужчина, а не окольными, скрытыми путями, как это свойственно женщинам.

Нельзя сказать, чтобы Фрэнк до сих пор ни разу не видел женщин, умеющих командовать. В Атланте, как и во всех южных городах, были свои престарелые дамы, которым люди старались не вставать поперек дороги. Трудно, к примеру, представить себе человека более властного, чем дородная миссис Мерриуэзер, более деспотичного, чем хрупкая миссис Элсинг, более искусного в достижении своих целей, чем сребровласая, сладкоголосая миссис Уайтинг. Но к каким бы хитростям ни прибегали эти дамы, чтобы добиться своего, – это были женские хитрости. И все они с подчеркнутым уважением относились к суждениям мужчин, хотя и не всегда с ними соглашались. Во всяком случае, они были достаточно хорошо воспитаны, чтобы делать вид, будто руководствуются тем, что говорят мужчины, а это – главное. Скарлетт же руководствовалась только собственным мнением и вела дела по-мужски – вот почему весь город и судачил о ней.

«И ведь, наверное, – печально думал Фрэнк, – судачат и обо мне тоже, осуждают, что я позволяю ей так не по-женски себя вести».

А тут еще этот Батлер. Его частые посещения дома тети Питти были всего унизительнее для Фрэнка. Он и до войны, когда вел дела с Батлером, недолюбливал его. И часто проклинал тот день, когда привез Ретта в Двенадцать Дубов и познакомил со своими друзьями. Он презирал Батлера за холодную расчетливость, с какою тот занимался спекуляциями во время войны, и за то, что он не служил в армии. О том, что Ретт восемь месяцев был с конфедератами, знала одна только Скарлетт, ибо Ретт с наигранным ужасом умолял ее никому не говорить об этом его «позоре». Но больше всего Фрэнк презирал Ретта за то, что тот присвоил себе золото Кон-

федерации, тогда как честные люди вроде адмирала Буллака – можно было бы назвать и других, – очутившись в аналогичной ситуации, вернули тысячи долларов в федеральную казну. Так или иначе, нравилось это Фрэнку или не нравилось, а Ретт частенько навещался к ним.

Заходил он вроде бы навестить мисс Питтипэт, и она по глупости так и считала и очень жеманничала, когда он появлялся. Но Фрэнка не покидало неприятное чувство, что вовсе не мисс Питти привлекает Батлера. Маленький Уэйд очень привязался к нему и, к великой досаде Фрэнка, даже называл его «дядя Ретт», хотя вообще-то мальчик был застенчивый. Да и не мог Фрэнк не помнить, что Ретт ухаживал за Скарлетт во время войны и о них даже шла тогда молва. Фрэнк представлял себе, что болтают о них сейчас. Ни у кого из друзей не хватало смелости намекнуть на это Фрэнку, хотя они, не жалея слов, осуждали Скарлетт за лесопилку. Он, конечно, не преминул заметить, что их со Скарлетт стали все реже приглашать на обеды, ужины и вечеринки и все реже появлялись гости у них. Скарлетт, которая терпеть не могла большинство из своих соседей и была слишком занята лесопилкой, чтобы общаться с теми, кто ей не нравится, отнюдь не терзалась отсутствием гостей. Зато Фрэнк остро это переживал.

Всю свою жизнь Фрэнк считался с тем, «что скажут соседи», и его больно ранило то, что жена не обращает внимания на приличия. Он чувствовал, что все не одобряют Скарлетт и презирают его за то, что он позволяет ей «носить штаны». Она делала много такого, чего муж, с точки зрения Фрэнка, не должен был бы позволять, но если бы он велел ей прекратить это и стал с ней спорить или даже критиковать ее, на его голову обрушился бы настоящий шквал.

«О-хо-хо! – беспомощно вздыхал он про себя. – До чего же она быстро вскипает и долго бурлит – в жизни не встречал такой женщины!» Даже в самые спокойные дни можно было лишь удивляться тому, как Скарлетт мгновенно превращалась из веселой, любящей жены, напевающей себе под нос, бродя по дому, в нечто прямо противоположное. Достаточно ему было сказать: «Лапочка, на вашем месте я бы...» – как разразилась буря.

Черные брови Скарлетт стремительно сходились на переносице под острым углом, и Фрэнк съеживался на глазах. У нее был какой-то поистине азиатский темперамент и ярость дикой кошки – ей было, казалось, все равно, что произносит ее язык и как больно ранит. Над домом в таких случаях нависал мрак. Фрэнк рано уходил в лавку и оставался там допоздна. Мисс Питти стремительно укрывалась к себе в спальню, ища в ней прибежище, словно заяц в норе. Уэйд с дядюшкой Питером уединялись в сарае, а кухарка не высовывала носа из кухни и воздерживалась от прославления Господа пением. Только Мамушка спокойно сносила нрав Скарлетт, ну а Мамушка прошла многолетнюю науку у Джералда О'Хара и не раз наблюдала его гневные вспышки.

Вообще-то Скарлетт вовсе не стремилась показать свой нрав и действительно хотела быть Фрэнку хорошей женой, ибо относилась к нему тепло и была благодарна за то, что он помог ей удержать Тару. Но он так часто и порой так неожиданно испытывал ее терпение, что она теряла над собой власть.

Не могла она уважать Мужчину, который позволял ей так командовать, его робость и нерешительность в сколько-нибудь сложных случаях, шла ли речь о ней или о других людях, бесконечно раздражали ее. Она могла бы не обращать на это внимания и даже чувствовать себя счастливой – ведь ее денежные проблемы частично уладились, – если бы, к своему великому огорчению, не сталкивалась с тем, что Фрэнк, будучи сам плохим дельцом, не давал и ей себя проявить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.